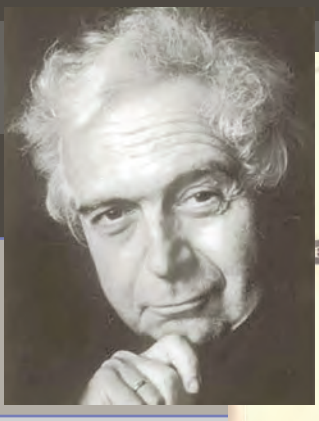
Одесский альманах

№95

IV / 2023

ДЕРИБАСОВСКАЯ – РИШЕЛЬЕВСКАЯ



PLASKE
ПЛАСКЕ

УДК

Литературно-художественное издание

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (95), 2023
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский, Олег Губарь, Евгений Деменок, Иван Липтуга,
Михаил Пойзнер (заместитель редактора), Алена Яворская
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Не периодическое издание
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук» Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

ISBN

Літературно-художнє видання

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (95), 2023
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ»
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський, Олег Губар, Євген Деменок, Іван Ліптуга,
Михайло Пойзнер (заступник редактора), Олена Яворська
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Не періодичне видання
Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 100 прим.
Замовлення № _____

© «Дерибасовская – Ришельевская», 2023

От редактора

Наши читатели и авторы сразу заметили, что обращение к ним на сей раз звучит иначе, чем в предыдущих 94 номерах альманаха, который уже второй век в информационном тренде пространственно-временного континуума одесских периодических изданий. Как свидетельствуют

Презентация очередного номера альманаха в Золотом зале Литературного музея

ведущие специалисты нашей главной одесской научной библиотеки, это – рекорд за всю биографию города.

И вот сейчас, на финише 2023 года, открывая привычный томик или заходя на сайт Всемирного клуба одесситов, вы впервые слышите один голос, а ведь все, и я в том числе, привыкли к трио: Евгений Голубовский, Олег Губарь, Феликс Кохрихт. Сложилось оно в 1996 году, когда мы выпустили первый номер журнала «Одесса», и продолжилось в июне 2000 года – незадолго до миллениума, который нам удалось пережить, да еще втроем преодолеть первое двадцатилетие XXI столетия: вот уж кто нынче век-волкодав (знал бы Осип Мандельштам).

Как и многие фундации, семьи, содружества, в последнее время мы понесли жестокие и невозвратные потери, подтвердив тем, что все негаразды – эпидемии, катастрофы, войны – выбирают себе в добычу тех, без которых нам, остающимся, или совсем нельзя, или мучительно удается… В марте 2021 мы остались вдвоем с Женей Голубовским, в августе 2023 его не стало – и вот рука сама отбила на клавиатуре компа: «От редактора». И я не стал править…

Скрываясь за обобщающим «От редакции», мы ранее, с первых номеров, выбрали такую методу обращения к читателям. Незадолго до выхода номера, когда он уже был нам ясен, как и ситуация в городе и мире, сообща решали, кто же начнет наше воззвание, кто закончит его, кто добавит или убавит. За двадцать три года биографии альманаха (а до этого еще двух лет журнала «Одесса») мы ни разу не перегрызлись, и в конечном варианте вы не замечали, где, бывало, искрило, а ведь Женя, Олег и я в базовых составляющих этого текста были в согласии, но вы же знаете, кто таится в деталях…

Сегодня, оставшись как бы по эту сторону издательской деятельности, я не только с особенной четкостью представляю, с кем мне повезло-посчастливилось двадцать семь лет заниматься любимым делом, но и с особой остротой понимаю, что так уже не будет – никогда.

Номер 95 посвящен памяти Евгения Михайловича Голубовского. Мне и нашему бессменному ответственному секретарю Татьяне Коциевской выпала непростая задача: выбрать из потока (впервые употребляю этот штамп с пониманием его реальности) статей, эссе, монологов в стихах и прозе, хлынувших в эти дни на наши электронные адреса, те, которые претендуют на публикацию.

Коротко о тех, которые вы читаете сейчас .Они – от близких и давних друзей, учеников… Важно и знаменательно, что именно эти материалы поступили в редакцию в первые же дни, а то и часы после горького известия…

Об утратах. Они продолжились и в эти дни, когда шла работа над номером. Не стало профессора, археолога Андрея Олеговича Добролюбского. Его статьи публиковались у нас с первого и до 95 номера. Уверен, что, как и материалы Олега Губаря, наследие Евгения Голубовского будет и впредь на страницах альманаха. Особую надежду я и редколлегия возлагаем на Анну Голубовскую – дочь Валентины и Евгения, талантливого фотохудожника и душевного патриота Одессы.

А редколлегия нынче у нас такая: Евгений Голубовский, Олег Губарь, Евгениий Деменок, Иван Липтуга, Михаил Пойзнер (заместитель редактора), Алена Яворская. Будем продолжать.

И в завершение вернемся в июнь 2000 – мирный и для станы, и для Одессы Наше обращение к читателям первого номера заканчивалось так: «…Если в яркую летнюю полночь выйти на этот угол (Дерибасовской и Ришельевской. – **Ф. К.**) и прислушаться, можно услышать мягкий шорох невидимых крыльев. Это Гений места делает традиционный круг над нашим городом, который он опекает уже более двух столетий. Дай Бог, чтобы он не покинул нас и в третьем».

Прислушайтесь сегодня, в пасмурные беспокойные осенние ночи.

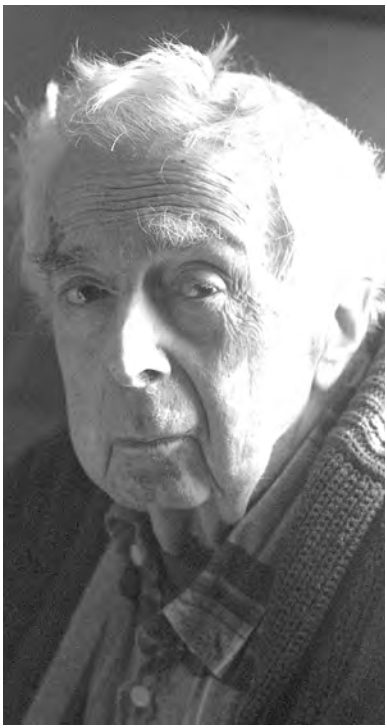
И поверьте в это.

Феликс Кохрихт

Фото Анны Голубовской

Евгений Голубовский

Жванецкий о пользе чтения



Когда-то меня пленила фраза Бориса Пастернака: «Не надо заводить архива, над рукописями трястись…».

И я не заводил архива. Но то, что хорошо в стихах, оказалось неразумным в прозаической жизни.

Сколько бесценных бумаг не сохранил! Свои тексты, чужие тексты замурованы в стопы газет за пятьдесят пять лет. И все же иногда вдруг из недр секретера появляется на свет какой-нибудь листик.

Вот и этот, написанный, как всегда, крупными скачущими буквами Михаилом Жванецким, буквально неожиданно возник передо мной.

Когда-то готовил опрос «О пользе чтения».

Миша взял лист бумаги и написал:

«Книга о любви не заменит любви, но познакомит.

Книга о путешествии не заменит путешествия, но подготовит.

Книга о знаменитой биографии не изменит вашу биографию, но исправит ее кое в чем.

Как воспоминания об ушедшем человеке исправляют нас».

Надеюсь, что эти слова убеждают, что читать полезно.

И не только Фейсбук, но и книги.

А воспоминания об ушедших помогают жить по-человечески.

4 апреля 2023 г.

Михаил Жванецкий

Прекрасно сидеть весь день

Прекрасно сидеть весь день и смотреть на термометр.

Сразу за ним – море.

За морем – небо.

А за мной – всё.

Я старше.

Скоро мы тронемся в сторону моря.

Все увеличивая скорость и не производя ветра.

Вот бы на нас посмотреть.

Движемся лишь по прямой.

И впервые, впервые нам плевать на Америку. На Британию. На Россию.

Да кто ж их вспомнит в этом мареве, в этом великом свободном полете.

Ни голоса, ни звука. И воздух не забивает рот.

И незнакомых нет.

Всё из людей…

Уходим многоточием…

В красивую тишину падают лекарства, телефонные книжки, блокноты, подарки, поздравления.

Всё не нужно.

Все опоздали.

Простые вещи

И после того, как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи:

Что спать на воздухе лучше.

Что жить среди зелени лучше.

Что надо поднять упавшего.

Что надо впустить в дом переночевать.

Что надо угостить каждого, кто вошел.

Что надо принести, если попросят.

Что надо заплатить первым.

Что надо сварить бульон для больного, даже чужого.

Что надо не раздражаться на раздражение.

Землю надо любить. Воду надо любить.

Чистый воздух надо любить.

Детей надо захотеть.

Бросить все лишнее. Выбросить хлам.

Остаться с одной женщиной.

Смеяться, если смешно. Громко.

Плакать, если больно. Тихо.

Оскорбить может только плохой человек. Хороший уйдет от твоей обиды.

Надо восстановить свой род и посмотреть, кто там был, чтобы знать откуда.

Не стесняться ходить к врачам.
Ходить на могилы.
Смерть есть смерть.
И до нее какое-то время.

Прекрасные простые вещи

Наши постоянные читатели наверняка заметили, что эти монологи Михаила Жванецкого в разное время уже публиковались в альманахе. Но мы уверены, что их глубинный смысл в самой полной мере проявился именно сейчас, именно сегодня.

Фото Анны Голубовской

Юрий Михайлик

Евгению Голубовскому

* * *

В этом сборище скифских, гуннских и готских прибрежий
ни промеров, ни лоций, ни зла не найти, ни добра,
и останки галер попадаются реже и реже,
а все больше подводные лодки, торпедные катера.

Это греки включали кораблекрушенья в поэмы,
археологи бредят, а я и гадать не берусь –
что же было в тех амфорах? Ибо погибла трирема
меж Харибдой и Сциллой, и волны похитили груз…

За три тысячи лет эти скалы укрылись в сказаньях,
обменявшись местами, исчезло добро или зло.
Через тысячи лет эта форма и есть содержанье,
тем, кто знает об этом, неслыханно повезло.

Просто белая глина своевольна, как спелая пена,
виноградной лозы измышляя капризный извив,
средиземный орнамент сплетается в ней неизменно,
ни волны, ни струны в дивном замысле не повторив.

Пальцы мастера – глина хранит торжество и дрожанье.
Винным камнем иль масляным крыто пологое дно.
Через тысячи лет эта форма – и есть содержанье,
продолжение в вечность того, что постичь не дано.

Ни следа на песке, кто стоял здесь, потерю оплакав.
Ни следа на воде, кто тонул, пропадая в беде.
Но сосуд возрожденный три тысячи лет чернолаков,
эти люди танцуют в городах, не возникших нигде.

Что же было в тех амфорах, смытых и морем разбитых, –
масло, уксус, вино, – но хлестнувший волной наизусть
прорывается давний зеленых, соленых, забытых,
обжигающих память, горчайший и радостный вкус.

* * *

1.

Нас принесла волна в смутные времена,
где совместить невозможно лица и имена.
Как из-под толщи льда в антарктические года –
легко угадать звучанье, но значение – никогда.
Будто бы на родном, но совершенно ином,
не то на старославянском, не то на новоблатном.
Что ж, помолчи со мной, старый товарищ мой,
на языке молчанья нас позовут домой.

2.

Города, расположенные по краям земли,
погружаются в море, тонут, как корабли, –
финикийские, греческие, сарматские города –
и ни праздновать там, ни пьянствовать никому никогда.
Ибо масло давно прогоркло, прокисло вино,
да и самим амфорам, в сущности, все равно,
в каком году и с какой задачей их извлекут из моря,
похваляясь удачей, и лишь наверху, под телекамерой извне
обнаружат, что истина, к сожалению, не в вине.
И похоже, все извлеченное из глубины

не сохраняет ни вина, ни масла, ни даже страны,
и что все наши – когда-то любимые – города
погрузились на дно, их покрыла вода наших –
когда-то любимых – морей,
и северный ветер – когда-то Борей –
охлаждает лица, прилетев издаля,
матросов погибшего корабля.

3.

Сквозь мелкую рябь воды кто бы увидеть смог
жизнь в плюсквамперфекте, легкий ее дымок…
Словно в детской присказке растворяется под водой
то, что было победой, обидой, бедой, –
улицы, лестницы, белый огонь в ночах,
позабытые руки, все еще лежащие на плечах,
и на все, чем жил, что успел, что уже сотворил,
опускается плотное темное облако – это ил,
чтоб потом батискаф прожектором с океанского дна
считывал то ли мелкие горочки, то ли бывшие письмена
на каком языке? – Олхой или санскрит? –
специалист опознает, но никто так не говорит.
Города уходят на дно, их кварталы кутает ил,
в темной улице шастают рыбы, а эту улицу я любил.
Там, светясь, колышется память – теченье ее шевелит.
Извините нас, доктор Вегенер, угадавший тектонику плит.
И когда океанский цунами извергает глубинный свет,
это вовсе не к нам, не с нами, нас давно уже нет.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Под звуки воздушной тревоги

Из ленты Фейсбука

14 **Анна Стреминская**
Будто и нет никакой войны

15 **Анна Маліцька**
Людина й крила

16 **Инна Квасивка**
Море мое

17 **Жанна Жарова**
Ветру распевы вручая

18 **Тая Найденко**
Вот дом

20 **Александр Мардань**
Мы ждем Победы и тепла

Анна Стреминская

Будто и нет никакой войны

* * *

Да как будто и нет никакой войны,
да как будто и нет никакой войны…
И собор не взорван.
Море, солнце, песок и вдали видны
корабли, остальное – страшные сны,
что уходят в прорву.
Море плещет о том же, что и всегда,
и рассказывает пенистая вода
о своем, глубинном.
Нужно думать, что море в душе полиглот:
и по-гречески, и на фарси поет,
по-славянски и на латыни.
Нужно думать, что оникс – это тепло и свет,
это камень, счастливей которого нет,
это серьги и бусы красивой Инны,
что лежит под солнцем на теплом песке.
Оникс – это не смерть, что летит в тоске
убивать невинных.
Да как будто и нет никакой войны
возле моря, и нет никакой вины.
С пирса прыгают дети.
Только дрона крыло лежит на мокром песке,
только море не пахнет – оно аскет
от воды до тверди.

Анна Маліцька

Людина й крила

Наш зримий світ – всуціль війна та відчай.
Хитаються порожні небеса.
Їм віддана моїх машин краса…
Якби я мірив шлях середньовіччя,

Й у ті часи обрав би бути вічно
Поміж людьми. Хоч їх не колисав
Широкий небосхил; і, певно, сам
Дивився би зіркам в прозорі вічі,

Я звів би в небо кам’яний собор
Як мрію висоти, як вір мірило.
Бо на віки в синяві корогов:

Коли ти серед хмар розкрив вітрила,
І коли там, здавалось, сяяв бог, –
Усе було лиш про людину й крила.

Инна Квасивка

Море мое

Море мое черное,
горе мое минное,
волны твои – вороны,
крылья твои – длинные,
растянулась тиною
смерть непроходимая,
ты среди покинутых
и само – без имени,
пронеси от берега
к берегу над пропастью
лодок наших дребезги,
веры нашей лопасти.

Жанна Жарова

Ветру распевы вручая

Пляж опустевший, и слышен волны замирающий шорох.
Войлок слежавшейся тины пружинит ковром под ногою.
Дышится вольно у моря. Вода в белопенных узорах.
Кромка песка затвердела у кромки прибоя.

Ровной дугой горизонта смыкаются небо и море:
Купол прозрачного зонта – с купелью в небесном соборе.
Море молитву читает, и чайки кричат в ре миноре,
Ветру распевы вручая нестройного птичьего хора.

Я помолилась бы с морем, когда бы умела молиться.
Я попросила бы мира для мира – без злобы и фальши.
Но – не дано мне… А море, как память, листая страницы,
Лица и судьбы уносит волною – все дальше и дальше.

Вечер. И тени сгустились. И солнца закатного пламень
Отблеском алым окрасил и воды, и небо, и землю.
Слышу… Внимаю? – Нет, внемлю! – Волна, ударяя о камень,
Все повторяет свое «Аллилуйя!» и «Амен»…

Тая Найденко

Вот дом

Вот дом, который построили зря.
Одесса смеется ни свет ни заря:
– Зачем «ониксàми»?
Снесли бы и сами!
Давно собирались, вообще говоря.

Вот дом, в котором в конце сентября
Варенье из яблок варю себе я.
Не через дорогу,
Но близко немного
К дому, который построили зря.

Вот чат, в котором обычно молчат,
Но если двенадцать «калибров» летят,
То все оживают
И фотки сливают
Руин того, что построили зря.

Вот дом, где в подвале с семьею сидит
Мой кум, от бессонницы очень сердит.
Их дочка-трехлетка,
Смешная кокетка,
Наверное, спит.
Раз не плачет, то спит.

От дома, который построили зря,
Они чуть подальше, вообще говоря,
Но дело-то в том, что
Летают неточно
Ракеты в Одессе ни свет ни заря.

Вот место, в котором сидит ПВО,
Но я не скажу вам о нем ничего.
Сбивают – как боги,
А все ж при тревоге
Трясемся порой не пойми отчего.

А может, трясемся не мы, а земля.
Не станем на нас наговаривать зря!
То зря понастроим,
То зря же завоем,
Руины от зряшного разом узря.

Варенье из яблок, вообще говоря,
Отлично идет под конец декабря.
Хотелось бы очень
Дожить, между прочим!
Но так, чтобы это дожилось не зря.

* * *

Есть место, где все еще чтят дикаря.
Вполне понимая притом втихаря,
Что вся эта свора
Умоется скоро
Войной, которую начали зря.

Александр Мардань

Мы ждем Победы и тепла

Мы ждем Победы и тепла,
И чтобы рожь опять взошла,
Чтобы вернулись все домой,
Кто зван из дома был войной.
Мы ждем, как завещал поэт,
Из тех минувших страшных лет.
Вот только кто бы мог сказать,
Что мира вновь придется ждать...

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Памяти Евгения Голубовского

22 Юрий Михайлик

32 Анна Голубовская

36 Евгений Голубовский

38 Эвелина Шац

39 Юлия Женевская

40 Григорий Барац

42 Евгений Деменок

50 Анна Михалевская

54 Виктория Коритнянская

57 Вера Зубарева

61 Анатолій Глущак

62 Людмила Шарга

66 Владислава Ильинская

68 Феликс Кохрихт

70 Татьяна Партина

71 Константин А. Ильницкий

Юрий Михайлик

И творчество, и чудотворство

1.

Пожалуй, это было больше чем шестьдесят лет назад.

Читали стихи в литературной студии при Союзе писателей. Сборище сочинителей в том возрасте, когда весь мир рифмуется, и когда кажется, что именно твоих рифм этот мир и ждет. Нечто подобное читал и я. Потом, когда расходились, подошел невысокий человек чуть постарше и сказал, что хочет познакомиться.

Евгений Голубовский – он уже был легендой Одессы. Легендой, объектом газетных статей, слухов, сплетен, рассказов и споров.

В начале шестидесятых несколько студентов политехнического института организовали в студклубе вечер, посвященный живописи импрессионистов. Один из них, Женя Голубовский, прочел доклад о художественном направлении, к тому времени ставшем уже классикой французского модерна.

Затем разразилась буря.

Мы жили в закрытой стране. От прочего мира нас отделял железный занавес. Прочий мир считался враждебным.

Враждебными были прически, фасон штанов, конечно же – книги и картины. Мы жили в холодной стране. Холодильники были только у привилегированных лиц. Наши пельмени висели в сеточке-авоське за окном… После смерти вождя вдруг стало понемногу теплеть…

Да. Это было в начале оттепели. Это ее дыхание почувствовали политехники. В москвах и ленинградах уже выставлялись Моне и Мане, Сэра и Марке, уже попадали в Одессу польские журналы с репродукциями, и эту – новую – температуру воздуха принесли организаторы вечера в битком набитый зал политеха.

Импрессионизм. Неведомая нам классика мирового искусства.

В шишкинском лесу, в окружении трех богатырей это была безусловная крамола.

Одесса существовала в ранге города провинциального, где все указания «держать и не пущать» выполнялись дотошно и тщательно. Одесские партийные и прочие власти были, как и положено, крутыми и невежественными ровно настолько, чтобы ими оставались довольны тогдашние власти киевские.

Для местных властей все было опасным – и сам по себе студенческий диспут, и модерновая живопись, да еще иностранная, западная… Подумать только: в политехе – и про живопись… Держать так держать, не пущать так не пущать.

И уж вовсе раздувались ноздри на само название – импрессионизм. В Одессе? Вторую половину слова они знали, плюс работала в воспаленном сознании национальная принадлежность организаторов и докладчика…

В общем – громовые разоблачительные статьи, и быстро созрело привычное решение: исключить, из комсомола – раз, из института – два, а про три и четыре разберутся, где положено…

Я не знаю, кто советовал, но совет был умным и своевременным – здесь вам, ребята, никто не осмелится помочь. Собирайтесь.

Они поехали в Москву. К Эренбургу. Илья Эренбург привел их к главному редактору журнала «Юность» Борису Полевому. Потаенные московские извилистые ходы, но через несколько мутных дней случилось чудо – слово «импрессионизм» в Одессе опять произнеслось слитно, какие-то выговоры для сохранности начальственных авторитетов студентам все же объявили, но уже ни про исключения, ни про три-четыре речь не шла,

они сравнительно спокойно закончили учебу и отправились работать инженерами… Не к месту оказалась провинциальная бдительность и жестокость, не по времени. А потом уже значительно потеплело и в провинциальном воздухе, и одесские газетчики, авторы разоблачительных статей, смущенно жали руки Жене Голубовскому и его товарищам по «импрес-сионизму»: ну, вы же понимаете…

Итак, подошел познакомиться Евгений Голубовский. К молодому стихотворцу – я помню, какую звонкую, романтическую, книжно рожденную чушь я писал и читал тогда. Что-то ему в этом примерещилось.

Шестьдесят лет Женя Голубовский подходил знакомиться к любому человеку, в котором видел хоть малую возможность возникновения и проявления творчества.

Потом были годы, в которых мы общались, дружили, вместе работали в отделе культуры местной молодежной газеты – в маленькой комнатке, где сидели вчетвером: Женя, Вадим Овсянников, Саша Варламов – заведующий, и я. Комнатка эта была частью бывшей квартиры известного в Одессе доктора Циклиса, чья внучка имела неосторожность выйти за меня замуж, а когда у нас родилась дочь, Женина дочь Анечка оказалась на год старше, и Валя, Женина жена, инструктировала мою, и все это шло дружными ближними параллельными курсами…

2.

Для газеты Голубовский оказался бесценным приобретением. Он знал так много, и это многое знание так причудливо сплеталось в его голове, что множество газетных открытий, интересных «материалов», как это тогда называлось, появлялось на страницах молодежки по прямой идее или косвенной Жениной подсказке.

Если ты едешь мимо старого села, Женя скажет, где нужно остановиться, и вам откроет ворота высокий, совершенно седой человек, он проведет вас в избу, где бревенчатые сте-

ны увешаны «Серебряным веком», и вы будете завороженно ходить от холста к холсту, опознавая Ларионова и Машкова, Гончарову, а хозяин будет сидеть, сгорбясь над плоской югославской машинкой, и двумя пальцами печатать стихи забытого, давно исчезнувшего изящества, и это будет один из Председателей Земного Шара, Григорий Петников. Потом одесская молодежка напечатает эти стихи. И гулким эхом отзовется…

И все шестьдесят лет Голубовский помнил – и занимался возвращением забытых или запретных имен культуры. Так возникали книги. Книги стихов, посвященных Анне Ахматовой, а потом Борису Пастернаку, а там уж и Осипу Мандельштаму. И неведомые или забытые одесситы – Зинаида Шишова, Анатолий Фиолетов, Петр Кроль. Роман Владимира Жаботинского – «Пятеро». Все это – в разные, совсем разные годы. Годы менялись, а Голубовский оставался собой – памятью города, долгом культуры.

3.

Много раз Женя Голубовский рисковал своей мудрой ироничной головой.

Нет, он вовсе не был диссидентом, он был интеллигентом, он, как и мы, жил в мире ликующего невежества, и этим определялось все. Он знал и помнил. А мы были невеждами, но нам были очень интересны причудливые пересечения плоскостей в его знании и понимании. У многих это вызывало отторжение. В мире, где мы жили, не любили больно умных. Опасно – и впрямь больно.

Поначалу в газете он занялся историей Одессы, краеведением, а уж оно включало в себя и литературу, и живопись, и музыку, и все, что входит в историю культуры. Он привлекал к газете людей знающих или желающих знать, людей любящих или готовых любить.

Одной из первых больших его статей, написанной вместе со знаменитым одесским спортсменом Алексеем Ивановым,

была статья об архитектуре Одессы. И называлась она «Одесса должна быть Одессой». Среди больших архитектурных проблем упоминалась там и одна мелкая. Авторы спрашивали: куда подевалась знаменитая литая решетка Воронцовского дворца?

Одесса любила задавать вопросы, на которые ответы знает и сама.

Не было ни одного одессита, который не знал бы, что решетка Воронцовского дворца переместилась на дачу Синицы, специалиста по художественному литью, по совместительству исполнявшего обязанности первого секретаря Одесского обкома партии. Знали авторы. Знал и редактор газеты.

Он рискнул. В ЦК комсомола, куда его призвали к ответу, он молча снес все обидные слова и возразил только раз, когда ему сказали, что он собрал отвратительный редакционный коллектив.

Веселый человек, умница и меломан, столяр, руками изготовивший домашнюю мебель, человек, спокойно чертящий план Парижа, где не был никогда, чтобы объяснить старому парижанину, откуда была снята Эйфелева башня в кинофильме «Набережная туманов», и почему она не могла быть снята больше ниоткуда…

Через несколько лет мы втроем встретились в Москве. Игорь Николаевич Лисаковский тогда работал в ЦК. За обедом он сказал нам с Женей: запомните это имя. И вполголоса произнес его по слогам. «К сожалению, больше рассчитывать не на кого. Это – последняя надежда».

Когда мы узнали о первых шагах Горбачева, мы вспомнили эти три слога. И потом тоже не однажды вспомнили. Игорь оказался во всем прав.

Ему на смену прислали другого редактора с приказом разогнать всю эту «одесскую кодлу». (Приказ формулировался куда экспрессивнее. Это до нас он был доведен в удобоваримой форме.) Новый редактор не выполнил приказ. Проработав несколько месяцев, он сказал: «В каждой газете должен быть свой Голубовский». Подумал и добавил: «Один».

4.

Дважды в «литературных страницах», которые публиковала газета, появлялись стихи поэта с привычной для тогдашней Одессы фамилией.

Потом, через годы, когда наконец в «Библиотеке поэта» все-таки после чудовищных мытарств появился сборник стихов Осипа Эмильевича Мандельштама, в списке первых публикаций возникло:

«Комсомольская искра», Одесса.

Это – Женя.

Знавший, что его собственная судьба, благополучие семьи, само существование газеты, все это стоит, стоит, стоит первой публикации запретных стихов замученного великого поэта. И Надежда Мандельштам в книге вскользь упомянет: «И только какая-то сумасшедшая газета с юга вдруг однажды пришлет гонорар…».

Этот гонорар получит вдова Осипа Эмильевича в комнатке, где стол, стул и тахта, и где каждый входивший знал: за стихи платят жизнью.

Я приглашаю вас подумать. Я прошу вас вспомнить – что вы знаете о тех временах. Я прошу вас понять, какой мерой бесстрашия должен обладать обычный человек, на которого еще в студенческой юности ни за что ни про что обрушилась карающая рука беспощадного государства. Он знал, он на себе испытал силу этого давления. Давление злобного невежества, вооруженного пушками, танками и бомбами…

Литсотрудник молодежной газеты, куда как небогатый человек, не имеющий ни приличного жилья, ни приличного жалованья, ни служебных перспектив – по понятным в Одессе причинам, – как смел он рисковать всей своей – уже примеченой – жизнью, благополучием семьи? И ради чего – ради подборки стихов, существующих лишь в его памяти, и, казалось, нигде больше, стихов арестованных, запретных, как бы и не живых…

Женя Голубовский знал: они стоят того, они вернутся, они должны вернуться. Они должны жить для всех. Ибо принадлежат

к той сфере жизни, в сравнении с которой оказываются предельно малыми величинами ценности будничного человеческого существования.

5.

Евгений Михайлович (на самом деле он был Моисеевичем, но все привыкли к Михайловичу, так что большой привет актрисе Талызиной от бесстрашных и доблестных рыбаков Черноморья!) был человеком двух замечательных и редко сочетаемых качеств.

Он был знатоком, эрудитом, энциклопедистом, любителем и обладателем знания. У Стругацких упоминаются люди, умирающие из-за отсутствия книг. Женя был из этой породы.

И одновременно он был человеком сочувствия, умения понимать и принимать людей. Он знал, что людей знания немного. Но помнил, что в том же мире существуют люди огромного знания.

Да, он враждовал с невежеством.

Но не с неведением.

Он знал своей жизнью, окружающим его миром, огромным количеством замечательных книг, картин, великой музыки и – самое главное – множеством добрых и мудрых людей вокруг, что неведение – излечимо, а невежество – нет.

Неведение излечимо. Учебой, средой, старанием, сочувствием, помощью, вовремя протянутой рукой…

Евгений Голубовский был очень добрым человеком.

Это была дельная, умная доброта. Доброта костра, горевшего для всех, кто нуждается в тепле, доброта помощи и совета…

Человек, думающий иначе, всегда был для него предметом интереса. Не вражды, не ярости – доброго интереса.

6.

Евгений Голубовский не искал единомышленников. Он искал добрых, умных, талантливых, и вот они оказывались, станови-

лись единомышленниками. Становились в большинстве друзьями. Что необязательно.

Талантливые люди бывают и самовлюбленными, и претенциозными. Но большинство из них знало и помнило: их ждут. На них надеются. За поддержкой, за помощью, за пониманием – куда?

Этот адрес в Одессе знали.

Наш мир напоминал предвечернее поле, где то тут, то там вспыхивали огни. Подходи к огню, присмотрись…

И вдруг окажется, что вокруг костра сидят молодые бунтующие одесские художники – очень разные, но веселые, ищущие, талантливые… Женя придумал редакционные выставки. Была в редакции большая комната. С этих выставок начиналась слава Владимира Стрельникова, Александра Ануфриева, Валерия Басанца, Давида Беккера и многих, многих других – всех не назову.

А вот другой – скромный костер, одесские музыканты, а вот – краеведы… Ах, да, а вот люди театра…

Это была огромная работа, состоявшая из множества мелких и важных дел. Собирательство. Людей, идей.

И появляются новые книги, фильмы, картины, художественные направления… Женя радовался успехам, но не упивался ими. И даже не по скромности своей. Он просто был занят. У него было много дел. В том числе и отбиваться от нападок.

Евгений Голубовский занимался Одессой. Какая она есть, какой была и какой будет.

А я тогда сидел в рубке малого буксира на острове Вайгач. Стояночная ночная вахта – читай себе. Я и читал.

Про то, что люди, чье сознание не выносит гладкой поверхности, цветочной клумбы, урны для мусора, вовсе не хулиганят, опрокидывая все это, корябая, исписывая стены лифта похабщиной, изрезывая кожаные поверхности в темноте кинотеатра, сшибая уличные урны…

Они просто приводят окружающий мир в состояние гармонии со своим сознанием, со своей маленькой бедной, злобной в невежестве своем душой.

Северный ветер бился в наглухо задраенные окна, волна ходила по граниту острова. Далеко на юге волны колотились в одесский берег. Ни я, ни Женя не думали тогда, что цунами ненависти и злобы, невежества и дикости дохлестнет и до этого берега.

7.

Вот так мы и жили собственные жизни, отдельные, но выложенные на один виток времени, в одну атмосферу.

Евгений Голубовский был неотделим от Одессы. Сотни, тысячи людей были связаны с ним одним делом – воздухом Одессы, атмосферой творчества и добра.

Он собирал и возвращал память города. Он издавал книги. Он возвращал их из небытия. Он издавал книги старых – забытых, запретных, он издавал книги новых, возникших, юных. Он устраивал выставки. Он был чувством меры, вкусом и деятельной помощью… Я запомнил навсегда: в цветении застоя один из одесских театров поставил спектакль по книге Брежнева. Спектакль, обреченный на успех, на комплименты и премии. И вот – сдача спектакля. Сидят театроведы, критики, журналисты. И посреди унылых комплиментов раздается тихий голос Голубовского:

– Мне кажется, что в спектакле нужен антракт. И есть хорошее место для антракта – между первым рабочим собранием и вторым…

Расходились молча. Все знали, почему нельзя сделать антракт: публики в зале не останется…

8.

И когда Михаил Михайлович Жванецкий придумал Всемирный клуб одесситов (кстати, Михаил Жванецкий на самом деле был Маньевич, дважды привет актрисе Талызиной от бесстрашных и отважных рыбаков Черноморья!), то вице-

президентом клуба и редактором его газеты стал, естественно, Евгений Голубовский. Их было тогда двое, вице-президентов, самый деятельный – Женя, и самый знаменитый – Валерий Хаит. И все эти годы если жили в Одессе хороший вкус и доброта, умение понимать других людей, уважение ко многим поколениям Одессы, интерес к одаренным людям, помощь и поддержка – это было дело немногих. Дело любви и понимания, памяти и уважения.

Я живу в Австралии более тридцати лет, и если я все эти годы продолжал писать, если в Одессе и здесь, в Австралии, продолжали выходить мои книги, если стихи мои читали в Одессе, то обязан этим я немногим уже друзьям.

И первыми среди них назову Евгения Голубовского. Валентину Голубовскую. Анну Голубовскую.

Спасибо вам. Простите меня.

Анна Голубовская

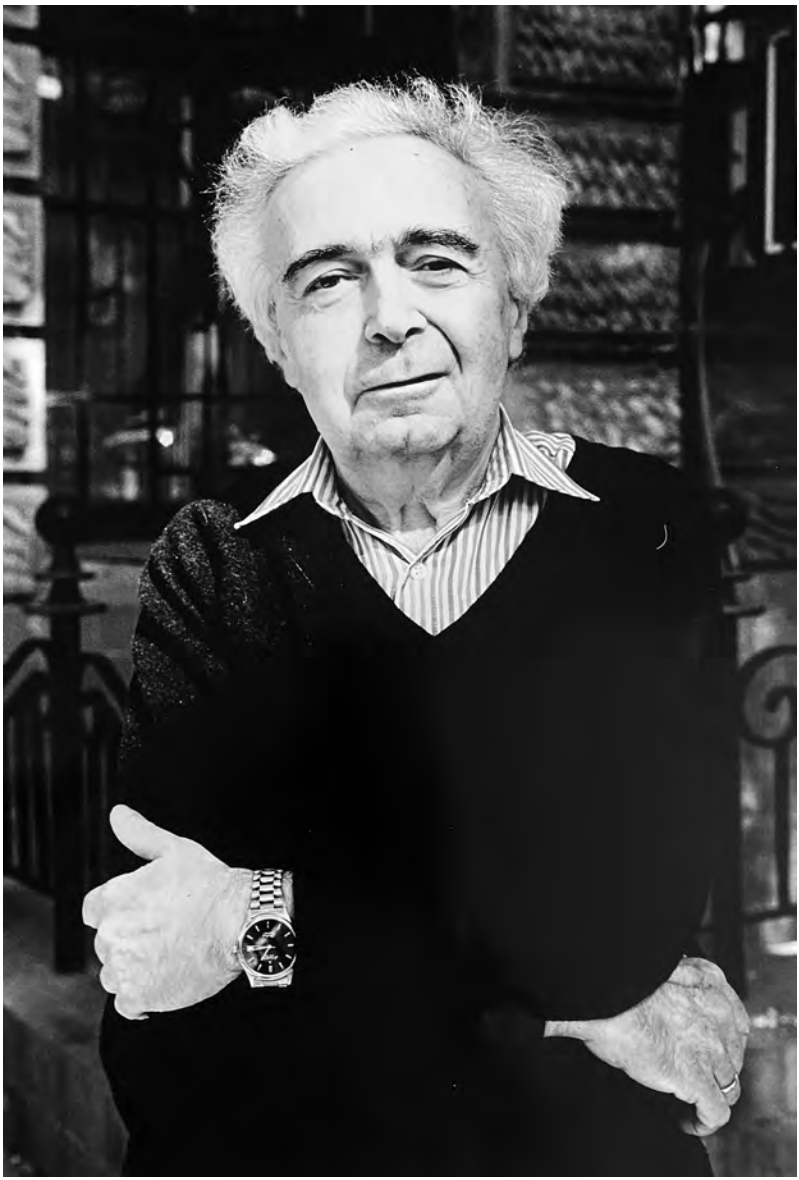
Осторожно беру в руки часы отца…

Осторожно взяла в руки часы отца. Браслет на пару звеньев больше, чем нужно. На папе они тоже болтались в последние месяцы. Но он не выпускал часы и телефон из рук. Звонков становилось все меньше, совсем не стало, и телефон, в какой-то момент разрядившись, остался брошенным, ненужным. А в часы отец до последнего вглядывался. Я запоздало посмотрела, не остановился ли ход, как бывает в книгах. Нет, они равнодушно отстукивают дальше. Теперь на моей руке.

Еще несколько недель назад я смеялась, глядя, как папа сверяет все домашние часы: «…пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед». Где-то я вычитала, что двести с лишним лет назад людям, которые имели часы, было не по чему их сверить – одесские первые городские часы появились в 1822-м, на Покровской церкви. Каждый жил в своем времени.

Когда я училась считать в школе, примеры папа придумывал такие: курьерская скорость движения по дорогам была не больше 180 верст в сутки. Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года. Сколько дней шла весть из столицы? Несложный расчет показывал, что жители Одессы еще десять суток, до 16 ноября, жили под правлением покойной императрицы. Оторопь у учительницы. Лукавая искорка в его глазах: а когда дошла весть до Сахалина?

От деда папе часы не перешли. Точнее, достались, но носить их было невозможно: дед предпочитал элегантную луковицу Doxa на цепочке, швейцарскую, но с клеймом Баржанского. Он плохо видел после фронтовой контузии, а длинные стрелки различал.



Иногда меня шутя упрекают в геронтофилии. Наверное, психолог искал бы проекцию связи с отцом в моих друзьях на поколение старше, но нет. Я видела папу постаревшим только внешне, внутри для меня он оставался молодым. И друзья мои молодые, что бы ни писалось в их паспортах. Да мне и не нужен был бы еще один отец. Мы были не просто родными, а близкими друзьями, веселыми товарищами. Папа научил классе в третьем: неважно, как ты учишься, плевать на твои успехи во внешнем мире. Будь человеком. Есть ли у тебя друг, готовый сорваться в ночь в другой город, если тебе нужно лекарство? А ты готова для кого-то помчаться? Это стало точкой отсчета – по сей день.

Безусловная любовь, папин шепот с трудом выговаривающими слова губами: «Ты совсем не ешь… иди кушай… и не переживай. Не переживай…».

Иногда думаю, тягой к людям намного мощнее и умнее меня я скорее восполняю детскую потерю, оставшуюся от смерти деда.

Первые важные вещи я узнала от него до моих семи лет и его внезапного ухода в семьдесят: что такое смерть, откуда берутся дети, что любимый моим папой писатель Бабель не враг народу, что советская власть не для людей и что любить – это невзирая ни на что. Дед научил меня читать, писать, плавать, играть в шахматы, слушать Георга Отса, прививать деревья и любить всех встречных собак. Ненавидящий мелиху, дед просиживал часами за токарным станочком, слушая «Голос Америки», и когда его спрашивали, что за болванки он точит, хмыкал: бюст вождя, Владимира Ильича Ленина. Многие принимали за чистую монету.

Мы жили в одной пятидесятиметровой комнате, до революции бывшей классом еврейской школы: дед и бабушка, мои родители и я, папина сестра Ира, ее муж и бабушкина сестра Маруся. Маруся вообще жила за стеной, в небольшой комнатушке. Но ее сын Сережа, летчик, вернулся с Дальнего Востока с женой, родился сын, и чтобы не мешать им, она переехала к нам.

Между двух окон стояли напольные часы эпохи ар-нуво с изящными бабочками на циферблате. Маятник отбивал каждый час, мы привыкли и не замечали.

Потом мы переехали в крошечную квартиру на Черемушки, а после смерти деда часы стали, потускнели и как-то незаметно исчезли из дома бабушки и Иры в череде ремонтов.

Однажды в 90-х в антикварном магазине я вдруг услышала показавшийся знакомым громкий раскат.

Бабочки. Уже не кажущийся таким большим корпус – неужели это наши часы?

Проверить было несложно: в наших за циферблатом был ящичек, кроме ключа там мы с дедушкой спрятали «секрет» – дореволюционную раковину с рельефной надписью на идиш, завернутую в его носовой платок.

Продавец ожидал чего-то существеннее, но кроме раковины там лежали только двадцать рублей по пятерке.

Папа не пришел, а прибежал, услышав, погладил часы, как гладят найденную чудом собаку, хотел выкупить их для меня. Ему поставить было негде. Я жила в коммуне, мне тоже. Но достаточно было раковины, которую долго носила в кармане, а теперь задумчиво трогаю, вытирая пыль на полке.

Почему на швейцарских часах имя Баржанских? До сих пор памятное имя самых известных в Одессе XIX века часовщиков. Старший, Соломон, в 1853-м открыл крупнейший для своего времени магазин часов в доме графини Ржевуской – здание на Греческой, 21, (Ришельевской, 12) не сохранилось. Он, а затем его сын Иосиф заказывали в швейцарских мастерских хронометры, которые, как и Doxa деда, украшалась их фирменными логотипами. В 1871-м часовой салон был разграблен в ходе еврейского погрома, все подробности отражены в «Одесском вестнике» тех дней. Баржанским хватило сил оправиться от ущерба и работать до революции. Потом все национализировали.

Doxa на цепочке висит на стене. Мне есть с чем сверяться. На моей руке теперь папины часы, продолжившие отсчитывать время после его ухода. Его время стало моим. И пока продолжается.

Фото автора

Евгений Голубовский

Мне снился сон...

Мне снился сон.

Это не литература – это взаправду.

Я умер. Вокруг люди. Меня обмеряют рулеткой.

Суетится Олег Губарь, спорит с моей дочкой, объясняет, что нужно хоронить в костюме.

«Папа не любил костюм, почти никогда не носил», – возражает Аня.

Хочу вмешаться. Хочу объяснить, чтоб не забыли положить со мной книги.

Не слышат. Это у меня плохо со зрением, со слухом. Олег жаловался на одно ухо. Но почему Аня, которая реагирует на малейший шорох, не слышит мою просьбу?

И вдруг я понимаю, что между нами лежит пласт льда. Поэтому мне холодно.

Лед прозрачен, я вижу всех, догадываюсь, что меня видят... Почему же я их слышу, а они – нет?

А ведь мне так много нужно объяснить.

Олег, вместо меня доведи книгу Коритнянской, это ты прислал ее ко мне пять лет тому в студию.

Аня, я обещал, что издадим роман-буриме.

Почему не вижу Сони?

И пожалуйста, не забудьте – со мной «Хулио Хуренито» Эренбурга, «Гамбургский счет» Шкловского, «Вторая проза» Мандельштама и «Поэма без героя» Ахматовой.

Губарь стоит рядом, плачет и говорит – под голову том Гоголя. Он любил, чтоб голова была выше...

Гроб начали опускать. Стукнулся днищем о землю.
Я проснулся от удара. Рядом нет Олега. Никого нет. Ночь.
Дальше бессонная ночь.

20 марта 2021 г.

Другой – все тот же – Голубовский…

Этот текст Женя опубликовал в Фейсбуке 20 марта 2021 г. – на следующий день после кончины Олега Губаря. Потрясенный утратой, я, полагаю, как и многие постоянные собеседники, сотрудники, ученики Голубовского, не увидели* в потоке откликов на смерть Олега этот поразительный и, признаюсь сейчас, после его прочтения, неожиданный монолог. В нем парадоксальным образом сочетаются ощущение трагической утраты, предельная доверительность и – рискну предположить – некая самоирония столь высокого толка, которую не дай бог ощутить в себе до поры до времени, еще неожиданную… У Голубовского, вольтерьянца, поклонника Сартра, казалось бы, агностика, пробудился дух Гоголя, Булгакова – но и Жванецкого. .Перечтите сейчас его монолог «Простые вещи», которым открывается номер, и повторите за ним две последние строки…

Феликс Кохрихт

* Но, может быть, он был мне сокрыт – до 6 августа 2023.

Эвелина Шац

Пока не сжалось расстояние до точки

Жене Голубовскому

Время сжалось до точки
Снова сжалось до точки
Вот уж новое время
Помутнев подоспело

Время сжалось до точки
Снова сжалось до точки
И пружиной взорвалось.
В вновь разжатом пространстве
Вот уж новое время
Помутнев стервенело

И пружиной взорвавшись
Это новое время
Помутнев стервенело

И суждено в нем пребывать
В единственном числе
До дней последних
Времени остервенелого:
Освобождение от смысла.
Смыслоотмена.
Успокоение утробное – надежда
Безнадежная на амнезию.

Одесса – Милан

Юлия Женевская

Прервалась связь времен…

Ушел Евгений Михайлович Голубовский. Личная трагедия для десятков людей. И огромная утрата для тысяч, быть может, никогда даже не пересекавшихся с ним лично, но читавших, размышлявших, узнававших что-то совершенно новое для себя в его публикациях – газетных, книжных, а в последние годы фейсбучных.

Не помню его назидающим, но скольких и сколькому он научил! Ревнитель традиций и человек, легко нарушавший все запреты. Насмешник и философ. Ироничный и снисходительный. Жизнелюб и семьянин, любивший единственную женщину – свою жену. Воспитавший потрясающую дочь и никогда специально не занимавшийся воспитанием. Он мог, снисходительно улыбнувшись, уступить, и он же мог стоять на своем так крепко, что никакой силой не сдвинуть. Книгочей и энциклопедист, он легко находил общий язык с любым, даже не очень образованным человеком.

Можно предположить, что Евгений Михайлович был противоречивым человеком. Но это не так. Более цельной и крепко стоявшей на своих позициях натуры и – ах, это забытое слово! – верной своим принципам я не видела. Просто Голубовский был из плеяды исчезнувшего вида – он был интеллигент. Его больше не будет. И таких больше не будет. Мы сегодня плачем по ушедшему Евгению Михайловичу. А надо бы еще и по себе. Порвалась связь времен… Ушел Голубовский.

Григорий Барац

Незаменимый

Расхожая формула «незаменимых нет» в случае с Евгением Михайловичем Голубовским не работает. Покажите мне, кто еще к концу девятого десятка способен ежедневно трудиться?! Он поторапливал меня с рассказом в номер альманаха. Когда я сетовал на недостаток времени, он, улыбаясь, отвечал: «Ты не пробовал вставать пораньше?».

На него сваливалось огромное количество рукописей. Его оценка была нужна и важна каждому автору – и маститому, и начинающему. Он не только успевал прочитать, оценить, но и дать рекомендации. Был скуп на слова, но откровенен. Графоманство и подражательство называл своими именами. Но когда чувствовал проблески таланта – помогал ненавязчивыми советами.

Он был одним из столпов Всемирного клуба одесситов, его идеологом. Относился к нему как к ребенку. Основал клуб в Клубе – «Зеленая лампа», сообщество одесских поэтов и писателей. С пиететом относился к президенту ВКО Михаилу Жванецкому.

На заседания президентского совета приходил всегда заранее. За чашечкой кофе интересовался текущими делами. Внимательно, не перебивая, выслушивал членов совета. Разруливал проблемы. Говорил тихо, но внушительно. Его слово было весомым и решающим.

Общение с Евгением Михайловичем, литературоведом, искусствоведом, человековедом, было университетом. И не только в смысле знаний. Его мировоззрение, отношение к событиям, к людям незримо передавалось всем, кому посчастливилось его знать.

Фото автора

Евгений Деменок

Светлый дух Евгения Михайловича

Большого, многое за свою жизнь сделавшего человека каждый знает со своей стороны.

Я не застал его знаменитых журналистских лет (о работе его в «Вечерней Одессе» ходят легенды), не ходил к нему на эфиры в годы его занятия тележурналистикой, не посещал заседаний секции книги при Доме ученых.

Я не захаживал с ним в гости к Олегу Соколову и не бывал на выставках, которые Евгений Михайлович устраивал в редакции «Вечерки», – только там можно было в застойные годы показать работы многих одесских художников.

И, к сожалению, не присутствовал на знаменитом диспуте о современной западной живописи, организованном им с друзьями в политехническом институте.

Я тогда еще не родился.

После того диспута, того вечера, который сам Евгений Михайлович называл «открытым переломом судьбы», его, девятнадцатилетнего, едва не исключили и из комсомола, и из института, что было тогда равносильно волчьему билету и заранее ставило крест на любой карьере и в принципе на хоть сколько-нибудь пристойном будущем. Спасло его и друзей только заступничество Бориса Полевого и Ильи Эренбурга – и собственная настойчивость и предприимчивость, позволившая ему с другом, Юлием Златкисом, достучаться до этих тогдашних небожителей.

«Медленно, как мне казалось, но за месяц маховик начал вращаться в другую сторону. Сдали сессию, исключение из комсомо-

ла нам заменили выговором, дав строгача секретарю комитета комсомола института. Ректор профессор Добровольский, отсидевший срок за «вредительство» еще в 1920-х годах, взяв меня в коридоре за пуговицу, усмехаясь, произнес: «Молодой пистолет, как вам повезло, что умер Сталин, а то рубили бы сучья там, где я лес выкорчевывал», – вспоминал Евгений Михайлович.

Диспут о живописи состоялся не где-нибудь, а в политехе, просто потому, что ни на филфак, ни на истфак еврею поступить было невозможно. Но и диплом о высшем образовании мальчику из хорошей еврейской семьи не иметь было невозможно.

Так что просветительством Евгений Михайлович занимался в любом месте и в любое время. Но, конечно, еще в школьные годы понял, что будет не физиком, но лириком. И что вся его жизнь будет связана со словом.

«В юности литература мне была интереснее жизни – то ли это заслуга, то ли ошибка отца. А Одесса мой город. Я люблю его историю, воплощение в литературе. «Одесская» глава «Евгения Онегина» – путеводитель для последующих литераторов. Но одесская литература началась с Власа Дорошевича. Он научил «короткой строке», определил, что такое одесский язык. По-моему, лучшая книга об Одессе после Пушкина – «Пятеро» Жаботинского. Рад, что мне удалось ее переиздать в Одессе в 2000 году – с парижского издания 1936-го. Это было первое издание в СНГ».

Да, я не застал его звездных журналистских лет.

Зато я узнал другого Евгения Михайловича.

Мудрого, опытного, почти всезнающего – там, где это касалось истории Одессы или литературы, пережившего взлеты и падения, готового делиться и отдавать. Делиться своим светом и отдавать свои знания и любовь.

Я узнал его подвижным, изобретательным, полным идей и проектов, иногда нетерпеливым, иногда категоричным, чаще дипломатичным, всегда придерживающимся своих убеждений, искренне убежденным в том, что искусство и культура важны, вечны и непреходящи, а слово – это главный способ достучаться до вечности и, может быть, в ней остаться.

Лучше всего мы учимся у тех, кто рядом. Поэтому так важен правильный выбор друзей. А вот учителей, настоящих учителей, не выбирают. Они сами появляются в нашей жизни в нужный момент.

Мы познакомились, когда ему было семьдесят два. Всего семьдесят два. Мне было тридцать девять.

Нет, действительно мы были знакомы гораздо раньше, но это было, как говорят в Одессе, давно и неправда – вряд ли Евгений Михайлович обращал внимание на меня, шестилетнего, игравшего с Катей Мальцевой на даче у Николая Алексеевича Полторацкого. А я, разумеется, не понимал, о чем они говорят, что обсуждают.

Дорого бы я дал сейчас за то, чтобы вновь услышать их разговоры.

За пятнадцать лет дружбы – осмелюсь назвать это так – мы многое успели.

Мы создали «Зеленую лампу» и провели сотни вечеров, на которых одесские поэты и прозаики читали свои новые тексты.

Издали полтора десятка книг авторства наших ламповцев.

Взяли больше шестидесяти интервью у одесских художников, которые легли в основу трех выпусков нашего альманаха «Смутная алчба». Мастерские художников – особый счастливый мир, и ходить с Евгением Михайловичем к тем, с кем он был знаком десятки лет, было наслаждением.

На одном из международных литературных фестивалей, проходивших в Одессе, мы с ним вызвались поговорить о судьбе и наследии Михаила Кольцова. Было это в 2017 году, совсем недавно. Рассказали собравшимся в Золотом зале Одесского литературного музея о задуманном им и воплощенном в жизнь усилиями двадцати шести авторов – да каких! – романе «Большие пожары». И сами подумали: а почему бы и нам не сыграть в эту литературную игру?

Результат игры – четыре романа, авторами которых стали несколько десятков одесских литераторов, живущих по всему миру. Романы печатались «онлайн» в «Вечерней Одессе», и в эти месяцы газету по четвергам в киосках было не сыскать.

Сюжетные ходы были непредсказуемы, авторы получали тексты предыдущих глав за неделю до сроков сдачи своих. И Евгений Михайлович всем этим управлял, умело дирижировал.

Он был просветителем. Он опекал и оберегал. Он вдохновлял. А еще он был хранителем – не только искусства, но и того неуловимого, что мы называем одесским духом. Того, что неистребимо.

Способов для этого было много: газета, альманах, книги и сборники, выступления и интервью.

А главное – устная традиция. Он передавал свои знания об истории Одессы так, как в свое время передавали Устную Тору. Это была святыня. Он знал всех и обо всем, его знали все. Ему бесконечно звонили, его повсюду приглашали, ни одно культурное событие в городе не обходилось без его прямого или опосредованного участия.

Ужасно жаль, что эта Устная Тора пока не вылилась в Талмуд – хотя и Евгений Михайлович, и Валентина Степановна Голубовские успели издать по несколько сборников воспоминаний. А фейсбучные дневники его перепечатали уже несколько журналов.

А как он умудрялся вычитывать весь тот поток текстов, которые ему присылали ежедневно десятки авторов на протяжении десятков лет, я до сих пор не понимаю. Для многих из нас он являлся первым читателем – первым и самым важным. Но ведь читал же и отвечал каждому, и советовал, и поправлял! И открывал все новые и новые таланты, и доказал, что литературная жизнь в Одессе жива. Фактически создал новую одесскую литературную волну, выводил на орбиту узнаваемости и популярности многих и многих. Одесские сборники вышли в ряде толстых журналов разных городов и стран – и все благодаря его усилиям.

Замечать новое и возвращать к жизни забытое было присущим ему особым даром. Благодаря Евгению Михайловичу одесситы вновь открыли для себя Владимира Жаботинского и Ефима Зозулю, Анатолия Фиолетова и Владимира Пяста. А уж сколько предисловий к вышедшим в нашем городе книгам он написал, не знал, думаю, даже он сам.

С момента нашего знакомства Евгений Михайлович стал моим камертоном – и это относилось отнюдь не только к литературе. Это относилось и к умению ежедневно делать свое дело, невзирая на то, что происходит вокруг; к бодрости, бесконечной изобретательности, искусству сосредоточить вокруг себя талантливых людей и поддерживать их всеми возможными способами.

Однажды в разговоре я пошутил о том, что Евгений Михайлович – гвоздь, на котором висит пальто одесской культуры. Все мы знаем, что в каждой шутке есть лишь доля шутки – остальное правда. В этой – так точно.

Юрий Михайлик написал как-то: «Голубовский, как говорят архитекторы, – градообразующий фактор».

И это ни в коей мере не являлось преувеличением.

Есть множество вещей, которым у него можно было учиться. С которых можно брать пример.

Одна из них – скромность. «Не нужно заводить архива, над рукописями трястись», – это о нем. То есть архив, конечно, есть, но связан он был с любимой на протяжении всей жизни поэзией. С литературой и живописью.

А вот статьи, заметки, очерки о себе он не собирал. Хотя они, пожалуй, заняли бы пару книжных шкафов.

Вторая – осознание своей миссии.

«Цель творчества – самоотдача / А не шумиха, не успех / Позорно, ничего не знача, / Быть притчей на устах у всех».

Да-да, именно самоотдача. В течение всей жизни он делился своими знаниями, советами, мыслями. Всегда был в центре культурных событий. Он успевал прочесть присланную рукопись и организовать презентацию, выступить на открытии выставки и написать статью – и так почти каждый день.

Он неоднократно говорил мне, что мог бы уехать еще в 90-х. Но решил, что кто-то должен остаться в Одессе, быть ответственным за город.

Третья – любовь к свободе. Он не искал благосклонности власть имущих, не ходил по высоким кабинетам, не гнался за званиями.

– Евгений Михайлович, как вас представить?

– Просто журналист. Одесский журналист.

Четвертая – благородство.

«И должен ни единой долькой / Не отступаться от лица».

Он всегда был верен себе и своим принципам. «Евгений» в переводе с греческого – благородный. Евгений Михайлович как никто соответствовал этому имени.

Во многом благодаря ему в 1960-70-х возродился образ Одессы – образ города необычного, не такого, как все, города с уникальными людьми, со своей контркультурой, со своим уникальным прошлым. Сегодня мы привычно называем это одесским мифом, и по сей день знатоки Одессы, краеведы и просто фанаты нашего города, зачастую сами того не зная, продолжают начатое им дело.

Во время войны, когда российские ракеты уже летели на любимую всеми нами Одессу, Евгений Михайлович, у которого в Фейсбуке были тысячи подписчиков, каждый вечер писал не посты даже, а эссе – о поэтах, о художниках, об Одессе мирной и военной. Именно он, наш вечный двигатель, растормошил всех нас через несколько месяцев после начала войны – когда писать не было никаких сил, – чтобы пересилить себя и прислать тексты для придуманного им же сборника «Война в стихах и прозе одесских авторов». Именно он неустанно напоминал нам о том, что нужно выпускать в свет новые книги – ведь это то, что останется от нас.

Процитированный выше Борис Пастернак не случаен.

5 августа 2019, как всегда поздно вечером, практически в полночь, Евгений Михайлович написал в Фейсбуке:

«Шестое августа… Много о чем можно было бы написать. Но нельзя, нужно о том, что больше другого на душе в этот день…

Встречался вчера с интересным человеком, коллекционером из Мариуполя. С Леной Антроповой размышляли, как улучшить наш сайт «Они оставили след в истории Одессы».

Складываются воспоминания о Мише Рыбаке, товарище, фотожурналисте…

Но в памяти все время звучала строка Пастернака: «Шестое августа по-старому, Преображение Господне».

Как много замечательных стихотворений написано про август… Перебираю в уме. Фет, Некрасов, Анненский, Гиппиус. К нам поближе – Бродский, Ахмадулина… А как не вспомнить Ахматову:

В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей…

Не буду никого ни с кем сравнивать. Но для меня, полюбившего стихи Бориса Пастернака с юности, очарованного его захлебывающейся скороговоркой, вначале трудно было принять стихи позднего Пастернака. Но… пришло время у меня и для этих стихов. И с тех пор одно из самых любимых, почти пророческое, написанное в 1953 году – «Август».

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.
Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.
Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.
Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.
Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.
И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.
С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.
В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,

Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту».

*

«Почти пророческое» стало пророческим. Шестого августа Евгения Михайловича не стало…

А восьмого августа, в день похорон, к себе приковывала взоры двойная радуга, внезапно засиявшая над всем городом и над морем.

И это не было случайностью.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Евгений Михайлович был не только другом, учителем, наставником. Он был образцом для подражания, который самой своей жизнью показывал нам пример того, как действовать правильно и достойно. Показывал и будет показывать, потому что его свет будет с нами всегда.

И самым правильным будет стараться продолжать делать то, что делал он.

Анна Михалевская

Тот, кто терпеливо ждет

Рассказ посвящается Евгению Михайловичу Голубовскому, чуткому наставнику, доброму другу и бесстрашному первооткрывателю лучшего в каждом из нас. Человеку всегда из настоящего и никогда из прошлого.

– Что пишешь?

Что я пишу? Инструкции к программам. Записки, что купить на базаре. Задания на сегодня. Пишу короткие посты в интернете и длинные у себя в голове. Пишу сообщения в прошлое и будущее. Пишу уйму всякой ерунды. Но он, конечно, ждет другого ответа.

– Начала роман, – признаюсь я, мечтая о том дне, когда его закончу, – о войне.

– Пиши о любви, – парирует он, сразу улавливая мое настроение, вернее, его отсутствие.

– О любви неинтересно, – зачем-то сопротивляюсь, будто уже все о ней знаю.

Он улыбается. Мягко, но со смыслом. Кто бы еще мог так нежно дать понять, что я неправа.

– Пришлешь почитать?

Этого я боюсь еще больше, чем вопроса, что пишу. Хотела бы сказать, да. Но имеем, что имеем. Вернее, не имеем.

– Нечего пока присылать, первые главы переписаны раз пять. И это еще не предел.

– Понятно, – кивает он.

Но ему непонятно. Я смотрю на себя его глазами, в своей наглости думаю, что могу посмотреть его глазами, и мне тоже стано-

вится непонятно. Если я могу писать романы, то какого лешего это не делаю? В голове крутятся весомые, просто неподъемные в своем весе аргументы: жизнь важнее, надо работать, а кто сварит суп, год не была в отпуске…

– Будешь коньяк? – обрывает он мой внутренний монолог.

Нет, я не пью, собираюсь ответить, но осекаюсь. Хочется хоть с чем-то согласиться.

– Немного, – говорю и планирую: просто добавлю коньяк в чай.

Незаметно выливаю полрюмки в дымящуюся чашку. Ну как незаметно – портреты аж выпрыгивают из рам от такого нарушения творческого этикета. Особо чувствительные – картинно закатывают глаза.

– За любовь! – говорю нехитрый тост и, забывшись, поднимаю чашку.

Чокаемся. Выпиваем.

– Угощайся!

К своему удивлению, тянусь за шоколадом, который обычно не ем. Портреты одобрительно кивают. Мол, есть надежда. Не все потеряно.

– Тебе надо выступать, читать свои тексты со сцены, – продолжает он.

Я съеживаюсь и хорошенько запиваю свое «нет» чаем. Я хотела бы – и со сцены, и просто так.

Хотела бы… Но как тогда роман? И как жизнь? И работа? И отпуск?

Вопросы, как беспризорные дети, остаются гулять где хотят. Их никто не воспитывает. Ими не занимаются. Они свободные и злые.

Говорим обо всем. С ним можно. Я начинаю фразу и вижу по лицу, что он на нее уже мысленно ответил. И услышал мой ответ. Он вообще умеет слушать. Не тех, кто пришел с ворохом проблем. А тех, кто стоит с лучиной где-то на дне души каждого из нас и терпеливо ждет, чтобы его заметили. Тех, кого мы боимся. От кого бежим. Ведь они знают то, чего мы не хотим знать. А он – не боится и не бежит. Он слышит именно их, с ними ведет беседу.

Потому люди уходят отсюда немного другими, чем пришли.

«Наконец-то, – паясничают портреты, хлопая себя по лбу. – Она что-то начала понимать!»

– Жду роман!

Это не вежливость. Это правда. Он действительно ждет. Чем-то напоминая того далекого, на дне души.

* * *

Теперь портреты остались одни. Без хозяина они ведут себя смирно, вполне правдоподобно притворяясь обычными картинами.

Но я-то знаю. Мы все знаем.

Его голос. Он звучит все так же – только не снаружи, а внутри моей головы.

И голос задает все тот же вопрос: «Что пишешь?».

Я не могу промолчать. Отвести глаза. Отшутиться.

Передо мной стоит человек, и в руке у него еще теплится огонек.

Он бы хотел, чтобы свет не погас. Мы все бы этого хотели.

«Что пишешь?»

И я отвечаю:

– Роман. О войне и о любви.

– Пришлешь? – шутит он.

– Проживу, – обещаю я.

Фото Анны Голубовской

Виктория Коритнянская

Так он хотел…

Чуда не случилось, увы… Душа Евгения Михайловича вознеслась в мир горний в воскресенье, шестого августа 2023 года. Вознеслась под звуки музыки – в разрушенной 23 июля от взрыва российской ракеты школе Столярского в это время шел благотворительный концерт для сбора средств на ее восстановление.

Мы не знаем, как возносилась душа Евгения Михайловича… Но думается, она не плакала и не цеплялась за ветви деревьев и крыши домов, а поднимаясь все выше и выше, замирала от счастья: Одесса с высоты птичьего полета была, как всегда, невыразимо прекрасна…

Никогда еще культурное, творческое сообщество Одессы не было столь единодушным во мнении. Со дня смерти Евгения Михайловича звучат рефреном на все лады слова: «Нужно продолжать дело Голубовского…». Но что конкретно продолжать? Любить так же беззаветно, всем сердцем, как Евгений Михайлович, Одессу? Помогать молодым поэтам, писателям, художникам? Поддерживать, поощрять, вести (как умел только он: очень деликатно и незаметно) и верить, подобно Бабелю, и ждать, что литературный мессия родится здесь, в городе, окруженном степями и озаренном солнцем? Так вроде и любим, и поддерживаем, и прославляем, гордимся всем одесским… Но… Ушел Король… И этим все сказано…

Свое эссе о Е.М. Голубовском Евгений Деменок завершил фразой «Самым правильным будет стараться продолжать делать то, что делал он». Ключевое слово здесь, как мне кажется, «старать-

ся». Именно стараться, потому что равнозначной замены Евгению Михайловичу нет и никогда не будет…

Из текстов Евгения Михайловича и текстов, написанных его друзьями, стало понятно, что каждому он оставил какой-то завет. К примеру, Елене Андрейчиковой говорил: «Улыбайся, всегда улыбайся!». Мне же за несколько недель до смерти написал: «Пиши! – и прибавил: – Давно жду большой рассказ о жизни сегодня, о беженцах».

Это «Пиши!» я слышала от Евгения Михайловича и раньше. Уверена, что слышали его и все участники «Зеленой лампы». А еще, наверное, все хорошо помнят высказывания Евгения Михайловича:

«То, что не написано, никогда не будет напечатано».

«Читайте хорошие книги, смотрите хорошее кино».

«Живем дальше».

И мелькавшее после начала войны в ответ на вечное «Что делать?» – из Павла Тычины, не обязательно дословное: «Нам своє робить».

А сколько других напутствий, заветов оставил нам и Одессе Евгений Михайлович?

В тексте ниже нет ни одной мною придуманной строчки. Все эти идеи, замыслы и пожелания высказал так или иначе в текстах, письмах и разговорах Е.М. Голубовский…

Юлии Пикаловой – сделать книгу «Август в русской поэзии».

Редакции газеты «Порто-франко» – учредить общегородской ежегодный конкурс имени Михаила Рыбака на лучшую газетную фотографию.

Отмечать День Остапа Бендера, День Бени Крика или День Петьки и Гаврика.

Установить празднование Дня поэзии в день рождения Эдуарда Багрицкого.

Научной общественности города, одесским краеведам – ежегодно проводить съезд или конференцию краеведов «Губаревские чтения».

Издать «Детскую энциклопедию Одессы» о выдающихся, известных всему миру одесситах.

Выпустить книгу Ефима Зозули.

Издать книгу про одесские дворы.

Составить сборник об одесских поэтессах.

Продолжать выпускать альманах.

Участникам литературной студии «Зеленая лампа» – написать новый роман-буриме и провести конкурс короткого рассказа об Одессе.

Возможно, меня дополнят. Уверена, это не весь список. Но… Нам есть что продолжать, друзья… Нам нужно стараться. А еще писать. И улыбаться. Читать хорошие книги. Смотреть хорошее кино. И жить дальше… Увы, уже без вас, Евгений Михайлович…

Вера Зубарева

Феномен Голубовского

Первый номер «Гостиной» без Евгения Голубовского, нашего постоянного автора, имеющего свою рубрику в «Одесской странице»... Еще недавно была с ним в переписке. Кажется, только вчера отправляла ему свою школьную повесть, о чем он рассказал у себя в ленте в ФБ:

«Люблю, когда случаются такие совпадения. Сегодня утром получил от Веры Зубаревой ее новую повесть «Школьный двор». Обязательно прочту и напишу о повести, а Фейсбук напомнил, в этот день Верочка была у нас в гостях, прилетев из Америки. И тогда я публиковал ее стихи об Одессе. Прочтите их и сегодня.

* * *

Улица в заре вечерней,
Мягкий свет на куполах.
Собираются к вечерне
Тени в кронах и стволах.
Тропка к морю в виде змейки,
Как лазейка от невзгод.
Спит газета на скамейке
И в обнимку с нею кот.
Скомкан ветром мир бумажный.
Проступают из вчера
Старый дом многоэтажный,
Запах моря, тишь двора,

Думы, жизнь на переправе…
И уже на грани сна –
Силуэт семьи в оправе
Драгоценного окна.

Теперь и он навсегда в оправе того «драгоценного окна».

К этому нужно привыкнуть, а вот смириться пока что сложно. Он все еще есть – в памяти, в сердце, в том наследии, которое оставил после себя. Его рубрика в «Гостиной» будет выходить постоянно – материалов хватит надолго. Но этот обрыв…

Евгений Михайлович, Женя… Журналист, вице-президент Всемирного клуба одесситов, главный редактор «Всемирных одесских новостей», замредактора литературно-художественного альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», руководитель литстудии «Зеленая лампа», заведующий отделом культуры «Вечерней Одессы» (рубрика «Одессика»)… Он сопровождал меня на каждом шагу моей жизни, присутствовал в ней, когда я еще и понятия о том не имела, когда меня и на свете еще не было. Мой отец дружил с ним с незапамятных времен, имя его витало в нашей квартире на Свердлова. Такое летящее, светлое, как дух… Го-лу-бов-ский… Газета в руках отца, рукопись на столе, встречи… Го-лу-бов-ский…

Первое очное знакомство завершилось в буфете «Вечерки». Я так боялась этой встречи, так готовилась к ней внутренне, а вышло все просто, тепло, по-отечески. Примерно так, как я описала это годы спустя:

* * *

Евгению Голубовскому

Ничто не дается так трудно душе, как стихи.
Особенно те, что растут из нее, а не сора.
Я снова иду, приглушая немного шаги,
И ждет меня свет, что за дверью в конце коридора.
Войду, расскажу, что с утра небеса развезло,
И было по ним продвигаться задачей нелегкой,

Что рельсы двустиший уперлись в туман, как назло,
И выйти пришлось на какой-то другой остановке.
А там – бездорожье, и все незнакомо опять.
Бродила и слякоть одну развезла по тетради.
А он мне в ответ: ничего, мол, стихи написать –
Не жизнь бередить. И столетья, бывало, не хватит.
И выудит вечер из облака рыбку-звезду,
И спустимся в жизнь мы на лифте, и буду я праздно
Пирожное с чаем вкушать в той столовой внизу,
Садиться в трамвай и вздыхать,
Что в стихах – все сложнее. Гораздо.

Голубовский был всегда. Мы разъезжались, возвращались, а он был. Как маяк, как знак родного берега. Его не могло не быть. Литературная Одесса – это навечно.

Как получилось, что он стал ее лицом, ее визитной карточкой? Все просто. Литературная жизнь тогда лишь выживает и развивается, когда она естественным образом выражает дух и душу города. Одесса – это дворики, это их особая домашняя атмосфера со всеми особенностями. Одесса не терпит официоза, не верит ему, насмехается над ним, слагает анекдоты и юморески. Она выталкивает все искусственное, как море – обломки вражеского корабля. Ее можно заселить чуждым менталитетом, но он не приживется. Либо будет отторгнут, либо отшлифуется, как прибрежный камень.

Голубовский нес в себе Одессу, и Одесса несла его в себе. Совсем недавно он основал рубрику «Где эта улица, где этот дом?», посвященную одесским дворикам, куда пригласил и меня в качестве одного из авторов. 16 марта этого года он написал мне:

Верочка, добрый день!

Условное название рубрики, о которой идет речь, – «Где эта улица, где этот дом?».

Пока решают финансовые отношения «Вечерка» и издательство «Optimum». Надеюсь, договорятся, и тогда каждая глава будет в газете, а потом выйдут все вместе книгой.

Название у каждой главки определяет дом – к примеру, Екатерининская, 25, или Степовая, 40… А тексты – рассказы-воспоминания, а не рассказы.

Как все это решится, сразу тебе напишу.

Обнимаю
Женя

Все решилось довольно быстро, рубрика появилась в «Вечерке», где был опубликован и мой рассказ со стихами.

Поражали его знания самых потаенных уголков исторической и литературной Одессы. Но дело не только в знаниях. Каждый такой уголок нашел место не только в его памяти, но и в душе. Все, что вышло из-под его пера, родилось в душе, а у души есть свойство отражать большое в малом. Каждая его зарисовка несла большое – Одессу, ее душевный строй, образ мыслей, ее волну и любовь к ней…

В личном плане он был точно таким же – теплым, внимательным, сопереживающим, любящим. Кто сумеет занять его место сегодня? Это вопрос, с которым остается литературная Одесса. Да, можно возглавить Клуб, можно организовывать встречи, но это все внешнее. Любой организатор – заменим. Женя не был организатором – он был родителем, а родители незаменимы.

В этом – феномен Голубовского. Теперь «Одесская страница» станет памятной страницей Евгения Голубовского, а годовой номер «Гостиной» в бумаге будет посвящен его памяти.

Светлая память!

Анатолій Глущак

Alter ego

Пам'яті Євгена Голубовського

Борюкався – хто би не боров!
Не упав, як цілили камінням.
Тож не зрадив чесних корогов,
Вірячи у поклик Провидіння.

Виплюнув на рингу зуб і кров,
З-за канатів не просив заміни…
Чорт почує мій прокльон-позов,
Мовчки брат обіймами зустріне.

Завтра знов заступить небо мла,
Знов оточать пастки і завади –
Не задкуй до схованки кубла,

Не дозволь собі колінкувати!
Звісно, вилізає норов боком,
Але ж ти не скурвився, нівроку.

2017

Людмила Шарга

Только в настоящем и будущем

Вчерашний день выровнял проливной дождь, смыл тяжесть прощания, слова сказанные и несказанные, взгляды открытые и растерянные, беглые и мимолетные, прибил опадающий цвет софоры к мокрой мостовой, напоил умирающие розы и уступил место небывалому закату и радуге над городом, над морем, на миром, который стремится к гармонии вопреки всем разрушениям, бедствиям, лишениям и утратам, постигшим нашу землю, нашу маленькую страну, наш прекрасный город.

Слово «ушел», прочитанное и услышанное тысячу раз за сутки, потеряло свинцовую свою тяжесть, стало легким и летящим облаком над тихой моей Кузнечной.

Слово «был» и вовсе исчезло в бронзовеющей связке «каким он был».

Невозможно о нем в прошедшем времени, только в настоящем и в будущем.

Не хочется писать очередной слезоточивый post о том, каким он был, напишу, каким он не был.

Не был лицом официальным и статусным, хотя по праву почетного гражданина города мог бы пользоваться этим статусом, но напыщенности и важности не напускал и не допускал. Не любил пафос и длинных торжественных речей. Не был ханжой и трусом, говорил то, что думает, писал то, что думает. Не был подлецом и беглецом, оставался в родном городе до последней минуты, как бы трудно и тяжело ни было. Не старался быть приятным во всех отношениях, не старался угодить. Не пел дифирамбов, не раздавал авансы, но слышал и замечал, выделял и отмечал на-

стоящее. Не был двурушником, не переобувался в спешке на лету, на бегу, на ходу. Любил жизнь, и жизнь любила его.

«Людочка, вы написали хорошую нужную книгу о военных днях и ночах города. После войны обязательно встретимся и выпьем за победу…»

«Людочка! Надеюсь, что все выдержим, не дадим себя сломать. Радости бы побольше. А вам – пишите стихи. Это навсегда. И это то, что мы сможем предъявить как сделанное при нас, для нас и с нами. Обнимаю. Жду новую подборку стихов для альманаха».

«Людочка, будьте счастливы. Старайтесь изо всех сил. Вы очень нужны тут и сейчас».

Мы встречались и до войны, и во время войны.

Война оказалась дольше жизни.

Перечитываю эссе, которое с его разрешения станет предисловием к моему сборнику стихов, и понимаю, что в неоплатном долгу перед ним. Но я успела сказать «спасибо» и «люблю». Слова, на которых держится мир. Слова, которые каждый должен произнести хоть раз в жизни, а если повезет, то и услышать хоть раз. Я не о дежурной вежливости, нет. Об искренности и благодарности.

И о том, что слова «был и ушел» не имеют к нему никакого отношения как к человеку настоящего времени.

Им столько написано, сказано, а главное – сделано для города, да и сам он давно часть этого города, плоть от плоти. Свет его со мной, с нами и в нас.

На книжных полках моих живут книги, подаренные им. Написанные им. Собранные им альманахи, сборники.

С его легкой руки в них есть и мои публикации.

Мир стремится к созиданию. К гармонии.

Вокруг витают звуки и слова, ничего не значащие, разрозненные, случайные.

Несколько звуков услышатся и запишутся в необходимой последовательности. Необходимой для рождения музыки. Для гармонии.

Несколько разрозненных слов станут поэзией, если их услышит и запишет поэт.

Разных людей может объединить лишь человек, наделенный особым тончайшим слухом, чутьем и даром созидания.

Таким запомнился мне Евгений Михайлович Голубовский.

Не говорю: был, как и полагается о настоящих людях и одесситах – только в настоящем времени.

Живем дальше – этими словами он заканчивал многие свои дневниковые записи и публикации.

И всегда в настоящем времени.

Помню. Люблю. Благодарю. Пишу, а стало быть – живу.

Живу дальше.

*

Евгению Голубовскому…

Спрошу первого встречного:

– Что для тебя Одесса?

Первый встречный ответит:

– Море.

Голос подхватит ветер и наполнит синий парус.

Спрошу второго встречного:

– Что для тебя Одесса?

– Молдаванка, – улыбнется второй встречный, открывая ворота, за которыми прячется маленький дворик с вишнями и абрикосами.

– Что для тебя Одесса? – спрошу третьего встречного.

– Собор. Воронцов. Пушкин. Бульвар. Лестница… – взволнуется третий встречный, взмахнет руками, и над городом встанет радуга – от края земли до края моря.

– Что для тебя Одесса? – спрошу четвертого встречного.

– Старое кладбище. Вокзал. Куликово поле, – вздохнет четвертый встречный, и грусть его прольется на город теплым летним дождем.

– Что для тебя Одесса? – спрошу пятого встречного.

– Люди, – ответит пятый и поведет меня через Соборную площадь мимо Собора, дома Руссова, Воронцова, через Пассаж – по Дерибасовской, через Горсад – на Бульвар – к Пушкину, и по Лестнице – к морю.

Пятый встречный расскажет о людях, живших когда-то в домах с кариатидами и атлантами, маскаронами и грифонами, и незаметно исчезнет в одном из них, в парадной с надписью Salve или Привѣтъ.

Вернусь на узкую улочку, к воротам старого дворика, и первый встречный спросит меня: «Что для тебя Одесса?».

И я отвечу:

– Море. Дворики. Люди.

Каждый входящий в город, будь счастлив.

Salve!

Владислава Ильинская

Лаз

Евгению Голубовскому

я ловлю в экран квадрат портала,
лазурита крошечный клочок.
отраженье мне бы не мешало,
если был бы телефон включен.

(аккомпанемент соседской дрели
прорубает в памяти тоннель:
вспоминаю небо и качели,
из Столярского виолончель...)

тут его практически не видно –
от экрана голубая треть –
путь назад, теряющий ликвидность,
детство заставляющий стареть.

остальное пусть заполнят рифмы,
потому что, если не они –
паутины сладостные рифы
путника стремятся заманить.

поднимаю голову на небо
сквозь глазок меж бесконечных крыш
и гадаю: как решить сей ребус?
как такой пейзаж изобразишь?

как вообще дошли мы до такого,
как мы до такого добрели,
что не видно неба голубого
из любого уголка земли?

среди будней с привкусом металла
носимся и мы вперед-назад...
только неба мне и не хватало –
я его нашла в твоих глазах.

Феликс Кохрихт

Мой старый* друг, мой друг бесценный…

…Ушли из жизни: оба два. Сначала – Губарь беспримерный,
И вот – седая голова, и голос в трубке – непременно
о том, что делать нам, – вчера, сегодня, завтра
и, разумеется, всегда.

* У Пушкина «И.И. Пущину» – первый.

Мой старый друг – я Пушкина на случай тот запомнил в школе,
но тогда не знал, как горько оказаться на белом свете
просто так…
Здесь рифма просится «простак», но если б это было так…
Но я-то знаю: очередность имеет свой модальный ряд.
И Женя – Женя Голубовский за день иль два до входа в сад,
где ждет его уже Жванецкий, где Губарь с Валей об Одессе
привычно с грустью говорят…
Так вот, меня он точно слышал – я слишком бодро говорил
о том,
что уж в печати новый том затеянного нами альманаха,
а он глядел поверх меня: картины, книги, старый комп…
Я знаю: он не ведал страха, и Аня – в маму и него –
опять старалась не заплакать…

6 августа 2023 г.

Фото Вячеслава Тенякова

Татьяна Партина

Время – упорный стайер

«Не укради» – главнее, чем «не убей».
«Не» поистерлось, буквы видны едва…
Кто-то выкрал огонь у богов для людей,
Кто-то людям дал лишь одни слова.
Время равняет смыслы: огонь и лед,
Бортника и живого шмеля в цветке
Время, упорный стайер, бежит вперед
И тащит меня, как собаку на поводке.
Время проходит связкой каких-то ид.
Что остается? Памятники, города…
Время таится в мраморе кариатид
И сохраняется буквами иногда.

Константин А. Ильницкий

Качели

Нелепые порывы,
как в кинофильмах ретро,
у моря над обрывом
раскачиваться с ветром.
Кроссовок отпечатки
травмируют песок,
качнув с носка на пятку
и с пятки на носок.

Расправив шире плечи,
чтоб парусность опорой,
направлюсь я на встречу
с ветрами из Босфора,
а может быть, из Истра,
Гипаниса чуток.
То медленно, то быстро,
то пятка, то носок.

Как новости к газете,
причем свежи на диво,
ветра тысячелетий
слетаются к обрыву.
Времен ушедших запах
смешает ветра ток.
Качнешься – это Запад,
обратно же – Восток.

Всё было. Столько было.
Оборванные боли.
Погосты и могилы,
курганы в Диком поле.
Бездонные глубины:
античность, неолит…
Но сквозь любые длины
ушедшее болит.

Всё прошлое – как тризны,
живем мы на земле,
где мириады жизней
размешаны в золе.
Нужна такая память?
Срок давности истек.
А может быть, стихами?
И вновь скрипит песок.

Обманывает Запад,
войной идет Восток,
а я сегодня занят –
то пятка, то носок.
Глупейшие заботы,
колдует идиот.
Но, может, где-то кто-то
впервые не умрет?

ДЕРИБАСОВСКАЯ ✠ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

74 **Андрей Добролюбский**
Топонимические приключения древнего Одессоса

91 **Александр Сурилов**
Трагедия Аркадиевской балки

99 **Михаил Пойзнер**
Высоцкие

112 **Виктория Коритнянская**
Чисто одесские вещи

117 **Тамара Каганович**
Одессу защищает еврейский батальон

129 **Ольга Козоровицкая**
«Найти единственно правильный выход из этого положения я не смог»

Андрей Добролюбский

Топонимические приключения древнего Одессоса

«А в Адесах рідна мать
Не дасть же нам загибать!»
Чумацька пісня

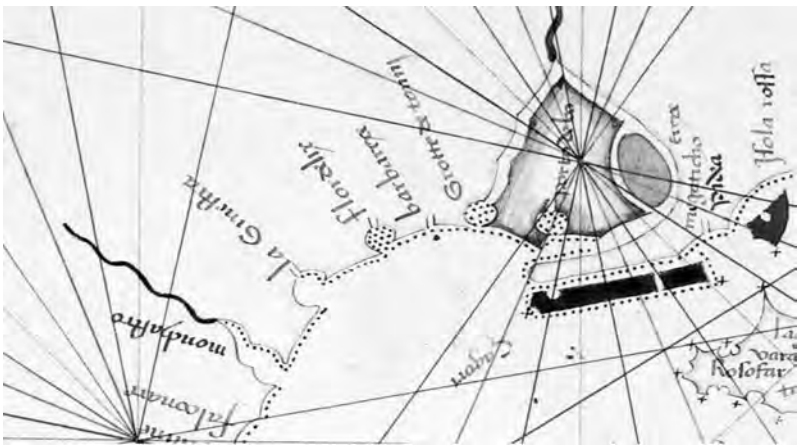
Неуловимая Пидеа. Во времена хана Узбека (1313-1341 гг.) некий испанский монах, имени которого мы не знаем, посетил некий город Пидеа (*Pidea*), который расположен где-то у побережья Черного моря, примерно между Днепром и Крымом. По его словам, этот город был «столицей королевства», которое, впрочем, подчинялось хану. Также он отметил, что здесь имеется «прекрасная гавань» и большое количество строительного леса [24, 255-272]. Скорее всего, этот испанец назвал городом кочевую ставку какого-то золотоордынского эмира или оглана, которая татарами называлось орда (орду) – базаром. Видимо, в те времена она была известна европейским картографам под именем Пидеа. Этот топоним в разных написаниях (*pidea, pdeya, pimea, pitra* и др. – всего 17 вариантов) обозначен на 240 картах из 299. Впервые он встречается на карте П. Весконте 1311 г., а в последний раз – на карте Д. Бурстона 1659 г. [9, 222-224].

Само значение слова *Pidea* не слишком ясно. Специалисты по топонимике полагают, что оно весьма созвучно топониму *Гилея* – это, «если перейти Борисфен, – первая от моря страна», как писал Геродот. Значит, это район, примыкающий к Кинбурнскому полуострову [9, 222], который изобилует зарослями дуба, вяза, тополя, осины, ольхи. Здесь и следует искать Пидею. Само слово

(*pidea*) греческого происхождения и может переводиться как *«лес, из которого изготавливают весла»* [8, 95]. Поэтому в ономастическом отношении такой поиск вполне корректен.

Между тем разные историки видят Пидею в разных местах этой довольно обширной Гилеи близ низовий Днепра. Так, она в написании *pdeya* указана в районе современной Голой Пристани, а в написании *pidea* – в районе нынешнего Херсона, у пос. Зализный Порт, а также на полуострове Ягорлыцкий Кут. Во всех случаях близ этих пунктов имелись какие-то леса. Поэтому каждая из локализаций правомочна, и их разброс, как можно видеть, довольно широк.

Вероятность уточнить местонахождение Пидеи позволяет карта Б. Якопо и Б. Рипола 1456 г., где этот топоним указан в написании *pitra*, что означает «*устье реки*». Это дает нам возможность предложить кандидатуру городища Днепровское-2 на право носить это имя. Ибо это городище расположено близ устья «некогда полноводной степной реки Аджигол, впадающей в озеро лиманного типа». Местность здесь, как и во всей Гилее, была «густо покрыта лесной и кустарниковой растительностью» [7, 99-100], поэтому городище Днепровское-2 отвечает обоим отмеченным



Пидеа на карте Бенинказа-Грациозо. 1467 г.

признакам Пидеи. Несомненную вескость такому предложению добавляет и то, что сам памятник по своим археологическим характеристикам соответствует долговременному пребыванию здесь кочевой орды – орду-базара в виде обширного укрепленного посада, примыкавшего к замку Илличе-Лериче и расположенного на высоком (42 м) крутом берегу Бугского лимана. Ею была Хаджибеева Сечь [16, 53-54]. Такое место вполне могло в портоланах называться *pitra.* Сами же «татары» именовали его просто «ордой». Со стороны лимана эта орда выглядела как большой город. И иноземцы, естественно, тоже могли его так называть – с любыми вариациями.

При этом само название *Аджигол*, или «горькое озеро» (от тюркск. – *аджи – горький; гол – озеро*), может быть связанным с образованным этой рекой озерцом с горько-соленой водой. Но в нашем случае нельзя исключить, что оно происходит от имени эмира Хаджибея и в его честь стало называться Хаджи-гол (консультация А.Г. Середы). Ведь здесь часто пребывала его ставка – Ябу-городок. В таком случае это и может быть то самое соленое озеро «по дороге как идти в Очаков», упоминаемое Матеем Стрыйковским, и от которого, по мнению Станислава Сарницкого, «является названным порт Качибей», находившийся в районе Аджигола [15, 34-45].

Ничто не мешает нам полагать, что в XV в. этот Качибей (Хаджибей), сохранявший также и имя Ябу-городка, был обычным орду-базаром, каковых в ордынских степях было тогда немало. В зависимости от обстоятельств он мог ситуативно и весьма пластично обретать разные формы – укрепленного поселка, перемещающейся орды, спорадических паланок или же укрепленного центра разрозненных казачьих группировок типа казацкой сечи [16, 55-57].

«Орду-Базар». Впервые город с названием Орду-Базар известен с 1224 г. как первая ставка Джучи, старшего сына Чингисхана. Впоследствии это название перешло на движущиеся ставки любых ханов, их наместников или тарханов. Такую ставку описал берберский путешественник Ибн-Батутта. «Поехал я в табор султана, – пишет он, – и вскоре достиг Орды его, или лагеря… Там увидели мы целый движущийся город с улицами, домами, мече-

тями и базарами. По повелению султана… мгновенно все останавливается на том месте, где он прикажет». Это «…большой город, движущийся со своими жителями… они варят (пищу) во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки». «…Лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары, оставляя широкие дороги. Если это происходит зимой, то от множества ног животных образуется величайшая грязь; если же летом, то величайшая пыль. Тут же, немедленно после того, как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и приготовляют свои кушанья из молока, масла, сыра. …В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла… при нем всегда находятся купцы; одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через орду с намерением идти в иные страны», – вторит ему венецианец Иосафат Барбаро [18, 23-27].

Как нетрудно видеть, базар был неотъемлем от самой орды. Именно такое его название и сохранилось в источниках – орду-базары, со всеми признаками городского поселения. Они возникали каждую весну и исчезали осенью. Вместе с ханом (или иным тарханом) перемещался и монетный двор, который на стоянках чеканил монеты.

При археологических обследованиях замка Илличе-Лериче помимо множества иных средневековых монет (от 200 до 400) были найдены три золотоордынские монеты с надписью «чекан Орда-Базар». Две из них принадлежат хану Кичи-Мухамеду (1430-1444 гг.), а одна – хану Саид-Ахмаду (1445-1459 гг.) [11, 186-187]. Большинство монет местного чекана, они активно использовались в торговом обороте. Их изготавливали где-то в низовьях Днепра. Поэтому нельзя исключить, что Ябу-городок мог быть центром такой чеканки (или надчеканки для местного рынка). Если судить по его размерам и значимости в этом регионе, его властелин должен был иметь такое право.

Впрочем, и это не слишком ясно. Ибо известно, что у с. Златополь Васильевского района Запорожской области собрано более

полутора сотен монет, в преобладающем числе медных, данного чекана. Самые ранние из них относятся к началу XV в. Это же может означать, что здесь обнаружен монетный двор, именуемый «Урду-и Му'аззам – Урда Базар» [22, 101-106]. Впрочем, это утверждение основывается лишь на подъемном материале. Выделяются три типа чеканов. Это может означать и разные монетные дворы. Они и обслуживали разменной монетой местный рынок. Однако местонахождение этих дворов пока неведомо.

Ясно лишь, что они находились где-то близ днепровского левобережья. Эпитет *му'аззам* (*высочайший*) может означать ханскую ставку. Находки монет с чеканом «Урда-Базар» прослежены от села Тягинка до Аджигольской балки, в том числе и на поселении Днепровское-2 [23, 224-233]. В таком случае находки монет с чеканом «Орда-Базар» времен ханов Кичи-Мухамеда и Саид-Ахмада близ устья реки Аджигол позволяют думать, что один из центров их изготовления был именно здесь. Несомненно, что наличие монет «Орду-Базар» в Илличе-Лериче указывает на какую-то форму верховенства правителя этого «города на колесах» – хана или иного владетельного лица, над его ареалом. В XVI в. на картах в этом ареале появляется «Odressus».

Загадочный «Odressus». Ничто не мешает полагать, что название этой орды близ Аджигола могло восприниматься на слух иноземными посетителями (например такими, как упомянутый испанский монах) как производное от имени Орда-Базар. И произносилось со всевозможными вокализациями и искажениями. Такие искажения возникали в результате ошибочного воспроизведения иноземцами тюркского названия, воспринятого на слух. Картографы вынуждены были прибегать к таким превратно вокализованным сведениям.

В источниковедческом отношении такого рода сведения принято относить к области так называемой устной истории*. В эту область входят, в том числе, воспоминания путешественников или моряков [3, 14-15]. Разумеется, это были живые устные источники, а также их реципиенты, которые могли картавить, шепеля-

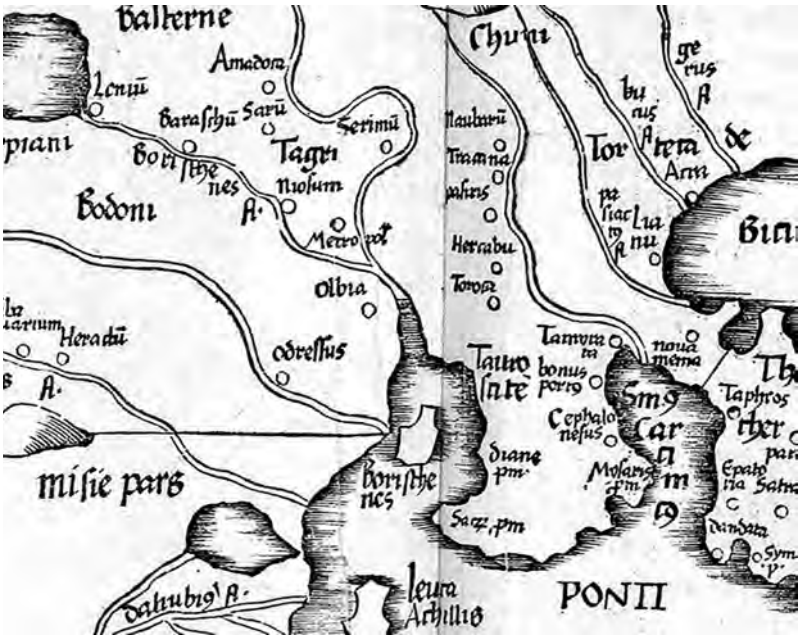
* Устная история (oral history) – практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами.

Клавдий Птолемей

вить, заикаться, быть больными или не слишком трезвыми и пр. Топонимы, которые искаженно вокализировались, после написания обретали искаженные фонетические формы. А это значит, что подобным путем название «Орду» вполне могло перевоплотиться в «Одрессос» («Odressus») или «Ордессус» («Ordessus») (консультация А.Г. Середы). Такое перевоплощение можно видеть на известной карте Европейской Сарматии Клавдия Птолемея (1541 г.), где Odressus размещен не на морском побережье, а значительно выше по течению реки (Южный Буг?).

Равным образом написание «Орды» как «Ordessus» мы видим на карте фламандского картографа Абрагама Ортелия (Ортелиуса), изготовленной в 1590 г. Любопытно, что автор указал на два таких пункта. Один – на черноморском побережье близ устья Днепра, а другой (почему-то с одним *s*) – значительно севернее, в долине реки Акзиацес (Axiaces fl.) (Днестр или Тилигул). Это может означать, что они маркируют маршрут сезонной меридиональной перекочевки Орду-Базара – Ордессуса. Оба топонима показаны как укрепленные пункты.

Если Ордессос в XV-XVI вв. идентичен былой ставке Хаджибея (Kaczebijow), то таковой маршрут его перекочевки с севера на юг подтверждается независимыми наблюдениями. Так, «…в числе сел… на Подолии же, находим село Kaczebijow, которое есть и теперь (Кочубеево) в Каменецком уезде Подольской губернии и лежит вестах в 20 на северо-западе от Каменца, при р. Жванчике, недалеко от впадения его в р. Днестр… оно существовало и раньше, – писал А.И. Маркевич. – А черноморский Качибей



Одрессус. Карта Птолемея

был основан переселенцами из приднестровского Качибея; может быть, ранние переселения, более или менее случайные, имели место и до конца XIV в., и переселенцы, как это обычно бывает, назвали новое место жительства Качибеем в память прежнего. А в Качибее черноморском, где для обеспечения порта и промыслов раньше устроен был город, сохранивший название Качибея» [19, 8-9].

Известно, что картографы XVI – начала XVIII вв. как бы апеллировали к историческому прошлому, воплощали тем самым воспроизведение античных и европейских ценностей [21, 805-818]. Действительно, карты Птолемея и Ортелия насыщены топонимами античной эпохи, соседствующими со средневековыми. Так, название последней взято из элегии Овидия, «Pontus Euxinus. Aequor Iasonio pulsatum remige primum» («Гостеприимное море. Впервые потревоженное веслом Ясона») [4, 15].

Два Ордессуса. Карта Ортелия 1590 г.

Еще более насыщена топонимами античных времен другая карта, изготовленная несколько ранее, в 1577 г., на основе перипла (*перипл* (др.-греч. *περίπλους*, от *περιπλέω*), *плыть кругом* (*вокруг*), *огибать*) – или описания берегов Понта Эвксинского Флавия Арриана в начале 130-х гг.* Автор карты неизвестен, ее издал швейцарский эрудит Йоганн Вильгельм Стукиус. На ней центральная территория Украины обозначена как *Podolia*. Из рек можно видеть Днепр (Boristhenis. fl.), Савранку (Savran), Тилигул (Axiacus), Днестр (Tyras fl.). Днестровский лиман подписан як «Obidovo lac.»,

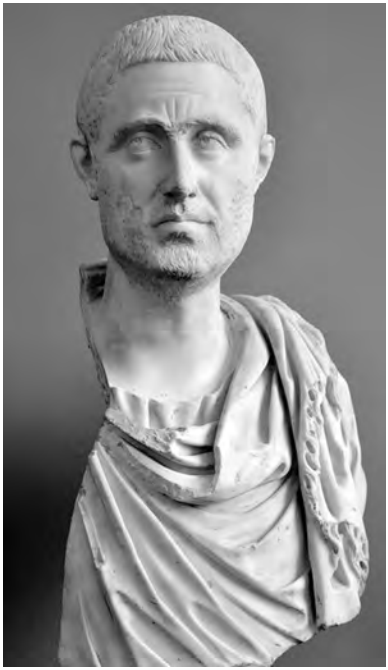
* «Перипл Понта Эвксинского» (Περίπλους του Ευξείνου Πόντου) – серия писем-отчетов Флавия Арриана – наместника провинции Каппадокии, историка и писателя. Он писал их своему другу, императору Адриану. В главах 27-37 Арриан описывает, в частности, северо-западное побережье Понта с целью информировать императора о положении вещей в отдаленной части империи. Здесь же и указан приморский поселок Одессос – «…от Борисфена 60 стадиев до небольшого необитаемого и безымянного острова, а отсюда 80 до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей».

ΑΡΡΙΑΝΟΥ ΕΠΙΣΤΟΛΗ

ΠΡΟΣ ΑΔΡΙΑΝΟΝ ΕΝ Η ΚΑΙ ΠΟΡΙΠΛΟΥΣ ΟΥΞΕΙΝΟ ΠΟΝΤΟ.

ΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙ ΚΑΙΣΑΡΙ τραϊανῷ ἀδριανῷ σεβαστῷ, ἀρριανὸς χαίρειν. Εἰς πρατιζόντα ἤκομεν πόλιν ἑλληνίδα, ὡς λέγει ὁ ξενοφῶν ἐκεῖνος, ἀδῆ θαλάττῃ ᾠκισμένην, συνοικέων ἄποικον. καὶ τὴν μὲν θάλασσαν τὴν τοῦ ὀυξείνου, ἄσμενοι κατίδομεν, ὅθεν πορ καὶ ξενοφῶν, καὶ σύ. οἱ δὲ βωμοὶ ἀνεστᾶσιν ἤδη, λίθου μέν τοι γε τοῦ τραχέος. καὶ τὰ γράμματα δῆ ἔστι, δὲ ὀνόματα κεχάρακται. ὁ δὲ ἑλληνικὸν ἐπίγραμμα, καὶ ἡμαρτημένως γέγραπται, οἷα δὴ ὑπὸ βαρβάρων γραφέν. ἔγνωκα οὖν τός τε βωμοὺς, λίθου λευκοῦ ἀναθεῖναι, καὶ τὰ ἐπὶ γράμματα ἐγχαράξαι, ὀυσίμοις τοῖς γράμμασιν. ὁ μὲν γὰρ ἀνδρεὶς ἔστηκεν ὁ σός, τῷ μὲν σχήματι, ἀνδρέως. ἀπὸ δείκνυσιν γὰρ τὴν θάλατταν. τὴν δὲ ὀργασίαν, ὅτε ὅμοιός σοι, ὅτε ἄλλος καλός. ὥς τε πέμψον ἀνδρεῖα, ἄξιον ἐπονομάζεσθαι σόν, ἐν τῷ αὐτῷ τόπῳ σχήματι. τὸ γὰρ χωρίον, ἐπὶ πλειόστατον εἰς μνήμην ἀιώνιον. πεπίνται δὲ καὶ ὁ νεὼς, λίθου τετραγώνου, ὁ φαῦλος. ἀλλὰ τὸ τοῦ ἑρμοῦ ἄγαλμα, ὅτε τοῦ νεὼ ἄξιον ὄντι, ὅτε αὐτοῦ τοῦ χωρίου. εἰ δέ σοι δοκεῖ, πέμψον μοι πρωτότυπον μάλιστα ἑρμοῦ ἄγαλμα. πιλικοῦτον γάρ μοι δοκεῖ ἔστεται, ὥς τε πρὸς τὸν νεὼν σύμμετρον. καὶ ἄλλο τοῦ φιλησίου, τετράπτυον. ὁ γὰρ ἀπὸ πρόσπυ, δοκεῖ μοι στω-

a ναθ



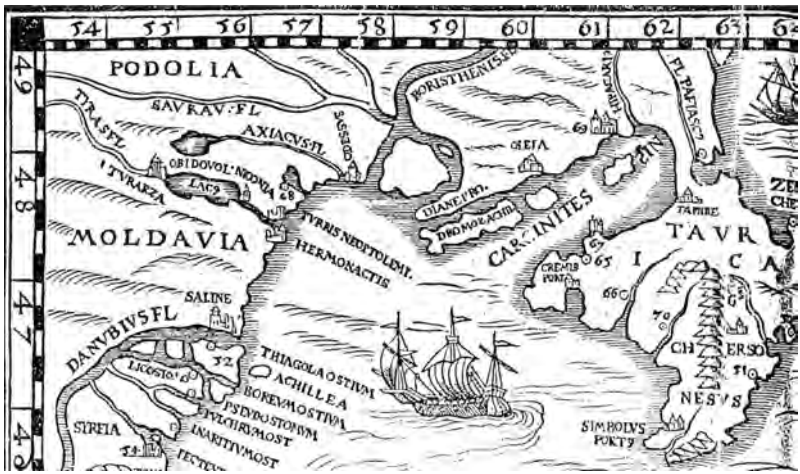
Флавий Арриан

на побережье которого имеется крепость Никоний (Niconia), а в устье р. Днестр – башня Неоптолема (Tyrris Neoptolemi), Hermonactis и остров Dromos Achil. (ристалище Ахилла). Здесь же, на берегу Черного моря, близ устья Днепра, показана крепость Odessus.

Сам факт былого существования античного Одессоса, указанного Аррианом в своем перипле где-то в районе нынешней Одессы, сомнений, как-будто, ни у кого не вызывает. Он подтверждается и археологически. Одессосом принято считать античное поселение IV-II вв. до н. э. – Кошарское городище на правом берегу устья Тилигульского лимана. В Кошарах найдено более десятка монет с надписью ΟΔΕΣΙΤΩΝ [1]. На право именоваться Одессосом претендует и Жевахова гора в Одессе [13, 125-158]. Оба памятника относятся не ко времени Арриана, как было принято считать, а примерно к IV-III в. до н. э.

Можно видеть, что на описанной карте, приложенной к периплу Арриана, соседят и прекрасно сосуществуют античные и средневековые топонимы, причудливо образуя некое композиционно-стилистическое и географическое единство. Судя по всему, картографы, составлявшие такие карты, опирались, с одной стороны, на античные авторитеты, а с другой – на более свежие топонимические сведения – записки, воспоминания путешественников, устные рассказы моряков-очевидцев.

Сходную топонимику содержит и изданная французским историком и картографом Николем Сансоном в Лионе в 1694-1699 гг.



Ордессус на карте Арриана

карта «Географическое описание Восточной Римской империи» («Romani Imperii qua Oriens est Descriptio Geographica»). Территория от нынешней Польши до Дона обозначена как Sarmatia Europaea, а современной Украины – как Bastarne. Здесь же показан «Ordessus» в некотором отдалении от морского побережья. А «Odessus» отмечен во французском атласе «Theatrum Historicum. In Imperii Romani», изданном в Париже в 1705 г. [5, 17-18].

Совмещение античных и средневековых названий породило особую картографическую манеру, которая стала общепринятой. Так, «…огромное значение в картографии обрели чисто литературные, книжные реминисценции... – пишет Ф.Е. Петрунь. – Тем понятнее для нас будет господство Боплановской традиции* в картографии Украины, в частности, степной, приморской ее части, на протяжении свыше чем столетия (от половины XVII ст. до 70-х годов XVIII ст.)». Поэтому «…в некоторых произведениях XVIII в. ввиду длительного отсутствия свежего номенклатурного

* Гийом Левассёр де Боплан, французский военный инженер и картограф, с начала 1630-х до 1648 г. находился на польско-литовской службе. Автор «Описания Украины» (1660 г.).

материала картографы охотно шли на чисто кабинетные комбинации» [20, 193-195].

В самом деле, подобная картографическая ситуация сохраняется до последней четверти XVIII в. Так Д.Э. Вагнер в своей «Истории Польши», изданной в 1775 г., указывает, что современный Днестр некогда назывался Тирасом («Tyras… Niester oder Dniester»), Южный Буг – Гипанисом («Hypanis ist Bog»), а Днепр – Борисфеном («Borysthenes… Danapris… Name Dnieper oder Nieper») [5, 17-18]. Топоним «Ордесос» в разных вариантах этому автору также известен.

Иосиф де Рибас

Можно видеть, что все варианты произношения тюркского слова «орда» могли возникать в устах моряков или путешественников при картавости, грассировании, заикании или иных бесчисленных дефектах речи. Скорее всего здесь мы имеем дело с обычной элизией**, когда звук «*р*» был просто вытолкнут из слова Ордессос. Так появился Одессос. Получается, что Хаджибеева Орда столь причудливо тоже поучаствовала в топонимической истории имени нынешней Одессы.

Весьма вероятно, что все эти карты были известны основателю Одессы Иосифу де Рибасу. В перипле Арриана он увидел название Одессос почти на том самом месте, где собирался заложить новый город. Это название стало для него подсказкой. Мы не можем точно знать, какая из этих карт подсказала ему

** Элизия (от лат. *ēlīsiō, выдавливание, выталкивание*) в лингвистике – отпадение звука или слога в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего. Элизия – довольно распространенное логопедическое явление. Чаще всего она непреднамеренна. Но может быть и умышленной – звуки опущены для благозвучия.

имя будущего города. Авторитет Флавия Арриана в его глазах был несомненен. Это неудивительно – у де Рибаса с Аррианом было много общего: у них были типологически сходными биографии и социальные статусы. Кроме того, известно, что Арриан охотно идентифицировал себя со знаменитым историком Ксенофонтом, а де Рибас – с не менее знаменитым героем гомеровского эпоса Одиссеем. Поэтому де Рибас и решил воспроизвести в новом городе имя Одессос, придав ему женское звучание и написание [12, 445-464]. Все иные варианты написания он счел просто ошибочными.

Впрочем, на этом фонетические приключения этого топонима не закончились. Ведь указа о переименовании Хаджибея в Одессу, как известно, не было [12, 445-464]. Известно и то, что «в народе» долго не могли запомнить новое название Хаджибея – не менее двадцати лет, вплоть до 1814 года. Многие не знали, как правильно называть наш город. Мало того, бывало, что за неправильное произношение имени города крестьян били стражи порядка и при этом приговаривали: «Одесса, Одесса, Одесса…». Изначально народ на разные лады называл Одессу: Одесс, Одест, Адес, Гадес, Адест, Адеста, Гадест, Адеса. Об этом, в частности, свидетельствует песенка, которую пели украинские чумаки:

Насіяли, нагорали –
Нікому збирати,
Пішли наші чумаченьки
У Гадес гуляти [2].

Эти «гулянки» чаще всего заканчивались не слишком оптимистично:

Ой їхав я до Адеси,
Та мав грошей два череси;
А з Адеси повертаю –
Ні копієчки не маю…

Но надежда на лучшую участь всегда оставалась:

Поїдемо до Адес!
А в Адесах рідна мать
Не дасть же нам загибать! [2].

Примечания

1. Алексеев В.П. Монеты Одесса с Кошарского поселения // Древнее Причерноморье // VI Чтения памяти П.О. Карышковского. – Одесса, ОНУ, 2005. http://annales.info/greece/small/odesmon.htm

2. Атлас Д.Г. Старая Одесса, ее друзья и недруги. – Одесса: Ласми, 1911, с. 96; см. также: https://od.vgorode.ua/news/sobytyia/a1161848-hades-adesta-i-adessy-kak-ranshe-v-narode-nazyvali-odessu; Рудченко И.Я. Чумацкие народные песни. – Киев, 1874, с. 121-123, 172.

3. Белецька О.В. Odessus на західноевропейських картах (до вивчення історичної географії України). – Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI. – Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2016, с. 14-15.

4. Ibidem, с. 15.

5. Ibidem, с. 17-18.

6. Ibidem, с. 18.

7. Буйських С.Б., Ієвлєв М.М. Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X-XIII ст. – Археологія, 1991, № 4, с. 99-100.

8. Брун Ф.К. Берег Черного моря между Днепром и Днестром, по морским картам XIV-го и XV-го столетий // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852-1877 г.) [в 2 ч.] / [соч.] Ф. Бруна. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879-1880, т. 1, с. 95.

9. Гордеев А.Ю. Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах – портоланах XIV-XVII веков. – Киев: Academia.edu, 2014, с. 222-224.

10. Гордеев А.Ю. Топонимия… с. 222.

11. Господаренко О.В., Олейниченко Е.В. К проблеме локализации замка Лериче-Илличе в свете новых нумизматических находок // Древнее Причерноморье. Вып. X. – Одесса: ОНУ, 2013, с. 186-187.

12. Добролюбский А.О. Одесса: археология имени // Неславянское в славянском мире. Stratum plus, 1999, № 5. – СПб., Кишинев – Одесса, с. 445-464.

13. Добролюбский А. Археология Одессы. – Одесса – Киев, 2014, с. 125-158.

14. Ibidem, с. 255-299.

15. Добролюбский А. «Хан Абдаллах, да продлится правление его» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. № 89. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2022, с. 34-45 https://odessitclub.org/old/publications/almanac/alm_89/alm_89-034.pdf

16. Добролюбський А. Хаджибєєва Січ // Схід та Європа. Матеріали міжнародної наукової конференції «Схід та Європа: наукова конференція, присвячена пам'яті Вольфа Бейліса». – Київ: Український державний університет імені М. Драгоманова, 2023, с. 53-54

17. Ibidem, с. 55-57.

18. Добролюбський А., Смирнов, І. До питання локалізації Ябу-городка // Старожитності Лукомор'я, 2022. № 4, с. 23-27.

19. Маркевич А. Город Качибей или Гаджибей – предшественник города Одессы // Записки Одесского общества истории и древностей. 1894. Т. XVII, вып. № 2, с. 8-9.

20. Петрунь Ф.Е. Качибей на старинных картах // Записки Одесского общества естествоиспытателей. – 1928, т. 44, с. 193-195.

21. Филас В.Н. Северное Причерноморья на картушах географических карт XVI – начала XVIII вв.: особенности европейского восприятия // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. №13, 2021, с. 805-818.

22. Хромов К.К. Монетный двор середины XV в. «Урду-и Му'аззам – Урда Базар» в нижнеднепровском регионе // Нумизматические чтения ГИМ. Материалы докладов и сообщений. – М., 2015, с. 101-106.

23. Хромова І.К. Монетна справа на території Нижнього Подніпров'я у XV ст. // Спеціальні історичні дисципліни. – 2011, № 19, с. 224-233. http://resource.history.org.ua/publ/sid_2011_19_224

24. Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи XIII-XIV ст.: Суспільно-політичний та економічний розвиток. – Київ, 2015, с. 255-272.

Добролюбский – добрая память

На этом снимке – профессор Андрей Олегович Добролюбский на презентации 94 номера нашего альманаха во Всемирном клубе одесситов. Первой без Евгения Михайловича Голубовского. Для него и для меня известный ученый всегда был и сегодня остается Андрюшей, семилетним братом Ксаны, младшим представителем династии Добролюбских – ученых и педагогов.

На стыке XX и XXI веков, когда родился альманах «Дерибасовская – Ришельевская», Андрей с первого номера стал членом редакционного совета и на протяжении двадцати трех лет публиковал статьи на одну тему: история Одессы и Причерноморского

края – во всем ее драматизме и многообразии. В 95-м, юбилейном номере, – продолжение этого большого, нескончаемого разговора. Мы с помощью коллег профессора намерены опубликовать и наследие нашего Андрюши.

Феликс Кохрихт

Фото Максима Войтенко

* * *

…Не стало Андрея Олеговича Добролюбского.

Не стало крупнейшего историка и археолога.

Не стало великого гражданина Одессы.

Невосполнимая потеря для нас, друживших с ним и искренне любивших его.

Невосполнимая потеря для нашего города, для нашей страны.

Может быть, благодаря его трудам многие поняли: чем дальше от нас прошлое, тем глубже сознаешь и свою причастность к нему.

Это прошлое, подсказывающее, как жить дальше.

Так или иначе будущее формируется, отталкиваясь от прошлого, значительных и, казалось бы, мелких событий, за каждым из которых в конечном счете человеческие судьбы.

Может, как никто другой своей творческой жизнью Андрей подтвердил: «История – это политика, направленная в прошлое…».

Это был веселый разносторонний человек, человек с неизбирательной добротой – научной и человеческой.

Горько сознавать, что при жизни не оценен масштаб личности, не воздано по заслугам человеку, оставившему заметный след в наших судьбах, в прошлом и настоящем нашей страны.

Прощай, Андрей Олегович, прощай, наш Андрей…

Светлая память.

Михаил Пойзнер

Александр Сурилов

Трагедия Аркадиевской балки

В наше время едва ли кто-то из одесситов может даже представить себе, какую страшную тайну скрывает приметный курган над Аркадиевской балкой, что высится над нынешними прудами парка Победы. А вот в памяти немногих еще здравствовавших в конце 1990-х старожилов так называемой Голопузовки, которая в свое время располагалась по обеим сторонам Шампанского переулка, это не что иное как Еврейская могила сотен, а возможно, и тысяч несчастных жертв оккупации.

О Еврейской могиле я узнал от полковника Владлена Соколова, моего соседа по дому и старожила Ново-Аркадиевской дороги. В середине 1950-х в центре бывшей Голопузовки, трущобной околицы Одессы, по обе стороны от Ново-Аркадиевской дороги, осью которой был Шампанский переулок, военные задумали строительство жилого дома. Однако уже в самом начале работ по выемке грунта под будущий фундамент строителей ждала страшная находка – на глубине чуть более метра обнаружилось огромное количество человеческих костей. Строительство было свернуто, а на месте найденной строителями братской могилы был насыпан курган. Аборигены Голопузовки вспомнили, что во время оккупации Одессы правый берег Аркадиевской балки с открытыми стволами заброшенных штолен, где добывался в свое время строительный камень – ракушечник, был превращен румынами в место казни заложников, в числе которых в начале оккупации преобладали одесситы еврейского происхождения. Так и повелось называть курган Еврейской могилой.

Под этим курганом покоятся жертвы фашистов

Прошли годы. И вот в середине 1980-х я вновь услышал, что курган в дендропарке над прудами Аркадиевской балки – это братская могила жертв оккупантов.

Еще через десять лет в мои руки попадает карта немецкой аэросъемки люфтваффе от августа 1944 года из американского военного архива. На ней уже совершенно отчетливо видны не только горловины прежних шурфов, но и исчезнувшая к концу 1960-х прежняя Голопузовка. Однако на сей раз привлечь внимание гражданского общества Одессы к забытым жертвам оккупации не удалось, поскольку в демонстрации фильма «Триптих» на городском телевидении было отказано под предлогом «недостаточного качества видеозаписей».

Постепенно вырисовывалась истинная картина событий: многое прояснила аэросъемка 1944 года, где видны шурфы. Газета «Знамя коммунизма» 9 мая 1988 года вышла со статьей «Мемориал», содержавшей воспоминания старожила Голопузовки А.Т. Максименко. Это он сообщил председателю общества «Мемориал» Н.Н. Данилову, как в конце 1941 – начале 1942 годов он видел заполненный телами расстрелянных людей

Аэрофотосъемка Аркадийской балки. 1944 г.

шурф каменоломни в Аркадийской балке глубиной более восемнадцати метров, а рядом – груды советских паспортов и других гражданских документов…

Наконец в 1997 году по моему сценарию известный в свое время режиссер Одесской киностудии Александр Игишев снял триптих «Расстрельные поколения». В качестве консультантов были приглашены легендарные деятели «Мемориала» Роман Шувалов, Николай Данилов и Валериан Сирота. Мы сверили известную каждому из нас историческую информацию и попытались найти на местности следы давней трагедии. Но, кроме собственно кургана, следов шурфов обнаружить тогда не удалось. Поиски, проведенные в парке Р.А. Шуваловым в 1997 году, результатов также не дали. Тем не менее Валериан Сирота с риском для жизни проник в катакомбы под дендропарком и увидел там немало интересного для исследователя: тайны минувшей войны, в том числе и засыпанные шурфы бывших каменоломен. Но заниматься историческими изысканиями в «лихие 90-е», понятно, не располагало само время.

Тамара Александровна Учанова и автор статьи Александр Сурилов

И вот в 2017 году совершенно случайно произошла встреча с Тамарой Александровной Учановой, и ныне живущей в одном из домиков так называемого Шанхая при одесском ипподроме. Меня буквально ошеломил рассказ о событиях 1944 года в Аркадиевской балке из уст Тамары как непосредственного очевидца трагедии.

Напомню, румынские оккупанты убивали одесситов не только в гетто, они не только расправлялись с ними в тюрьмах, но и уничтожали их как заложников. Не менее трагичным было то, что зверства оккупантов по отношению к заложникам были ответом на вылазки одесских партизан.

Среди заложников в первое время оккупации преобладали евреи, но были и участники сопротивления, и военнопленные, и коммунисты, и члены их семей. И в современной истории впервые случилось, что оккупанты расправлялись с ними не только как с евреями.

Тамара Учанова. Послевоенные годы

У Тамары отменная память. Так, она помнит, что там, «Где курган насыпан, был шурф глубокой штольни… Когда я начинаю вспоминать войну, румынскую оккупацию, начинаю реветь… Вот он, тот бугор-гора в парке. Там очень много людей погибло в ямах-шахтах, шахты были очень глубокие. Последних людей убили в балке буквально перед освобождением Одессы».

«Во время оккупации по вечерам мы много раз слыхали выстрелы, но что происходит, увидели впервые накануне освобождения Одессы, – продолжает Тамара. – Это было 7 апреля, когда румыны пригнали очередную, как оказалось позже, последнюю группу заложников с детьми. Были ли там одни евреи? Мы видели только людей, а какой национальности они были, мы не знали. Хоть я лично и видела этот кошмар всего один раз, перед моими глазами – как вчера: здоровенная шахта, румыны ставят вокруг горловины шурфа обреченных. Ребенок или старый – для оккупантов не имело значения…

Нам же тогда удалось спасти еврейскую семью – бабушку и двоих ее внуков. Звали женщину Фира, отчество ей было Яковлевна, помню и имена внуков – Ромка и Яша…

Почему удалось скрыться от румын Фире с детьми? Потому что, как мы потом увидели, румыны в тот день кого-то ждали.

Уже вечерело, когда оккупанты стали пригонять арестованных. Румыны прикладами их подгоняли в кучу с криками: «Репеде! Репеде!». Кругом было поле, всходы цветов Зелентреста: здесь пионы, там розы. Эти пионы я запомнила на всю жизнь! Тогда

в апреле было очень тепло и сильно шли дожди, и пионы поднялись до большой высоты, бурно пошли в рост… Они не цвели, но куст пиона поднялся мне почти по пояс…

Недалеко от шурфа было большое спиленное дерево, и Фира решилась. Выбрала момент, когда конвоир отвернулся, и вместе с детьми бросилась в заросли пионов. Так они незаметно для румын заползли за дерево и там затаились. Фире и детям несказанно повезло, что румыны были в тот раз без служебных собак…

Когда мы, дети, стояли и в ужасе смотрели на происходящее, мама подкралась поближе к беглецам и стала показывать, куда ползти, чтобы спастись. А ползти надо было к большой яме, с осени полной листьев. Ромка прыгнул, за ним братик, а затем их бабушка Фира.

К яме подошел сосед дядя Хома и сказал: «Сидите и не рыпайтесь». Фира с детьми и без того в ужасе забились в дальний край ямы…

А в это время со стороны Фонтанской дороги по Зоопарковой подъехали к штольне две или три легковые машины. Вышли пьяные офицеры – румыны и немцы… Смех… Крик… Команды…»

Тамара продолжает:

«Ребята, это не объяснить, до сих пор страшно вспоминать! Какой поднялся истерический крик обреченных людей! Там были и семьи с детьми! Они поняли, что настали их последние минуты, что надо прощаться с жизнью, что они последний раз видят друг друга, что сейчас они сгинут ни за что».

Румыны выставили заложников по краю шурфа и начали в них палить. Люди держались: цеплялись до последнего друг за друга, но все равно с жуткими криками падали в шахту…

Мама говорит: «Быстро уходим отсюда!». А тут еще и конвоир-румын на нас прикрикнул: «Штерге! (Убирайтесь!) Иначе, – тут он навел на нас винтовку, – будет «дрр… дрр!..».

А тут к нам откуда ни возьмись бежит малышка, годика три, и кричит: «Мама, мама!». Ручки протянула к моей маме Наташе, и та взяла ее на руки. Тогда из-за дерева, где спряталась Фира, показалась мама ребенка, тоже еврейка. И что удивительно, конвоир-румын увидел ее, но стрелять не стал: видать, и среди

Идут съемки телепрограммы, посвященной трагическим событиям в оккупированной Одессе

них были люди. Он толкнул ее к нам, и мы все вместе забежали в наш двор.

Эта молодая женщина ничего у нас не просила, она только схватила свою малышку на руки и кинулась к двум большим оранжереям. Там мы их спрятали до утра, а затем они ушли. Соседка, когда выносила ночное ведро, видела, как женщина с малой на руках побежала в сторону Аркадиевской дороги. Так спаслись и эти люди…»

Тамара также рассказала, что у Фиры был брат. Мама ее вышла замуж за вдовца, и у него был сын Арон Давидович, как она его называла – Арончик. Может, кто еще помнит: Арончик-футболист с Пироговской, № 3, 5 или 7. Во время оккупации смог избежать гетто, и не будучи очень похожим на еврея, даже не таясь румын, держал в городе какую-то торговлю.

Как вспоминал легендарный оператор одесского телевидения Анатолий Бурдейный, проживавший всю жизнь в Удельном переулке, в ночь на 7 апреля 1944 года взлетело на воздух здание

дачи мадам Стороженко, расположенной на углу Пироговской и Французского бульвара. В ответ сразу же прокатилась свирепая облава оккупантов.

Семья Фиры дружила с нашей русской семьей. У русских на Даче Ковалевского был дом. И когда началась облава на Пироговской, родные засунули дочь Фиры в багажник, накрыли брезентом и уехали на Ковалевского. Там ее спрятали в подвал, где она и пересидела два этих страшных дня. А вот Фире и ее внукам не повезло, и они угодили в лапы румын…

10 апреля Фира с внуками ушла к себе на Пироговскую, но скоро вернулась с подарками для своих спасителей. А еще через какое-то время мы узнали, что Фира получила письмо из Немировского района Винницкой области от своей родной сестры! Название села Тамара не запомнила. Та еще до войны с мужем, партийным работником, оказалась в том селе с семьей. «Так Фирочка уехала с дочкой и внуками – Яшей, ему было лет восемь, и Ромкой, тому не меньше десяти, из Одессы с семьей – и все! – рассказала Тамара. – Мы их потеряли».

P. S. К настоящему времени мы подготовили сорокапятиминутный документальный фильм, премьерный показ которого состоялся в 2019 году в Музее Холокоста Одессы. Кроме этого у нас есть видеофиксация интервью с ныне уже ушедшими из жизни одесситами, очевидцами трагедий оккупации. И как знать, быть может, этот очерк попадется на глаза родственникам Фиры.

Михаил Пойзнер

Высоцкие

Надо признаться, что о чаезаводчиках Высоцких мы больше слышали, чем знаем. Вряд ли кто-то из молодого поколения помнит известную антисемитскую поговорку времен революции 1917 года: «Чай – Высоцкого, сахар – Бродского, Россия – Троцкого…».

На самом деле в «России Троцкого» не было места ни Высоцким, ни Бродским – их имущество национализировали (читай, разокрали), а сами они вынуждены были без оглядки бежать за границу…

Сразу скажу, что в истории с Высоцкими нас подстерегает масса неожиданностей. Здесь известное и абсолютно не известное, а иногда парадоксальное. В литературных источниках, как правило, полная неразбериха. Увы! Есть только то, что власть предержащие изначально сознательно врали, умалчивали или недоговаривали с определенными целями. Многие вообще, особо не напрягаясь, просто переписывали что попало друг у друга…* Впрочем, в «Википедии» тоже еще как-то что-то можно найти. В основном же и эта информация требует, мягко говоря, уточнения и дополнительного анализа. Зачастую полная путаница: имена, даты, места событий…

Итак, Высоцкие.

И что такое на самом деле «Чай Высоцкого»? И что, собственно, связывает их с Пастернаками?! Семья Высоцких – неотъемлемая

* Сегодня к наиболее серьезным и глубоким исследованиям на эту тему можно отнести, пожалуй, только уникальную работу Леонида Лифлянда «Чай Высоцкого. Полтора века истории», изданную в Москве в 2019 г.

Вульф Янкелевич Высоцкий

часть истории России и мировой истории в целом. И здесь не обойтись без подробностей. Отец-основатель фирмы «Высоцкий и К°» – Калонимус Зеев (Вульф Янкелевич) Высоцкий (1824-1904). Он родился в бедной еврейской семье в местечке Старые Жагоры Ковенской губернии (Литва). В восемнадцать лет женился на Кейле Абрамсон (1825-1910). На рубеже 1840-1850-х гг. перебрался в Москву и начал работать в чайной лавке купца первой гильдии Петра Боткина. Отличался богобоязненностью и страхом перед грехом присвоить чужие деньги (!). Пользовался безграничным доверием клиентов. Хозяева фирмы даже выхлопотали для него, еврея, разрешение на проживание в Москве (!). Так или иначе, Высоцкие тесно сблизились с семьей Боткиных.

...В начале 60-х годов был отменен запрет на ввоз чая в Россию морским путем. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в жизни Высоцких. Так или иначе, началась жесткая конкуренция между сторонниками «кехтинских» чаев (караванный путь через Кехте на границе с Монголией) и «кантонских» (доставка морем через Кантон, Китай). В первом случае доставка чая длилась больше года, во втором длительность исчислялась неделями. Высоцкий одним из первых поставил на морской вариант (в основном через одесский порт), правильно оценив перспективы сбыта индийских и цейлонских чаев.

Со временем в Одессе было создано отделение фирмы, сыгравшее важную роль в коммерческой деятельности Высоцких. Так, с 1912 г. в Одессе на ул. Канатной, 40, располагалась чае-

Чаеразвесочная фабрика

развесочная фабрика Высоцкого* (первоначально здесь была чаеразвесочная фабрика Смирнова). Роскошное здание было выкрашено в зеленый цвет и декорировано растительным орнаментом. В 1910 г. по проекту известного инженера В.И. Кундерта оно было реконструировано. Оборудование и оснащение фирмы считалось самым современным, производство отличалось высоким уровнем механизации технологических процессов. Здесь уже работало порядка трехсот человек. Именно в Одессу приходили суда с чаем из Индии, с Цейлона и с острова Ява. Склады же для хранения чая располагались в различных концах города.

* До недавнего времени в этом здании располагался Одесский завод «Биостимулятор».

Долгие годы В. Высоцкий был почетным членом одесского комитета Общества вспомоществования евреям-ремесленникам и земледельцам в Сирии и Палестине.

Дальше больше… С 1868 г. Высоцкий состоит в купечестве, с 1870 г. – в составе правления Московского еврейского общества. В 1873 г. избран действительным членом Общества для распространения просвещения между евреями.

В завещании Вульфа Высоцкого на добрые дела была выделена огромная сумма – около миллиона рублей. Особое место в благотворительности занимали пожертвования на цели создания и экономического развития еврейских поселений в Палестине.

Известно, что именно из Одессы в 1885 г. Высоцкий отправился в первое путешествие в Палестину. На него была возложена миссия вести переговоры о возможности подписания международного договора на создание здесь еврейской автономии под эгидой турецкого султана. Так, из капитала, завещанного им, более ста тысяч рублей пошли на основание техниона в Хайфе, пожертвования на покупку земель и создание еврейских поселений.

О детях Вульфа Янкелевича Высоцкого

Рахель (1844-1905), ее муж Рафаил Гоц (1844-1920), их дети: Маркус (Матвей) (1864-1934), Михаил (1866-1906), Абрам (1882-1940), Роза (в замужестве Познер), Мария (в замужестве Геллер), Софья (в замужестве Вайнштейн), Вера (в замужестве Мартынова).

Либа (Любовь) (1845-1930), ее муж Осип Гавронский (1844-1908), их дети: Борис (1866-1932), Лазарь (1870-1949), Яков

(1878-1948), Амалия (1882-1935) (в замужестве Фондаминская), Дмитрий (1883-1949), Александр (1888-1958), Вера и Анна (в замужестве Лурье).

Хана (Анна) (1860-1935), муж Осип Цетлин (1856-1933), сын Михаил (1882-1945). Давид Высоцкий (1861-1930) – о его потомках несколько позже.

С 1887 г. Вульф Высоцкий – петербургский, а с 1889 г. – московский купец первой гильдии. В 1897 г. учреждено Товарищество чайной торговли «В. Высоцкий и К°». Члены товарищества: Вульф Высоцкий, Давид – его сын, Рафаил Гоц – муж дочери Рахели, Борис Гавронский – сын дочери Любови.

Вульф Янкелевич Высоцкий скончался в мае 1904 г., похоронен в Москве на Дорогомиловском еврейском кладбище (снесено в начале 50-х годов).

Официально семейное дело перешло к Давиду Высоцкому. Уже при нем были открыты отделения в США (главная контора в Нью-Йорке) и Лондоне. Началось приобретение чайных плантаций на Цейлоне и в Индии.

…В 1905 г. с началом русско-японской войны Высоцкими передано для нужд армии 20 тысяч рублей, при этом Борис Гавронский (внук Вульфа и племянник Давида Высоцких), врач по профессии, ушел добровольцем на фронт.

В дальнейшем совладельцами товарищества стали: Давид Высоцкий с женой Анной, Федор – сын Давида Высоцкого, сестра Давида – Любовь Гавронская с сыном Борисом, Осип Цетлин, Рафаил Гоц с сыном Матвеем.

Товарищество чайной торговли «В. Высоцкий и К°» становится поставщиком двора его императорского высочества великого князя Николая Михайловича, а также двора шаха Персидского.

Товарный знак – в виде кораблика с аббревиатурой «В и К°» на парусе.

В 1911 г. Давид Высоцкий – московский купец первой гильдии и кавалер ордена Святого Станислава третьей степени – с женой и детьми был возведен в сословие постоянных почетных граждан Москвы.

С началом Первой мировой войны от фирмы производятся крупные благотворительные поставки чая в Добровольческую

армию. Помощь больным и раненым – на 10 000 руб. Кроме того, Московской еврейской общиной, главой которой был Давид Высоцкий, на нужды армии и флота передано 15 000 рублей, обустроен лазарет для раненых, не считая попечения о вдовах и сиротах единоверцев.

Теперь, собственно, о детях Давида Вульфовича (Васильевича) Высоцкого и Анны Борисовны (урожденной Готц). Федор (1879-1933) занимался чайной торговлей; Илья (1880 – ?) работал при отце, с 1911 г. – потомственный почетный гражданин Москвы, московский купец второй гильдии (1912); Самуил (1881-1937) впоследствии взял имя Александр; Ида (1892-1976, по другим данным 1890-1979) – в замужестве Фельдзер; Елена (1894-1976) замужем за чаеторговцем Борисом Лурье (погиб в авиакатастрофе в июле 1950 г.); Рашель – в замужестве Лурье; Ребекка – в замужестве Коварская*.

…Давид Высоцкий коллекционировал картины Исаака Левитана, Валентина Серова, Леонида Пастернака. Дочери Ида и Елена брали у Леонида Пастернака уроки рисования.

Давида Высоцкого и Леонида Пастернака связывали теплые дружеские отношения. Известный пианист Давид Шор** вспоминал: «Знакомство с художником Леонидом Осиповичем Пастернаком направило внимание Высоцкого на живопись. Он стал покупать картины. И если он делал это, советуясь с художником, то приобретал недурные картины. …Он построил в своем особняке именно галерею, и она ко времени революции вся увешана была картинами русских художников. Все это носило характер любительства».

При этом к Высоцким, несмотря на «отсутствие одухотворенности» (по выражению Евгения Борисовича Пастернака),*** тянулись музыканты, философы и художники. В книге «Биография Бориса Пастернака» Евгений Борисович пишет: «…В роду по-

* Муж Александр Коварский – один из директоров фирмы с 1957 года.

** Шор Давид Соломонович (1867-1942) – пианист, педагог, музыкально-общественный деятель, деятель сионистского движения.

*** Пастернак Евгений Борисович (1923-2012) – военный инженер, советский и российский литературовед, биограф и педагог, старший сын Бориса Пастернака от первого брака с художницей Евгенией Лурье (1898-1965).

томственных торговцев чаем Давид Васильевич Высоцкий был заметной фигурой. Семья была богатая, с многочисленными столь же состоятельными родственниками и широким кругом знакомых, имена которых пользовались известностью в деловом мире. Давид Высоцкий придерживался прогрессивных взглядов, покровительствовал искусствам, коллекционировал живопись. Леонид Осипович импонировал ему не только как художник, но и как человек, на вкус, мнение и совет которого можно было положиться».

Вот только некоторые работы Л.О. Пастернака, связанные с семьей Высоцких: «Портрет дочери фабриканта Высоцкого», 1905-1906 гг.; «Портрет Иды и Елены Высоцких», 1906; «Портрет Анны Борисовны Высоцкой-Готц», 1911; «Портрет Анны Борисовны

Л. Пастернак. Осип Цетлин и Давид Высоцкий. 1913 г.

Высоцкой», 1912; «Портрет Иды Высоцкой», 1912; «Осип Цетлин и Давид Высоцкий», 1913.

Теперь несколько подробнее о судьбе внуков Вульфа Янкелевича Высоцкого. Большая их часть (более двадцати) не проявили интереса к семейному делу, не увидели и перспектив в идеях сионизма. Многие ушли в революционное движение, стали видными деятелями партии социалистов-революционеров (эсеров). Вот как складывалась жизнь некоторых из них.

Михаил Гоц – один из основателей партии эсеров, член ЦК партии, во время восстания политических ссыльных в Сибири тяжело ранен, лишен возможности передвигаться. В 1899 г. по состоянию здоровья вернулся из ссылки, поселился в Одессе. С 1901 г. – за границей. Автор устава партии эсеров. Умер в 1906 году.

Абрам Гоц с четырнадцати лет в революционном движении, учился на философском факультете Берлинского университета. Депутат Учредительного собрания. В 1905 году вступил в боевую организацию, участвовал в подготовке террористических актов. Узник Петропавловской крепости. После февральской революции 1917 г. вернулся в Петроград, член Петроградского совета, в президиуме 1-го Всероссийского съезда советов. Ему даже было предложено место во Временном правительстве. Отверг, считая невозможным свое участие в правительстве России из-за своего еврейского происхождения. После разгона Учредительного собрания продолжил активную борьбу с большевиками. С 1922 г. и до конца жизни находился в заключении. 29 июня 1939 г. получил 25 лет, сгинул в ГУЛаге в 1940 г., формально оставаясь очень богатым человеком. Дело в том, что Рафаил Гоц (умер в 1920 г.) приобрел земли под плантации цитрусовых в Палестине – все это юридически было собственностью его сына Абрама.

Александр (Самуил) Высоцкий, сын Давида Высоцкого, в 1900 г., не достигнув и двадцати лет, примкнул к эсерам. В 1904 г. арестован, в 1905 г. участвовал в декабрьском вооруженном восстании в Москве. Эмигрировал во

Францию, жил в Париже. После февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, стал председателем Петроградского комитета партии эсеров, редактировал газету «Земля и воля», избран членом Учредительного собрания. Потом – лагеря, ссылки, короткий период работы учителем в Барнауле. Расстрелян в ноябре 1937 г., реабилитирован в 1957 г.

Александр Гавронский – эсер, проводил агитационную работу среди рабочих Одесской чаеразвесочной фабрики, впоследствии эмигрировал. Обучался в Германии и Швейцарии, в частности, на филологических факультетах в Марбурге и в Женевском университете. Дружил с Борисом Пастернаком, работал в театрах Цюриха и Женевы. Вернулся в Россию в июле 1917 года, продолжал заниматься театральной работой и кино. Провел восемнадцать лет в лагерях и восемь лет в ссылке. Реабилитирован в 1956 г., умер в 1958 г.

Яков Гавронский – близкий друг Александра Федоровича Керенского. Активный борец с большевизмом. Учился в университете в Германии. Доктор медицины (1905). В 1905 г. возглавил боевую дружину, принимал участие в вооруженном нападении с целью финансовой экспроприации. Скрылся за границей, работал в Лондоне. После февральской революции 1917 г. назначен в Лондоне представителем Временного правительства в комиссии по отправке русских граждан на родину.

Дмитрий Гавронский – эсер, активный участник революции 1905 года. В 1910 г. окончил Марбургский университет, сделал блестящую научную карьеру. Друг Бориса Пастернака. После февральской революции вернулся в Россию, избирался депутатом Учредительного собрания. Эмигрировал. Представлял партию эсеров за границей.

Амалия Гавронская с 1901 г. училась в Германии, в 1903 г. вышла замуж за Илью Исидоровича Фондаминского (1880-1942) – российского революционера, масона. В 1904 г. супруги вернулись в Россию. Илья Фондаминский был арестован; выйдя на свободу, участвовал в организации декабрьского вооруженного восстания в Москве. После 1905 г. супруги жили в Париже, в феврале 1917 г. вернулись в Петроград. Илья Фондаминский назначен Временным правительством комиссаром Черноморского флота, член Учредительного собрания. С 1919 г. – в эмиграции.

Михаил Цетлин – единственный сын Анны Высоцкой и Осипа Цетлина. С детства болел костным туберкулезом, прихрамывал, лечился во Франции. Член партии эсеров, преследовался в 1905-1907 гг. Эмигрировал во Францию, издал сборник стихов (псевдоним – Амари). Одно время управлял делами фирмы в Лондоне. Значительные капиталы семьи Цетлиных находились в Индии и на Цейлоне. Сын – Вольф (Валентин, назван в честь художника Серова) учился в Оксфорде, дочь – Ангелина (названа в честь жены художника Диего Риверы). В 1920 г. Михаил Осипович помог семье Ивана Бунина переехать из Белграда в Париж и временно поселил их у себя в квартире. В доме Цетлиных постоянно бывали Алданов, Шмелев, Ходасевич, Милюков, Керенский. После оккупации Франции немцами в 1940 г. Цетлины бежали в США, где 10 ноября 1945 г. умер Михаил Цетлин (Амари). В 1960 г. его вдова передала в Израиль коллекцию картин, собранных Цетлиным, на основе которой в Рамат-Гане создан музей русского искусства.

...Однако вернемся к делам фирмы.

К 1917 году Высоцким принадлежала $^1/_3$ чайного рынка России.

В июне 1918 г. Давид Высоцкий с семьей навсегда покинул Москву, через Одессу и Стамбул перебрался в Париж. Здесь осели почти все родственники, бежавшие из России от большевиков: Цетлины, Гавронские, Гоцы, Фондаминские. Надо сказать, что после так называемой национализации большевиками предприятий Высоцкого Россия не покупала чай вплоть до 1929 г. (!).

Члены клана Высоцких, лишившиеся большей части огромного состояния, недвижимости и коллекционных вещей, все же смогли сохранить значительные капиталы. Основой их благосостояния стала деятельность лондонского отделения товарищества, переименованного в Англо-Азиатскую компанию «АнГлаз». 21 января 1921 г. в Париже был создан «Эйробанк». Президент банка – Давид Высоцкий, учредительный директор – сын Федор. Теперь во главе семейного бизнеса – Давид Высоцкий и Осип Цетлин. Однако постепенно, начиная с 1920 г., на ведущие роли выходят представители следующего поколения: Борис Гавронский, Федор и Илья Высоцкие, Мат-

вей Гоц. В 1922 г. из Лондона в Палестину переехал директор компании «АнГлаз», известный еврейский писатель Ахад-аха-Ам.

С 1920 по 1939 гг. основная производственная деятельность фирмы перенесена в Данциг (Гданьск). Известно, что по Версальскому договору Данциг стал городом-государством под юрисдикцией Лиги Наций. При этом чайное сырье в Данциг доставлялось морем, отсюда – развитая железнодорожная сеть, связывающая со всеми европейскими странами. В 1926 г., после установления дипломатических отношений между СССР и Данцигом, даже появились определенные планы поставок чая в СССР, однако до этого не дошло…

14 января 1930 г. ушел из жизни Давид Высоцкий. Самые яркие страницы Товарищества чайной торговли «Высоцкий и К°» остались в прошлом.

15 января 1930 г. парижская газета «Последние новости» опубликовала траурное сообщение: «В ночь на 14 января после продолжительной и тяжелой болезни скончался Давид Васильевич

Высоцкий, о чем с глубокой скорбью извещает семья покойного. Встреча у главных ворот Монпарнаса в 11 часов утра. По воле покойного цветы просят не возлагать».

Сестра Давида Высоцкого Любовь Гавронская пережила брата на один месяц. В июне 1932 г. не стало ее сына Бориса Гавронского, а 6 января 1933 г. умер Федор Высоцкий.

Этот печальный список продолжился. В сентябре 1933 г. умер Осип Цетлин, 25 декабря 1934 г. – Матвей Гоц. В первый день 1936 г. не стало вдовы Осипа Цетлина Анны, дочери Вульфа Высоцкого.

С приходом Гитлера к власти политическая и экономическая ситуации в Европе резко ухудшились. Менялось отношение к семейному делу и у многих недавних революционеров – Ильи Фондаминского, Михаила Цетлина, Дмитрия Гавронского. Так, Илья Фондаминский редактировал эмигрантский журнал «Современные записки». Михаил Цетлин (Амари) отошел от дел фирмы, посвятив себя литературе и издательской деятельности.* Будучи одним из директоров «АнГлаза», он активно занимался благотворительностью для жизни эмиграции.

В 1931 г. к двум имевшимся директорам, Михаилу Цетлину и Чарльзу Стронгу, добавилось три новых – Дмитрий Гавронский, лесопромышленник Герман Геллер (муж Марии Гоц) и Борис Лурье (сын Анны Гавронской). В 1936 г. Геллера сменил Владимир Вайнштейн, муж Софии Гоц (надо иметь в виду, что Мария и София Гоц – родные сестры).

…В Европе запахло войной.

В 1937 г. в Данциге произошел еврейский погром. 6 октября 1937 г. ушел в отставку Михаил Цетлин, уступив место Борису Прегелю, мужу Александры Авксентьевой (дочь Михаила Цетлина от первого брака). К тому же в Данциге уже были введены антисемитские нюрнбергские законы, а в январе 1939 г. началась депортация евреев. Уже через неделю после начала войны (1 сентября 1939 г.) Данциг был включен в состав Третьего рейха…

Кровавый Холокост не обошел и Высоцких. Так, Соломон Зайдлер, главный представитель компании в Лодзи, был арестован

* В 2011 году в России вышло полное собрание стихов Амари.

и вскоре погиб. В числе большой группы масонов Илья Фондаминский арестован немцами в 1941 г., в лагере принял православие. Как еврей отправлен в Аушвиц, погиб в 1942 г.**

Дочь Федора Высоцкого Ирена вместе со своей матерью, а также вдова Бориса Гавронского Ребекка (Любовь) Сергеевна (в девичестве Шмерлинг) – погибли в концлагерях. Первая жена Якова Гавронского Роза Исидоровна (урожденная Шабот) убита в Виленском гетто.

…В военное лихолетье в Данциге предприятия Высоцких были разграблены, все оставшееся имущество утрачено. После окончания Второй мировой войны принято решение о переносе деятельности фирмы Высоцкого в Израиль, где чайный бизнес Высоцких возглавил некий Шимон Зайдлер***, обосновавшийся в Палестине еще в 1935 г. (принимал участие в играх Второй Маккабиады в составе делегации Польши. После завершения игр Шимон Зайдлер нелегально остался в Палестине, что спасло ему жизнь).

Фирма сохранила свое историческое название «Чай Высоцкого» (Wissotzky Tea), в качестве товарного знака тот же кораблик с надписью «В и К°».

Шимон Зайдлер руководил фирмой до своей смерти в 1957 г., потом фирму возглавила его вдова Ида Зайдлер. Их сын унаследовал бизнес после смерти матери в 1979 г.

Сегодня фирма выпускает более двухсот наименований чая, помимо чая – оливковое масло, кондитерские изделия и печенье. Фирма «Wissotzky Tea» входит в число крупнейших и известнейших чайных фирм мира, ее продукция занимает в торговле чаем около ¾ рынка Израиля и экспортируется во многие страны. Кораблик с надписью «В и К°» продолжает свое плавание.

** В 2004 г. канонизирован Константинопольской православной церковью.

*** Между семействами Высоцких и Зайдлеров прослеживается родственная связь.

Виктория Коритнянская

Чисто одесские вещи

Есть в этом мире вещи чисто одесские. Например, одесские дворы… В этих дворах непременно все про всех знают, в них, тоже непременно, – увитая виноградом галерея: она перекошена и продувается со всех сторон морским ветром, она недовольно скрипит половицами и покрыта разноцветными слоями масляной краски. А еще во дворе стоит колонка. Ну хорошо, раньше стояла колонка. Сейчас она за ненадобностью закрыта, заколочена, вырвана с корнем, закатана в асфальт или завалена мусором. А зря, ведь именно возле нее в делах и хлопотах оттачивался одесситами тот самый такой самобытный и неповторимый одесский язык с его (куда же без них?) одесскими интонациями. И, конечно же, одесские коты… Без них невозможен ни один одесский двор. Разномастные, жирные, наглые, с мудрым взглядом и ироничным прищуром глаз.

Но есть еще что-то, без чего одесский двор уже не тот. Запах! Вы заметили, какой в одесских дворах запах? Мне кажется, что запах одесских дворов – явление тоже чисто одесское. Только в одесских дворах это замечательная смесь запахов морской и подвальной сырости, котов, старых вещей и знаменитой одесской кухни. Причем кухня в зависимости от сезона в одесских дворах пахнет по-разному. Летом она буквально бьет под дых букетом из ароматов вареной пшонки, чеснока, жареных синеньких и перцев, зимой – холодца и жареной рыбы. А впрочем, жареной рыбой в одесских дворах пахнет на протяжении всего года.

Гремел когда-то на весь мир ратными подвигами Одесский полк, и далеко за пределами города известны одесское госте-

приимство, толерантность и терпимость. И все так же, как и сто, пятьдесят лет назад не умолкают споры по такому, казалось бы, ясному для всех одесситов вопросу: «Существует ли одесская национальность?». Была, а если верить Евгению Михайловичу Голубовскому, существует и сейчас одесская литературная школа и ее производные: одесский (непременно «вкусный») текст, одесская литература, одесская библиотека, наконец. Хорошо известны читателям «одесские» рассказы Аркадия Аверченко, Исаака Бабеля, Рады Полищук, Александра Добровинского, Рафаэля Гругмана, Александра Молодецкого, Геннадия Водовских, Виктора Гликмана и Георгия Голубенко. У Леонида Авербуха написана книга об одесских музах, а в рассказах Михаила Пойзнера говорится об одесских людях, одесском духе, одесском самосознании, одесском восприятии мира, одесской зрелости и судьбе, одесской школе жизни... В книге Алены Яворской «42 истории о… или Это было в Одессе», упоминаются одесские легенды и таинственный одесский миф (впрочем, у Олега Губаря о легендах и мифах Одессы вышла целая книга), особая одесская разновидность остроумцев, и сказано даже, что одесские наши акации во время цветения пахнут по-особому – «по-одесски». А считал ли кто-то, сколько в Одессе «одесских» – совершенно непохожих на другие, тоже ведущих к морю в иных городах мира, улиц?

Влас Дорошевич выделял одесситок в особую породу женщин, которые «ветренее всех ветров, вместе взятых». А Константина Паустовского так, видимо, когда-то поразили особенности местной торговли, что в своих рассказах он всегда выделял особый сорт одесских рынков: одесское торжище на Новом базаре, одесская барахолка и одесский толчок. Впрочем, «за разговоры на одесском Привозе» сказано и написано уже много… В одесском трамвае вам обязательно расскажут за одесские мансы и одесские майсы, пожалуются на чей-то чисто одесский характер и непременно предложат пойти на самый лучший в мире одесский пляж, чтобы позагорать там под жарким одесским солнцем.

Есть люди, имена которых, я считаю, давно уже стали синонимами названия нашего города. Бабель, Утесов, Уточкин, Филатов, Жванецкий, Литвак, Блещунов, Голубенко… Судьба их, вся жизнь, все наследие – так или иначе про Одессу…

Есть у нашего города и города-тезки. Двенадцать городов и поселков с названием Одесса существуют в США, две Одессы – в Канаде, и даже одна в Бразилии…

Но известен наш город и в биологии – в честь него названы растения, грибы и животные. Однако, прежде чем перейти к изложению этой небезынтересной темы, необходимо напомнить читателю правило бинарной номенклатуры. Согласно ему название любого живого организма состоит из двух слов: первое – наименование рода, к которому он принадлежит, второе, собственно, имя вида, или видовой эпитет. Последнее зачастую отображает определенную характерную для данного вида особенность, нередки также случаи образования видового эпитета по названию местности, где состоялась первая находка вида, или же названию региона, где он обитает или произрастает.

Очевидно, что видовой эпитет «одесский» или «одесская» указывает на непосредственную связь вида (первая его находка, ареал обитания и др.) с нашим городом и его окрестностями (иногда весьма удаленными от Одессы).

Наибольшее количество «одесских» видов встречаем среди растений. Пожалуй, одним из первых в честь нашего города был назван голосемянник, или гимноспермум одесский (*Gymnospermium odessanum* (DC.) Takht.) из семейства барбарисовые. В 1779 году он был описан как оставник одесский (*Leontice odessana* (DC.) Fisch.), однако вскоре лишился статуса отдельного вида и стал одесской разновидностью (вариантом) оставника алтайского (*Leontice altaica* Pall. var. *odessana* DC.). Спустя шестьдесят лет, в 1839 году, оставник был переименован в гимноспермум, а его одесский вариант был выделен в отдельный подвид – *Gymnospermium altaicum* subsp. *odessanum* (Fischer ex DC.) E. Mayer & Pulević. Впоследствии в результате очередной ревизии рода подвид был признан самостоятельным видом.

Гимноспермум одесский – реликтовый (то есть тот, который сохранился в данной местности с древних геологических эпох) краснокнижный вид, произрастающий в Украине на землях Северо-Западного Причерноморья. Однако уникальность этого растения не только в этом. В апреле 2013 года в балке у села Русская Слободка близ села Севериновка в Ивановском районе Одесской

области на гимноспермуме одесском был выявлен неизвестный доселе микроскопический гриб из рода пероноспора. Собранные образцы были отправлены в один из университетов Вены (Австрия), где с помощью миколога Германа Воглмаера гриб был определен как новый для науки вид – пероноспора одесская (*Peronospora odessana* Voglmayr & Korytnianska). На сегодняшний день это единственный представитель грибного царства, названный в честь нашего города.

Однако вернемся к растениям. Наибольшее их количество (пять!) стали одесскими благодаря доктору биологических наук профессору, автору первого «Определителя растений Украины» (тогда – Украинской ССР) Михаилу Васильевичу Клокову. Из описанных им с территории Украины трехсот восьмидесяти девяти новых для науки видов одесскими в разные годы были названы представители родов: пижма (*Tanacetum*), пиретрум (*Pyrethrum*), смолёвка (*Silene*), подмаренник (*Galium*) и ясколка (*Cerastium*). Позднее, правда, *Pyrethrum odessanum* Klokov был отнесен к *Tanacetum odessanum* (Klokov) Tzvelev, а *Silene odessana* Klokov к смолёвке длинноцветковой (*S. bupleuroides* L.).

Добавим, что в последующие годы благодаря «усердию» систематиков утратили свои одесские названия еще три вида растений. В частности, редька одесская (*Raphanus odessanum* Andrz. ex Besser) стала редькой приморской (*R. maritimus* Smith), вейник одесский (*Calamagrostis odessana* Besser ex Andrz.) стал вейником наземным (*C. epigejos* (L.) Roth), а тамарикс одесский (*Tamarix odessana* Steven ex Bunge) – тамариксом ветвистым (*T. ramosissima Ledeb.*).

В 1930 году регион Северо-Западного Причерноморья посетил румынский ботаник Юлий Продáн. В результате поездки ним был описан новый для науки вид василька, получивший название василек одесский (*Centaurea odessana* Prodán).

Все упомянутые выше виды, кроме тамарикса (который уже, увы, не одесский) и пероноспоры, относятся к травянистым растениям. А есть ли кто-то одесский среди деревьев и кустарников? Оказывается есть! Правда, это не самостоятельный вид, а лишь одесская разновидность клена ясенелистного (*Acer negundo* L. var. *odessanum* (H. Rothe)), отличающаяся изумительной ярко-желтой (золотой) окраской листьев.

Совсем мало одесских видов среди млекопитающих. Во-первых, это суслик одесский (*Spermophilus odessanus* Nordmann, 1840), во-вторых, представитель ныне вымершего рода койотоподобных псовых – прародителей наших домашних собак, *Eucyon odessana* (Odintzov 1967), обнаруженный в 1965 году в карстовых пещерах одесских катакомб доцентом геолого-географического факультета Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова И.А. Одинцовым. Поскольку останки принадлежали явно мелкому животному (с массой тела до 15 кг), новый вид был отнесен Одинцовым к роду *Vulpes* и назван лисицей одесской (*Vulpes odessana* Odintzov 1967), однако проведенные в начале 1990-х гг. исследования показали, что это все-таки мелкий волк (внешне напоминающий койота или шакала) из рода *Eucyon.*

Удивительно, но карстовые пещеры одесских катакомб являются местообитанием еще одного одесского вида. В результате недавних исследований подземных вод в катакомбах был выявлен новый вид крошечных ракообразных, амфипод или бокоплавов, – *Synurella odessana* Sidorov & Kovtun, 2015.

Очень дальним родственником одесской амфиподы (оба принадлежат к типу членистоногие) является одесский клещ-краснотелка – *Kepkatrombicula odessana* (Simonovich, 1958). Впервые этот паразит крыс, песчанок, полевок и мышей был обнаружен в Тарутинском районе Одесской области, в настоящее время он также известен по находкам на территориях Турции и Азербайджана.

Ну и завершим очерк вездесущими насекомыми. Оказывается, среди них нет сейчас ни одного одесского вида. Хотя еще в прошлом столетии «с честью» носили имя нашего города муха-журчалка *Scaeva dignota* (Rondani, 1857) и цикадка-свинушка *Pastiroma clypeata* (Horváth, 1897).

На этом перечень одесских видов в составе флоры и фауны заканчивается. Пять видов растений и одна разновидность клена, один вид микроскопического гриба, суслик, клещ-краснотелка и амфипода, один вид вымершего волка… Итого: десять видов. Много это или мало? Мне кажется, достаточно. Наверняка существуют виды, названные в честь других городов, но какие и сколько их? Подобных обобщающих такие сведения публикаций я пока не встречала.

Тамара Каганович

Одессу защищает еврейский батальон

Эта история началась несколько лет назад, как сценарий приключенческого фильма.

Однажды на чердаке одного московского дома жильцы-квартиросъемщики решили навести порядок. Дом принадлежал семье известной писательницы, которая давным-давно здесь не жила. Среди прочего хлама нашлось несколько старых фотографий. Позвонили хозяйке. Она сказала, что ей они не нужны, и велела выбросить. Однако же у квартиросъемщиков на это рука не поднялась. Они отсканировали фото и выложили в одну из интернет-групп, посвященных генеалогии: вдруг кому-то пригодится…

Я увидела эти фото через три года после их публикации. Несколько групповых снимков военных примерно столетней давности, над их головами надпись «Первый еврейский пехотный батальон», а в углу – заветное слово «Одесса» и имя известного одесского фотографа: Гений Шапиро.

Одесса! Разве я могла пройти мимо такой находки!

Хотя в Первую мировую войну в русской армии служили пятьсот тысяч евреев, а против них сражалось двести семьдесят пять тысяч евреев в австро-венгерской и сто тысяч в германской армиях, найти информацию о еврейском батальоне как об отдельном военном формировании оказалось делом непростым.

Сперва поиски привели меня в Тернополь, где в 1918 году был создан Пробойовий жидівський батальон, или Жидівський курінь 1-го корпуса Української Галицької армії под командованием Соломона Ляйнберга. Этот батальон, одно из подразделений армии ЗУНР, насчитывал около пятисот человек и целый год

Первый еврейский батальон

успешно воевал под украинским флагом против поляков. В конце 1919 года бо̀льшая часть солдат заболела тифом, батальон был отправлен на переформирование, и часть его бойцов оказалась в Одессе. Могли они быть теми самыми солдатами с фотографий Шапиро? Почему бы нет!

Я начала искать информацию в столичных в архивах, когда среди оцифрованных фондов ЦДАВО обнаружила документы, развернувшие направление моих поисков в совершенно другую сторону. Проще говоря, я нашла то, что искала!

Бей жидов – получишь сдачи!

Первый отряд еврейской самообороны на территории Российской империи появился именно в Одессе. Во время погрома 1871 г. небольшие слабо вооруженные группы смельчаков

из числа студентов-евреев Новороссийского университета выступили против погромщиков, но остановить их не смогли. К сожалению, погромы в Российской империи не были явлением редким. Через десять лет, в мае 1881 г., Одесса снова столкнулась с этой бедой, но теперь организованные еврейские отряды действовали гораздо успешнее. Студенты и преподаватели иврита собрали довольно крупные группы самообороны, костяк которых составили мясники и извозчики. Вооруженные топорами, дубинками и железными прутами, они выходили навстречу погромщикам и часто одним своим появлением охлаждали их боевой пыл. Таким образом погром в центре Одессы удалось остановить. Но совсем без стычек не обошлось. В одной из них был ранен студент университета, будущий знаменитый бактериолог и победитель холеры Владимир Хавкин.

Реакция властей оказалась неожиданной (или скорее, к сожалению, ожидаемой). Так как полиция запретила (!) евреям организовывать самооборону, ее участники подверглись гораздо более активному преследованию, чем организаторы погрома. Сто пятьдесят евреев были арестованы, в их числе и В. Хавкин, схваченный с револьвером в руке.

В 1903 году в Кишиневе произошел невиданный по своей жестокости погром, который позже назвали Кишиневской резней. Накануне его местная еврейская молодежь создала группы самообороны, которые были вооружены и хорошо проинструктированы. Однако полиция и войска уже в первые часы погрома окружили отряды самообороны, разоружили и арестовали ее бойцов. Еврейское население Кишинева было обречено.

Но в том же 1903 году, 29 августа, в Гомеле, где также начался погром, еврейская самооборона проявила себя так, что поэт Х.Н. Бялик сказал: «Мне впервые не стыдно за русских евреев!». Властям это не понравилось. Как пишет автор многочисленных работ по еврейской истории Альберт Каганович, на скамью подсудимых наряду с насильниками и убийцами было посажено тридцать шесть евреев, защищавших свою жизнь и жизнь близких, по обвинению в учинении «русского погрома».

Теперь даже самой, как сказали бы теперь, толерантной и осторожной части еврейского населения империи стало ясно, что помощи от властей ждать не приходится, а «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Кишиневские и гомельские события кровью своих жертв окончательно смыли все сомнения. Известные еврейские писатели и публицисты, среди которых были Х.Н. Бялик, Ш. Дубнов и другие, выступили с призывом: «Нам нужна повсюду, где мы проживаем, постоянная организация, всегда готовая встретить врага в первую же минуту и быстро созвать к месту погрома всех, в ком есть силы встать перед опасностью».

Теперь отряды самообороны, несмотря на запреты властей, организовывались повсеместно и финансировались за счет пожертвований еврейской буржуазии и общин. Кровавый 1905 год только сильнее закалил боевой дух этих отрядов, которые к тому времени были организованы в сорока двух городах и местечках. Хотя власти почти всегда оказывались на стороне погромщиков, еврейская самооборона становилась все более серьезной военной силой, закаляясь, что называется, в боях.

В неспокойном 1917 году при общей политической и экономической нестабильности в стране снова усилились антисемитские настроения, развернулась погромная агитация, а тема самообороны стала как никогда актуальной. Как следствие – 10-15 октября 1917 г. в Киеве состоялась конференция представителей союзов евреев-воинов, которая выработала план создания всероссийской еврейской самообороны. Уже в октябре 1917 г. отряды самообороны были организованы в Петрограде, Симферополе, Саратове, Киеве и, конечно же, в Одессе.

«Неправда, что евреи – трусы…»

Конец 1917 года и начало 1918-го в Одессе, как и нынче, спустя сто шесть лет, были тревожными. Город трясло от постоянной смены власти. На фоне политической неразберихи участились грабежи и налеты, порядок был понятием условным. Никто

не знал, что будет дальше, но все были уверены: что бы ни произошло, виновными в этом назначат евреев. И спасать их жизнь и их добро никто не придет. Значит, надо спасать себя самим.

Как пишет Игорь Шкляев в статье «Время перемен в жизни одесситов. 1918 год»: «…единственной реальной силой, которая поддерживала порядок в городе, была «еврейская боевая дружина», которая просуществовала более двух лет. Она имела постоянный оплачиваемый состав из бывших солдат и содержалась на средства еврейского населения, а одно время даже субсидировалась Городской думой. Это воинское формирование было совершенно аполитично, преследуя только цели защиты еврейского населения и вообще охраны города».

Сначала из нескольких десятков, а затем и сотен еврейских мужчин, многие из которых только вчера вернулись из окопов Первой мировой, был организован Еврейский совет самообороны и Совет по оказанию помощи жертвам погромов, возглавить которые пригласили Оскара Грузенберга. Этот всеми уважаемый человек, адвокат, носивший в профессиональных кругах прозвище Еврейский Защитник, был известен как специалист по политическим и уголовным делам. Грузенберг выступал также защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (в том числе Максима Горького, В.Г. Короленко, Корнея Чуковского и Л. Троцкого). В 1913 году он был одним из защитников Бейлиса на процессе по делу о ритуальном убийстве, он же участвовал в судебных разбирательствах после погромов в Кишиневе и Минске. Позже, вспоминая о тех одесских событиях, Грузенберг писал: «Неправда, что евреи – трусы. Они лишь чрезмерные калькуляторы, старающиеся точно подсчитать, стоит ли заманчивая идея расплаты за нее жизнью. Но, раз решившись, они прут, как осатанелые».

Возможно, вот эта целеустремленность и точный расчет стали причиной того, что Еврейский совет самообороны в Одессе очень быстро стал влиятельной организацией. Ему подчинялись отряды, организованные по всем правилам военной дисциплины. Это была маленькая одесская еврейская армия, два года сохранявшая порядок в городе, в то время как вокруг бушевали революция, погромы и Гражданская война.

Интересны воспоминания отца писателя Льва Штерна, заставшего мальчишкой события того периода:

«В году 1918 или 1919… идя как-то по Прохоровской… увидел картину, которую хорошо запомнил: по улице не спеша ехали дрожки, на которых был установлен пулемет и сидело пару сопровождающих. По тротуару по обеим сторонам мостовой шли цепочкой по семь-восемь человек с винтовками… выяснил у прохожих, что это еврейская самооборона перевозит под охраной свой пулемет.

В то время пулемет был новейшим оружием большой силы, единственным с автоматическим огнем на фоне трехлинеек и револьверов. Поэтому пулемет, очевидно, был самой большой ценностью отряда».

«И вот, – вспоминает уже сам Лев Штерн, – относительно недавно я увидел в интернете фото группы еврейской самообороны Одессы, позирующей с оружием и в центре тот самый пулемет. За пулеметом пулеметчик и несколько человек, видимо, его помощников, опоясанных пулеметными лентами. Очевидно, это те самые люди, которых видел отец более ста лет назад на улицах Одессы. Узнал я также, что организатором самообороны в Одессе был Соломон Якоби».

Позже Владимир (Зеев) Жаботинский в речи на смерть своего друга и соратника (С. Якоби умер в 1939 году) писал: «Г-н Брайкевич, который тогда был городским головой, а сейчас живет в Лондоне и, разумеется, является христианином, рассказывает, вспоминая те дни: «Это был наш, собственный, одесский полк», – и вспоминает мальчика, который возглавлял его… Когда Красная армия окончательно водворилась в Одессе, Еврейский полк решил самораспуститься, и Якоби схоронил все оружие и амуницию в секретном месте. После этого, посчитав свой долг выполненным, он направился в Палестину на том славном пароходе «Руслан», которому предстояло открыть третью алию…

Но за четверть часа до отправления парохода от берегов Одессы нагрянули с обыском чекисты, Якоби был арестован и возвращен на берег. В ЧК ему предложили выбор: открыть тайник с оружием или расстрел… Он отказался, и этот маленький арсенал, возможно, до сих пор ржавеет в том секретном месте.

Каким-то чудом, практически невероятным (один из лидеров ЧК оказался бывшим членом дружины и не забыл все хорошее, сделанное Якоби), это дело было замято… И вот несколько месяцев спустя в Иерусалиме я встретил этого молодого человека – скромного, безобидного и малообщительного – среди полдюжины чертежников, склонившихся над продолговатым столом, где шла разработка предварительного плана Рутенберга постройки иорданской электростанции».

Однако в документах киевского фонда, датируемых 1918 г., ни имя Соломона Якоби, ни Янкелевича (его настоящая фамилия) не встречается. Возможно, потому что Первый еврейский пехотный батальон был только одним из подразделений того самого легендарного «еврейского полка», о котором говорил Жаботинский. Все приказы от имени командира батальона подписаны прапорщиком Моисеем Усоскиным. О нем стоит рассказать подробнее.

«Если не я за себя…»

Сын выходцев из бессарабских Сорок Моше-Беньомин родился в 1894 году, уже после переезда родителей в Одессу. Когда грянула Первая мировая, среднему сыну Мелеха и Эстер, торговцев посудой со Старопортофранковской, 8, было двадцать лет. Возраст вполне призывной. Поэтому вскоре рядовой 7-го Заамурского полка Моисей Усоскин отправился отдавать долг родине с оружием в руках. Видимо, ходить в должниках Моня не любил, потому что менее чем через год за отвагу в бою был представлен к награде – «Георгию» четвертой степени.

Для солдата-еврея получить Георгиевский крест в русской – насквозь антисемитской! – армии означало лишь одно: его героизм был просто беспредельным.

Вот такой молодой человек, демобилизованный в 1917 году и прошедший четырехмесячные курсы прапорщиков, в начале 1918 года оказался командиром одесского Первого еврейского пехотного батальона.

Штаб батальона

Документы, хранящиеся в фонде киевского архива, – это своеобразная летопись жизни батальона. Каждый день составлялись списки отрядов, отправлявшихся патрулировать улицы, охранять важные городские объекты и т. д. Ежедневно же на плацу при штабе проводились всевозможные занятия и тренировки личного состава.

Вот выдержки из нескольких приказов по батальону, отражающие его, так сказать, быт:

«–назначить наряд караулов (к Городской думе – 17 человек, у арсенала, где хранятся 500 недавно полученных винтовок и 24000 патронов, – 7 человек);

– объявить благодарность инструкторам Песису и Дусману, а также товарищам солдатам, накануне предотвратившим налет на телефонную станцию;

– выставить караул к Городскому банку (20 человек);

ПРИКАЗЪ № 30.

по I-му Еврейскому Пѣхотному Батальону

Марта 14 дня 1918 года

Дежурный по батальону--тов. Шафиръ, дежурный писарь - тов. Манусъ

Нарядъ карауловъ

Въ Государственномъ банкѣ .....17 чел.
У арсенала ..... 7 ,,
У воротъ дома ..... 4 ,,
У наружныхъ дверей ..... 3 ,,
Вѣстовыхъ въ штабъ ..... I ,,

по строевой части.

§ I.

Объявляю благодарность инструкторамъ Песису и Дусману и товарищамъ солдатамъ выѣзжавшимъ въ ночь на 13-ое Марта на налетъ на телефонную станцію за ихъ расторопность, дисциплинированность и сознательное отношеніе къ порученному дѣлу.

§ 2.

Пріемный покой батальона будетъ помѣщаться по Базарной ул. № 89 въ лазаретѣ Совѣта Духовныхъ Правленій.
Ротнымъ фельдшерамъ утромъ опрашивать людей и больныхъ посылать туда при именномъ спискѣ къ 9 часамъ утра.
Пріемъ больныхъ будетъ принимается докторомъ Жалковскимъ.

§ 3.

Командиру I-ой роты къ II часамъ представить списокъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ находящихся въ ротѣ.

§ 4.

Еще разъ напоминаю, что самовольно отлучившихся быть не можетъ
Немедленно Командиру I-ой роты представить мнѣ списокъ таковыхъ для наложенія взысканій и увольненія изъ батальона.
Ротному Комитету помочь командиру I-ой роту провести это въ жизнь.

Батальонный Инструкторъ

Приказ № 30 по батальону

Моисей Усоскин. 1940-е гг.

– свободные от караулов и нарядов люди могут отправиться при желании под командою в синагогу».

Из других приказов также узнаем, что казармы, где располагался гарнизон батальона, находились на Прохоровской, 1 (вот почему отец Л. Штерна встретил вышеупомянутый пулемет именно на этой улице!). А на Базарной, 89, был приемный покой (медпункт), где больных принимал батальонный доктор Жалковский. Инициалов в приказе нет, но я предположила, что это мог быть Григорий Жалковский, впоследствии известный одесский врач, друг семьи Евгения Михайловича Голубовского и отец Бориса Жалковского – выпускника одесского медина 1940 г. Борис погиб в Великую Отечественную, но его фото есть в альбоме выпускников, судьбы которых я исследую уже несколько лет. Я обратилась к внучке Григория Жалковского Елене – и она подтвердила, что это действительно он: на групповом фото батальона она нашла деда и в свою очередь выслала мне фото из их семейного альбома, которое сделано примерно в то же время. Вот так переплетаются истории!

А история жизни командира Моисея Усоскина не менее интересна.

Еврейский батальон будет распущен с установлением в Одессе советской власти. Моисей с 1919 по 1920 гг. будет состоять в Еврейской компартии (как он сам напишет позже в автобиографии), а с 1920 по 1922 – в ВКП(б), откуда его исключат во время чистки партийных рядов. С тех пор и до конца жизни он не предпринимал попыток вступить в партию. Ви-

димо, не случайно. В мирное время Моисей Михайлович устроится на работу в Губотдел совторгслужащих, потом будет работать директором различных госучреждений. В 1939 г. снова будет призван в армию в звании лейтенанта, а затем капитана, станет преподавать военное дело новобранцам и будет отмечен наградами.

Доктор Григорий Жалковский. 1918 г.

Похоронен М. Усоскин на 3-м Еврейском кладбище в Одессе. Судя по датам на памятнике, Моисей Михайлович покинул этот мир в преклонном возрасте, на семьдесят восьмом году жизни, окруженный детьми и внуками, которые наверняка не догадывались о его боевом прошлом. Однако сегодня благодаря доступности архивной информации один из его потомков, успешный юрист Сергей Усоскин, не просто изучил биографию прадеда, но и восстановил все семейное древо до XVII века.

Долгое время мы с Сергеем не могли определить, кто же на нашем групповом фото его предок. Но вот из архива прислали личное дело Моисея Михайловича 1940-х годов, где есть его фотография уже более позднего периода. Сказать, что мы были удивлены, – не сказать ничего!

Посмотрите еще раз на групповое фото штаба батальона. В самом центре его сидит совсем молоденький юноша с типичной еврейской внешностью. Ничего героического: большие грустные глаза, щуплая угловатая фигурка, явно не созданная для шинели… Разве может георгиевский кавалер и лихой вояка, командир батальона, выглядеть так? Получается,

что может. Это не тот случай, когда надо встречать по одежке. Впрочем, почти у всех еврейских юношей на этих фото вид не боевой. Не созданы они были для войны, как не созданы для нее тысячи сегодняшних мальчиков – умных, красивых, талантливых, однако же взявших в руки оружие, чтобы защитить свой город и свою страну. Возможно, среди них даже есть потомки героев с наших фотографий столетней давности. Но это неважно. У тех мальчиков и у этих и так много общего: в тяжелые для Одессы времена они не оставили свой город в беде, вспомнив слова еврейского мудреца Гилеля: «Если не я за себя – то кто за меня? А если я только за себя – то кто я? И если не сейчас – то когда?».

Ольга Козоровицкая

«Найти единственно правильный выход из этого положения я не смог»

С фотографии, присланной по интернету, на меня смотрел совсем маленький шоколадного цвета мальчик. Как написала в письме его мать Сари, мальчику исполнилось уже шесть месяцев, его зовут Оскар, и его отец довольно известный темнокожий рок-музыкант.

Когда через несколько минут мой мозг это все переварил, он смог выдать только одну банальную мысль: «Жизнь бывает намного интереснее и закрученнее, чем любой мексиканский или голливудский сериал».

А закручиваться весь сюжет начал во время Второй мировой войны, и в центре его был мой отчим, которого я всю жизнь называла папой, Евгений. В детстве я очень спокойно относилась к тому, что у меня два папы: и родной не забывал, женатый уже давно на другой женщине, и второй папа рядом, женившийся на моей маме, когда мне было два года. Мама родила во втором браке сына, моего брата, и жила вся наша семья в старом доме на Молдаванке.

В ранние школьные годы я уже знала, что папа Женя отбывал наказание в сталинских лагерях, от детей в семье это не скрывалось. Мы с братом знали, что он ушел на фронт после десятого класса в 1941 году, был дважды ранен, контужен, лечился в госпиталях, дошел до Германии и еще пару лет служил в оккупационных войсках. Сам же при нас ни о войне, ни о лагерях никогда ничего не рассказывал.

Папа хорошо знал немецкий язык еще и потому, что до войны жил с семьей в немецкой колонии Зельц (сейчас село Лиманское

Раздельнянского района Одесской области), учился в школе, где девяносто процентов учеников были немцами. Там он и познакомился с моей мамой – молоденькой учительницей русского языка и литературы, получившей в 1940 году направление на работу в Зельц после окончания одесского педина. Она была старше отца на три года.

За какое преступление он попал в лагеря, мы с братом не знали. Как выяснилось позже, мама этого тоже не знала. По его письмам маме из лагерей, а переписываться они начали с 1944 года, и мама сохранила также все его письма с фронта и послевоенные из Германии, было ясно, что лагерное начальство считает его политически неблагонадежным. Но почему и за что?

Ни в одном письме папа про это не пишет. Иногда проскальзывает, что он совершил какую-то ошибку, за которую расплачивается. Его тайну знали только две его родные сестры, попрежнему жившие в селе Зельц, переименованном в Лиманское, но они не собирались делиться ею с мамой.

Как хорошо, что тогда было принято в начале письма указывать не только дату, но и место его написания. По этим указаниям можно проследить маршруты его лагерей: Хабаровский край, город Магадан, поселок Сусуман (тогда Магадан входил в Хабаровский край); Хабаровский край, город Магадан, поселок Будугучан; город Заярск (Иркутская область); город Братск (Иркутская область).

Почти все письма сохранились без конвертов, а на нескольких уцелевших стоит штамп: «Просмотрено цензурой». В одном из писем папа пишет: «Писать могу два раза в год, получать письма в неограниченном количестве». Но тогда откуда такое количество писем, явно не соответствующих норме? А пишет он и маме, и своей семье.

Ответ нахожу в письме 1950 года, где он пишет, что ни в коем случае мама не должна упоминать, что получила от него письмо. Военный цензор допытывался из-за этого, каким образом и через кого он отправляет письма, грозил лишить его права переписки, если он будет отправлять письма, минуя лагерь. «Таких цензоров немало заключенных поубивали в лагерях. Из-за того, что существует разрешение только на два письма в год, приходится прибегать к посторонней помощи с воли», – пишет папа.

Не могу не привести дословно еще такие его строки: «Я могу писать тебе все, потому что мои письма минуют руки чекиста, а твои письма попадают в ихние грязные лапы. Но черт с ними, время придет, и их спросят, и они заплачут, завоют, как волки. Их заставят ответить, сколько они погубили невинных солдат. Ведь из тех, кто сидит в лагерях, восемьдесят процентов – это абсолютно невинные люди».

На Колыме

Вообще, в свои тридцать с небольшим он оказался очень здравомыслящим человеком, в лагерях много читал, всегда просил присылать ему книги, занимался спортом, что, вероятно, помогало ему выживать морально и физически при морозах до минус шестидесяти шести градусов (на работу зимой не выводили при минус сорока одном). В Братске при морозе минус пятьдесят шесть слегка обморозил нос, щеки и ноги.

После смерти Сталина в лагерях положение заключенных стало меняться в лучшую сторону. В лагере под Сусуманом, где папа добывал золото, у него разболелись зубы. И вот в апреле 1953 года (через месяц после смерти Сталина) его одного под честное слово отпустили на прииск на двое суток к больницу, почти как в фильме Э. Рязанова «Вокзал для двоих». За двое суток он не только удалил больные зубы, но и попал в клуб, кино и вернулся в лагерь.

Про нравы на Колыме и дикость местного населения он писал очень много.

В мае 1954 года папа пишет: «Сейчас жить стало мне легче, да и не только мне, а всем таким, как я. Начали обращать внимание и на нас. Ты не можешь себе представить, какие были произволы

на Колыме до 1952 г. Таких ужасов не знал ни Майданек, ни Освенцим, ни Дахау. Причем произвольщиками были представители партии и правительства. Сейчас принялись за них, судят, дают по двадцать пять лет и бросают в лагеря. Но в лагере они не живут долго. Им мстят. Ведь связь среди заключенных работает безупречно».

И хотя из заработка заключенных по-прежнему высчитывали за помещение, за свет, за отопление, обслуживание, одежду, обувь и питание, оставляя копейки, они уже чувствовали некое послабление режима (читаешь про эти циничные вычеты и думаешь, как же замечательно была продумана система ГУЛага на полном хозрасчете).

Долбя гранит, чтобы построить через Ангару мост, который до сих пор там стоит, добывая в шахтах урановую руду, а на приисках – золото, заключенные получали копейки.

«Только одна Колыма дает чистого золота более сотни тонн в году, только благодаря ему наша страна могла бы жить больше, чем в достатке, ни одно государство не могло бы в состоянии с нами сравниться. Этого нашему народу не дают. Что же это такое? Кто виноват? Это все решится и довольно скоро», – писал отец в феврале 1954 года. В конце письма постскриптум: «Прочтя – сожги». Но мама его не сожгла.

Надежда на освобождение у него зародилась после письма на его обращение К.Е. Ворошилова, который ответил, что ознакомился с его делом, в настоящее время проводит сверку, то есть будет пересматривать все ступени его службы в армии вплоть до ареста. «Этого я, конечно, не боюсь, да и вообще, моя совесть не имеет угрызений ни перед кем», – пишет папа.

В 1949 году к нему в лагерь, преодолев тысячи километров, приехала старшая сестра Люся, которой вначале отказали в свиданиях. Но сестра имела боевой характер и все-таки их добилась. Секретов между ними не было, и она точно знала, за что ее брат был осужден и попал в лагеря. Видимо, она тоже хлопотала за брата и писала обращения, потому что он в одном из писем к ней отвечает на поставленные ею вопросы:

«1. В плену, окружении не был.

2. Ранее не судим.

3. Был на английской зоне оккупации в 1947 году».

Уезжая, сестра бросила из поезда на платформу свой платочек, папа подобрал его. «Прошло уже шесть месяцев, а он еще до сих пор сохраняет запах духов».

Очевидно, в освобождении папы из заключения сыграли роль все факторы: и обращения, и смерть Сталина, и пересмотр его дела.

В результате 28 июня 1955 года Сусуманский отдел милиции Магаданской области отцу, «1921 года рождения, уроженцу г. Осипенко (Бердянск), украинцу, осужденному Военным трибуналом 3-й Украинской армии 12 августа 1947 года по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к лишению свободы на 25 лет с поражением в правах на 5 лет», была выдана справка о том, что он отбывал наказание в местах заключения по 28 июня 1955 года и определением Военного трибунала Бакинского округа ПВО от 6 июня 1955 года приговор изменен, срок наказания снижен до 5 лет без поражения в правах и даже в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 года со снятием судимости.

Пересидев в заключении как минимум три года и получив денежное пособие в виде проездных до Магадана, бывший заключенный может следовать к избранному месту жительства. Через четырнадцать лет он возвращается в любимую Украину к своей семье и женится на моей маме.

Справка Сусуманской милиции приоткрывает завесу и формально отвечает на вопрос: за что человек был лишен свободы на двадцать пять лет?

Печально известная статья 58-1 УК РСФСР политическая. Ее пункт «б» – это измена Родине, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, совершенные военнослужащим. Мера уголовного наказания – расстрел с конфискацией всего имущества.

Что же из этого перечня совершил папа, советский офицер, и почему его не расстреляли? Я никогда этого не узнаю и не прочитаю его приговор. Если его уголовное дело еще сохранилось, то лежит оно где-то в архивах КГБ в России.

Но судя по тому, что я узнала через много лет, ему могли вменить любое деяние из этой статьи, а может, и сразу несколько.

Евгений и Заара с Петером

В 1960-х годах к нам по почте на дом стали приходить поздравительные открытки из Финляндии с изображением Санта-Клауса и рождественской атрибутики. Как правило, они приходили к Новому году или католическому Рождеству. У папы как раз день рождения приходился на католическое Рождество.

Как он объяснял маме появление этих открыток, я точно не знаю, приблизительно так, что это ему пишет женщина, с которой он познакомился во время войны или вскоре после нее.

Все открытки были на немецком языке, и для нас было понятно, что это никакая не советская гражданка. Не мог истинно советский гражданин оказаться после войны за границей, в совсем недавно вражеской Финляндии, напавшей в 1939 году на Советский Союз. Да еще потом получать оттуда письма на немецком языке.

Мы с братом тогда были школьниками и любопытства к теме открыток не проявили, зато через несколько лет интерес к ним проявила наша мама, но об этом мы узнали много позже. Пользуясь немецко-русским словарем, она перевела текст нескольких открыток и поняла, что отношения между ее мужем и финской отправительницей были очень близкие и что у них есть общий ребенок – сын Петер, от которого она постоянно передавала приветы.

Я хорошо помню, как папа еще до этого однажды показал мне фото симпатичного молодого человека и спросил, кто это может быть, по моему мнению. Я ответила, что это, наверное, он, только в молодости. Он был так доволен моим ответом, как будто его ожидал.

Конечно, маме была нанесена большая душевная травма. Мы ничего не знали, ни о чем несколько лет не догадывались. Она умерла в 1979 году и никогда мне о своей обиде на отца

не рассказывала – видимо, не хотела, чтобы дети об этом знали.

Сейчас, с нынешней точки зрения, думаешь: ну что тут такого страшного? Это же все было до того, как они поженились, мама тоже уже имела ребенка от первого брака. Наверное, тяжело было осознать, что муж ее обманывал и скрывал правду долгие годы. Если бы он ей честно все рассказал после возвращения из заключения, она бы его поняла. Прощать ей было нечего, никаких обещаний и клятв друг другу они до войны не давали.

Евгений. Германия, 1946 или 1947 г.

Папа пережил ее на семь лет и умер в 1986 году. После его смерти я нашла множество фотографий его сына Петера, мамы Петера Заары, а также документов, из которых можно было узнать о его осуждении трибуналом и о причинах этого.

Лучше всего он сам пишет об этом в письме на имя генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в 1975 году. Черновик этого письма в его бумагах сохранился. Папа очень хотел вернуть все свои заработанные кровью на фронте ордена, которые после снятия судимости ему не вернули, и это было главной целью письма Брежневу.

И тут же он объясняет причины судимости: «Проходя службу в полку, дислоцировавшемся в г. Бланкенбург (со слов папы, он был некоторое время его комендантом), я познакомился с девушкой из Финляндии Заарой М. Мне было 24 года, ей 19 лет. Мы полюбили друг друга. В ноябре месяце 1946 года у нас родился ребенок. Она одна, кроме меня, у нее нет никого. В то время

мне не было разрешено жениться на ней, хотя сама она и очень хотела принять советское гражданство. Я не знал, где найти выход. Я не имел права бросить их на произвол судьбы, я был растерян. Найти единственно правильный выход из этого положения я не смог, и вот на языке криминалистов я совершил преступление. Девушка сейчас уже зрелая женщина, сумела выехать в Финляндию в город К., где она работает по нынешний день в школе. Вырастила и воспитала сына. Мы уже пожилые люди, все осталось только тяжелым воспоминанием».

В 1975 году отец был полностью реабилитирован, ордена ему действительно стали возвращать, вернули почти все. Но как вернуть лучшие восемь лет в жизни мужчины? А они могли обернуться двадцатью пятью годами.

Что же было написано в его приговоре: изменил родине, сожительствуя с иностранкой; передал вражеской Финляндии тайные сведения или выдал ей через иностранку государственную тайну; пытался бежать с сожительницей-иностранкой и ребенком за границу?

Иногда думаешь: да лучше бы они бежали в другую оккупационную зону, это и был единственный выход. Но знаю, что папа так никогда не поступил бы.

Через много лет моя двоюродная сестра, знавшая многие подробности, рассказала мне, что папа все-таки познакомился с Петером и виделся с ним в Артеке. Заара купила сыну путевку в международный пионерский лагерь, и папа выехал туда, будучи в отпуске. Артек не произвел на Петера впечатления, как и вся окружающая обстановка, хотя они с матерью жили в Финляндии, по их меркам, скромно. «Неужели за это все ты сражался?» – спросил он отца.

О смерти папы в 1986 году мне очень хотелось как-то сообщить Зааре и Петеру. Я знала, что они переехали в Австралию, Петер женился, у него уже было двое маленьких детей – сын Майкл и дочь Сари. Их фотографии я нашла в архиве папы. Их австралийский адрес был у папы в блокноте, но я не знала, дойдет ли письмо из СССР до Австралии. У меня на работе женщина уезжала в заграничное турне, и я дала ей свое письмо, переведенное на английский язык, – она обещала отправить его из-за границы.

Петер. 1960-е годы

Но никакого ответа я на него не получила, и надежда найти папину финскую семью отодвинулась на долгие годы.

Наконец мы дожили до появления интернета, покупки компьютера, и я попросила своего одноклассника, жившего в Австралии и хорошо знавшего английский язык, попробовать найти сына или других родственников папы в интернете.

Мою просьбу он быстро выполнил и написал, что нашел в сети Майкла, папиного внука. Пришлось мне его поэксплуатировать: я писала тексты на русском языке, прилагала к ним фотографии, чтобы Майкл не подумал, что я и брат какие-то мошенники, а мой одноклассник делал перевод и отправлял Майклу.

Потом отозвалась папина внучка Сари. Она вернулась из Австралии на родину – в Финляндию. Из их писем я поняла, что все это им очень интересно, и они поражены историей своего деда. К сожалению, и Заары, и Петера уже не было в живых. Петер вообще ушел очень рано из-за тяжелой болезни.

Оба внука папы связали свою жизнь с рок-музыкой. Майкл играет на гитаре в каком-то ансамбле, но это его увлечение: параллельно он еще всегда где-то работает. У него очень симпатичная жена и двое детей – мальчик и девочка, папины правнуки. Сари была продюсером темнокожего рок-музыканта, вышла за него замуж, родила очаровательную «шоколадку» – Оскара, папиного правнука.

Сейчас мы не переписываемся, но я очень рада, что нашла их и слежу за ними и их детьми в Фейсбуке. Какие красивые у папы правнуки – белокожие и светловолосые в Австралии,

темнокожий и темноволосый в Финляндии! Да и здесь, в Одессе, у него три внука и один правнук.

Но когда я вглядываюсь в лица заграничных правнуков, всегда думаю, как хорошо, что они не представляют, какую цену заплатил их прадедушка за рождение их дедушки Петера. Они, наверное, и не поняли бы, как такое могло случиться, и в какой стране дают наказание двадцать пять лет лишения свободы за рождение ребенка от иностранки.

И хорошо, что из-за сталинского послевоенного запрета на браки с иностранцами Заара не въехала в СССР и не получила советское гражданство. Она имела бы все основания попасть в женский лагерь, а Петера отправили бы в детский дом.

История папы дала мне хорошую прививку на всю будущую жизнь: у меня стойкий иммунитет в отношении ностальгии по «счастливой» жизни в СССР, мороженого за двадцать копеек и колбасы за два двадцать. Недавний митинг в Великих Луках по поводу открытия памятника Сталину еще раз показал всю шизофрению тамошнего общества. Оно неизлечимо и обладает очень короткой исторической памятью. Общество «Мемориал» в России признано иностранным агентом. Фильм Ю. Дудя о Колыме явился для многих россиян открытием. Эта страна сейчас полностью подтверждает высказывание американского философа и поэта Джорджа Сантаяна: «Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь». И к этому мне добавить больше нечего.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

140 **Анастасия Яковлева-Помогаева**
Зависший проект

146 **Владимир Каткевич**
Фонарь

158 **Анатолий Контуш**
Ночью, во влажной темноте

162 **Анна Михалевская**
Смерть и жизнь свечника Луция

174 **Григорий Барац**
Ревнивец

181 **Никита Рыбаченко**
Зачем меня сюда вернули?

185 **Григорий Яблонский**
Командировка на родину

189 **Леонид Лейдерман**
Боже, храни короля

Анастасия Яковлева-Помогаева

Зависший проект

Когда раздались первые взрывы, Савва Иосифович, как и большинство жителей города, спрятался в ванной. Теперь-то он был таким же, как и все. Чувство вины сменилось некоторым чувством удовлетворения, но вот сможет ли он полностью погрузиться в проект – вопрос.

– Так тебе и надо.

Он пока еще даже не знал, как все исправить. У времени сослагательное наклонение бывает лишь на бумаге, поэтому даже он не имел возможности вернуться на исходную точку.

Виновным назначил себя сам. Однажды заигрался. Игра была забавна: какой степени величия можно было бы в ней достичь? Какой эталон мог бы стать самым верным? И если с добром в определенный момент все стало ясно, то где оно, истинное зло? Вот тогда вовремя Савва Иосифович остановить проект не сумел.

Высшие сущности порой наивнее ребенка. Всё они воспринимают с позиции мастера, способного починить любую игрушку. Но когда-то давным-давно в договоре был прописан один лишний пункт, и поэтому питомцы обрели неожиданную свободу. А он… доисследовался.

От вибрации запели оконные стекла. Наконец-то, будто-то бы поднимая на волну звука весь город, завыла мощным альтом сирена. Затем затихло. Город замер, рассматривая свои новые раны. Только минут через пять, отчаянно крича, проехала цепочка пожарных и скорых. Запахло гарью. В окна повалил черный дым.

Для своего земного убежища Савва Иосифович выбрал обыкновенную панельную многоэтажку в Одессе на Таирова. Здесь не было ни толстых стен, ни подвала. Когда вой сирены раздался во второй раз и отозвались гулом звуки шагов бегущих вниз соседей, запищал мобильный. Номер был незнаком:

– Вышниченко Савва Иосифович?

– Да.

– Мы звоним вам по поводу Кравченко Виктора Сергеевича. Знаете такого?

Отрицать было напрасно. Савва Иосифович знал всех.

– Давно ли вы встречались с Виктором Сергеевичем?

– Лично? Давно.

– Виктор Сергеевич понабирал кредитов на оплату квартиры и теперь скрывается. Поручителем представил вас. Мы пока что не предъявляем вам претензий, просто просим назвать местонахождение должника.

Савва Иосифович называть местонахождение не захотел. Вместо этого он спросил:

– В таком случае не могли бы вы назвать мои паспортные данные, а также дату заключения договора?

Но кредитная вышибала как будто не слышала его. Гнула свою линию:

– Если он свяжется с вами, передайте, что мы его разыскиваем… или же сообщите номер его телефона.

Савва Иосифович не выдержал:

– Уважаемая, мне понятен мотив вашего звонка. Вас зовут Ольга. Вы родная сестра Виктора Сергеевича. Два дня назад вам стало известно, что он похоронил отца. После отца осталась квартира, на которую также претендуете и вы. Согласно законодательству, на то, чтобы решить квартирные вопросы, у вас осталось полгода. Брат общаться с вами не хочет, так как в свое время вы слишком допекли его. Номер мобильного, по которому сейчас звоните, на самом деле был найден в интернете на Фейсбуке. У вас же был свободный выбор: взять и… не позвонить. Тем более что за больным отцом ухаживал ваш брат, а не вы.

Трубку быстро положили, а Савва Иосифович, хоть и ненадолго, почувствовал себя менее виноватым.

Не снимая тапок, он завалился на кровать. Еще чуть-чуть – и в кровати заведутся блохи. Сами по себе. Божеству даже не пришлось бы трудиться над этим проектом. В последнее время все равно навалилась депрессия, и творить не получалось. Савва Иосифович большую часть времени просто лежал. Иногда подходил к панорамному окну, смотрел на птиц и людей. Или же рассматривал витрину расположившийся под окнами пекарни.

По утрам даже на верхних этажах его девятиэтажки уютно пахло свежей выпечкой. Вечером пекарь выходил во двор и раздавал оставшийся хлеб старикам. Бесплатно. Затем садился на скамейку и курил. Савва Иосифович любил наблюдать за тлеющим огоньком его сигареты. Тогда его раздумья поглощались молчаливым созерцанием. Казалось, что все не так уж плохо.

В сигаретном дымке пекаря Бог видел несбывшиеся сны жителей этого города. Сны плыли белым туманом. Прерывались от каждого неверного колебания воздуха. Жителям в основном снилось прошлое. И даже днем наяву они уже не строили планы, а лишь вспоминали, возвращаясь во времена, когда им было хорошо, из-за чего даже молодые стали превращаться в стариков.

Жители включали любимую музыку детства или же находили в интернете старые фильмы, пытались нырнуть из вынужденного бездействия в глубину экрана. Но тщетно. Совсем юные особы делали вид, что не происходит ничего. Они надевали наушники в виде ушек зверюшек из аниме. Учились не слышать.

А над городами продолжали летать большие птицы. Днем они сверкали серебром, а ночью разноцветными огнями. Птицы засеивали города железными капсулами. Капсулы были похожи на маленькие бутоны. Если на бутон наступала человеческая нога, они раскрывались красными цветами.

Опять запищал телефон. В мессенджер из внешнего мира прокралось сообщение: «Семинар по минной безопасности. Изучи правила, спасающие тебе жизнь. В конце мероприятия получи гуманитарную помощь в виде посуды, беруш и памперсов».

*

Трудно быть вечным. Сущность попыталась представить себе ничто. Но даже у нее это получалось умозрительно. Из ничего ничего не возникло. Наверно, потому что даже сам Создатель был гармонично вплетен в окружающий мир. Не понимал, растерянный, почему Его творения, созданные по образу и подобию, не могут быть совершенно такими же, как и Он. Перемудрил, подарив свободную волю? Ошибся?

Эксперимент, вышедший из-под контроля. Проект без итога. Какая-то изначальная ошибка творения. Врачи отнесли бы ее к генетической. Даже самые праведные, оставшиеся в живых после потопа, впоследствии давали все то же неоднородное потомство добрых и злых. Все будет повторяться, как ни играй. Поэтому снова уничтожать людей не имело смысла. Пустить все под естественный отбор? Но кто в нем побеждает? Отнюдь не подобия божьи.

Он решил наблюдать за миром, словно ребенок, от которого не зависит ничего. Вот только с каждым разом Савве Иосифовичу было сложней и сложней гармонично в него вписаться. Поэтому он и стал искать себе раковину, чтобы спрятаться. Хотя бы на время.

Но раковина была очень хрупкая.

Тогда божество решило снова гармонично распределиться в пространстве. Получилось не очень удачно. Савва Иосифович чувствовал себя животным, загнанным в тупик выстрелами из охотничьих ружей. У животного только вздрагивало сердце. Оно даже не пыталось сбежать.

Отбой сыграли уже на рассвете, когда пеналы высоток осветились холодным синим светом. В телеграм-новостях сообщили, что на пляж штормом прибило гранатомет Пг-7Ц. На фотографии он мирно лежал в песке. Совсем недалеко от трупа оленя, приплывшего из Каховского водохранилища. Савва Иосифович охоту не любил никогда.

Как будто ничего и не происходило. Чистое озеро воздуха: ни ветерка. Савва Иосифович заставил себя выйти на балкон. Пахло сигаретным дымом и подгоревшей кашей. Ревел младенец. Курившие соседи с подозрением смотрели на внезапно появившегося на балконе деда. Савва Иосифович струхнул не на шутку,

так как знал слишком уж много (точнее, знал все). Из-за этого опять возникло тоскливое чувство вины. Хотя его понимали говорившие на любом языке мира, сейчас он даже не поздоровался с соседями, просто молчал.

Соседи между тем смотрели на него все пристальней. Даже стали перешептываться. По-видимому, некоторым твореньям передался дар всевиденья, ибо они об окружающих знали гораздо больше, чем о себе. Убеждать их в обратном было бессмысленно.

Савва Иосифович решил потихоньку сбежать. Для пущей достоверности он прихватил «тревожную сумку» с кнопочным телефоном и литровой бутылкой воды. Но, к сожалению, побег не удался. Как только он вышел за порог квартиры, на лестничной клетке появились соседи.

– Ты пил? – неожиданно заорал мужик с багровой мордой. – Это ты постоянно возле лифта лужи делаешь? Я камеру в парадной поставлю и все сниму!

Чей-то неумеренно ухоженный мопс не давал Савве Иосифовичу спуститься. Кусаться, по-видимому, он не умел, зато когда бросался, зализывал насмерть.

Пискнула включенная видеокамера на телефоне. Какая-то старушка стала вызывать полицию.

Савва Иосифович с трудом осознавал себя шпионом и хулиганом, делающим лужи возле лифта, поэтому особо не сопротивлялся. Наряд полиции появился минут через десять.

Вечер был спокойным. Арестовывать его было лень. Представители власти то демонстрировали оружие, то прятали его.

«Хотят похвастаться», – решил Савва Иосифович.

Они долго рассматривали паспорт, сымитированный божеством. В конце концов документ признали подозрительным.

*

Пятый за день вой сирены застал Савву Иосифовича уже в застенках. Застенки были скучны и надежны.

– Слава тебе, господи, – подумал бог. – Если бы у меня была семья, хомячки или попугайчики, я бы с удовольствием перенес их на эту безопасную территорию с глубоким подвалом.

Он с тревогой подумал о соседях. Их бы прихватить с собой. В отличие от людей, Создатель был жалостлив и незлобив. Люди – нет, не церемонились. Он успел просмотреть телефон подозрительного деда и обнаружить в памяти устройства запросы «свободу ЛГБТ», «торт со сливками» и «разведение карликовых пуделей». Его сразу же выпихнули на улицу, как только сирена отыграла отбой.

На улице медлительная дворничиха Галя поливала клумбу. Человек божий, просветленный Кирюшенька рассказывал ей о тяготах жизни, надеясь набедкаться хотя бы на бутылку. В эти часы жизнь божества казалась мирной и тихой.

Владимир Каткевич

Фонарь

Рассказ

После войны, когда поток перемещенных лиц из Европы в Австралию был особенно напорист, линейных лайнеров не хватало. Рынок отреагировал на острый дефицит дедвейта без раскачек. На верфи в Глазго аврально реконструировали сразу четыре угольщика под пассажирские суда скромного класса. Чтоб без барства и шика. Одно санитарное спартанство. Понимали, что эмигранты капризничать не решатся. При этом оборудовали пять трюмов для багажа. В трудные времена стараются прихватить как можно больше – все сгодится. Парадокс. Чем труднее времена, тем больше клади у переселенцев. Комоды с собой волокли, канареек, ульи, самовары, саженцы, клавесины. У кого, конечно, они уцелели. Даже ягнят тайком возили на развод. Кроликов. Владельцы живности селились в трюме, чтоб подкормить питомцев тертым жмыхом. Пробовали возобновить жизнь не совсем с чистого листа.

В трюмах и твиндеках также ютились по бедности и самые неимущие. Или кто стерег личное барахлишко. Чтоб голодранцы не ломанули его хлам. Публика ведь шальная шарахается. Обиженная войной. Команда на эти нарушения закрывала глаза. Даже милосердно жаловали ночные горшки. Прибивались и матерые золотоискатели в Балларат с лотками, теодолитами и полосатыми рейками.

Тогда казалось, что спрос на такие плавучие утюги не иссякнет. Эти океанские челноки-бичевозы с запасом плавучести носились взад-вперед резво с полной загрузкой и даже перегрузкой. Но трюм ведь не резиновый. Сорванные с якорей бедолаги без

предрассудков почивали в гробах. А что? Это удобно и персонально. Хотя бы пока тара порожняя. В трюме штабелировали расходные домовины. На крайний случай. Смертный. Доходяги ехали прослабленные, истощенные, поэтому казенные кофы не были лишними.

Эконом-пароходы своими высокими трубами с куполом-полусферой на топе оживили пейзаж у барашков Большого Барьерного рифа. На тихоокеанском большаке можно чапать хоть сутки, сколько не жалко, иной раз дымка не увидишь. А пароходы с красной полосой на трубе – вообще штучная редкость. Как летающие тарелочки. По ленд-лизу. Поэтому, когда на «Тринидаде-2» (Первый «Тринидад» был, как известно, у Магеллана) увидели красный флаг на стеньге встречного сухаря – либерти «Свирь», перемещенные лица испуганно растрогались. А когда суда расходились на расстоянии считанных кабельтовых, многие отворачивались, лица прятали на всякий случай. Особо мнительные или кто не хотел предъявляться. Чтоб не запечатлели их осунувшиеся после фильтрации и контузии фэйсы с помощью дальнобойных фотоаппаратов «ФЭД». Но не будем ерничать, тем более всех этих лиц поголовно нет в живых.

Со временем ажиотаж умерили, осадили, стали придирчиво отсеивать. Хроников и туберкулезных браковали, и поток иссяк. Воздух возили прагматично недолго. Политэмигранты предпочитали летать самолетом, за облаками лицо не увидят, а барахлишко благословлять по плавпочте малой скоростью.

Линейные пароходы для народа свое отслужили, спрос упал. Но затраты окупились, с лихвой. Достигнутый коммерческий успех обозначили гуманитарной акцией. Так у них принято. Экономутюги поставили на прикол в речке Фал (город Корнуэлл под Саутхемптоном). Отставные рысачки интенсивно ржавели, на них хозяйничал пожилой сторож с пожилой собакой. Рыбку удил. Пока лоханки ретро не приобрел Совфлот. Говорят, по большой дешевке. Купили сразу два, так еще дешевле. По слухам, замахнулись на еще один систершип этой же серии, чтоб по малому опту цену вторично спустить, но не задалось. Один памятно нарекли «Механиком Ланцем». По экстерьерным признакам «Ланц» мудрено обозначался газопаротурбоходом. В самом нагромождении

терминологии таится универсальный подвох. Сейчас такие пароходы не строят, не выгодно, компания может быстро вылететь в высокую трубу, а тяга там дружная. Их уже и не помнят.

Молодежь вообще артачилась ехать на приемку утиля. Даже не слышали о таком чуде-юде, думали, на колесное ретро заманивают. «Эти утюги, конечно, уже дрова, причем сырые, – прикидывали хитропопые, – их не оживишь. Хоть суточные срубим, опять же в музей восковых фигур сходим».

После скандалов с верфью с помощью известной матери утюги оживили. Хотя бы на переход. Но потом разохотились и пустили раритеты в Океанию челночить в круизах. Почему не ковать валюту на дармовщинку? Вот тут-то и таились трудности. На коротких стоянках у островов и атоллов котлы не успевали остывать. Сгоряча сунулись их героически ремонтировать, как принято у нас. В тропиках-то.

Кто-то, говорят, отдуплился. Или вероломно врут.

Не сразу подобрали механиков-турбинистов редкого профиля. Тралили штрафников на Крымско-Колымской, приманивали с «Бухенвальда» («Нахимова»), срочно открывали визу оступившимся. Ископаемые кулибины привели на товсь котлы. Всем на удивление. И воодушевились. Решили отметить артельную шабашку ударной выпивкой. Камбуз по инерции еще работал сносно, даже омаров подавали. Маслопупы ночью полпуда этих омаров выловили из-за решетки в холодном буфете. С помощью швабры поддели лохань. Сварили по кондовой кочегарской привычке на остром пару. Так что брагу из огнетушителя закусили деликатесами. Правда, трапезу продолжили не все. Морепродукты зашибали волглой шваброй.

«Механик Ланц» стал резвее бегать в экономкруизы по островам Океании: сегодня Новая Каледония, завтра Фиджи. И надо же было случиться, что в путешествие затесался пожилой житель Дарвина некто Майкл Гор. В молодости еще в иммиграционной сопроводиловке (справке об освобождении) обозначался Мишкой Горянским и благословлялся в Австралию в качестве перемещенного лица. Где когда-то прятал свое перемещенное лицо от советского парохода «Свирь». Спустя много лет он снова плыл на том самом пароходе, на котором в лиху годину просочился

в страну кенгуру. Как позже выяснилось, с поддельными документами. Специально потратился именно на этот реликтовый паротурбоход, купил билет – все-таки жизнь к закату, ностальгия гложет.

* * *

И тут вдруг по трансляции сообщили, что в открытом океане произойдет разминка, не встреча, а именно свиданьице на скором ходу. «Механик Ланц» разминется с земляком одесской приписки систершипом «Капитаном Кнабом». На встречных курсах. Что, Майклу Гору снова лицо прятать? Хотя его теперь и так не опознать. Сообщили подробно тщательную точку в океане. Где-то на безопасном удалении от Большого Барьерного рифа. Указали координаты с точностью до минут, время тоже до минут и дату. А зачем? Все равно у экипажа нет ни карт, ни охоты искать эту условную точку невозврата.

Экипаж ожидал встречи с нетерпением и трепетом. Воодушевились без причины и вероятного следствия. Кто-то на «Кнабе» работал, у кого-то там знакомые, ровесники по училищу поваров и официантов. Вспоминали однокашников, хуторян, проделки, Высоцкого. Высоцкий по приглашению молодого капитана гостил на борту одного лайнера и написал четыре песни. Песни его крутили на «Кнабе», причем не исподтишка в знак протеста, а оглушительно прямо по судовой трансляции, «Шлюпочную тревогу» и другие.

Ажиотаж был неоправдан, разминка не сулила ничего конкретного, все равно с кабельтовых в считанные мгновенья не разглядеть. И не услышать. Время встречи запомнили, а вот на дате не зафиксировались. Когда сутки расчленены вахтами, особо не заморачиваются, какой нынче день на календаре. Некоторые и месяц путают. Редко – год. Оно понятно, в рейсе все в обороте, за мельканием жизни не поспеть. Известили о рандеву заранее, думали с нетерпением, что встречный гуднет завтра. Потому и вывалили на палубу. Не все, стайка самых рассеянных и приспиченных.

А никаких признаков парохода не предвидится. Великий океан в этих необъятных местах почему-то особенно тихо разлит. Самолеты в высоком пространстве серебрятся гораздо чаще,

дразнят. Горизонт сияет, манит, слепит до рези, но это нейтральное безбрежье на многие мили безлюдное. Бескрайность угнетала, они уже чапали четвертые сутки без заходов. Цвет вод был изумрудным, таким, как на рекламных открытках, но неживым. Вот в родном Черном море, куда несут живую воду с канализацией четырнадцать больших рек, колер все-таки бутылочного стекла, особенно зимой, понятный, а здесь сплошная реклама.

Наконец администратор Чмаров заметил блестку, причем в противоположной стороне. Перепутал плавсредство с островом. Дремучее навигационное невежество, кстати, характерное для односторонне образованных. Заучился в университете. Пока они не разминулись с Кокосовыми островами, ждал неизвестно чего. Блесткой был тамошний маяк. На острова пялились, как на мушку в глазнице. До косоглазия. Острова осточертели. От кораллов, летучих рыбок и пальм откровенно мутило.

– А что, разве мы не будем чалиться? – развеселил глупостью толпу Чмаров. И пошел прочь в нутро. Ему что? У него жена под теплым боком, тоже администратор. Такое счастье, лишний стопец не позволит накатить. Не дай бог!

– Опять нагрели! – возмущались. – Кругом обман.

Любой остров – обман. Ждут землю, а получают ее признаки. Обойди остров Соломонов – и снова придешь в ту же точку. И найдешь окурок «Беломорканала» фабрики имени Урицкого. Большой обман – Гаити, Новая Земля, а малых не перечесть. Да тот же Змеиный, признак Одессы. Остров отнюдь не признак парохода. Даже если там есть ветхий причал.

– Вы что, поехали? – одергивали. – Мы же разминемся только двенадцатого февраля.

– А число разве не переводят? – спрашивали особо азартные. В памяти многих было одно и то же число в кругосветке, когда пересекли линию перемены дат у островов Тонга. С тех пор голова кругом.

Пассажиры с участливой улыбкой тактично наблюдали за балаганом. Самое нелепое, что и на другой день всем на потеху пришлепали ожидающие, правда, другие. Поток навигационных невежд не иссякал. А солнце катилось от парохода в волны за горизонт, чтобы утром нагреть палубу, как сковородку, и снова без усилий обогнать.

* * *

– Можешь дать мне на время фонарь? – попросил старший моторист Шек второго механика Каминского.

Источник света достался от англичан, прежних хозяев «Тринидада-2», и был сработан основательно. Блок питания у фонаря располагался под рефлектором, как магазин на маузере фирмы «Браунинг». Шек управлялся одной рукой. Левой. Правая рука и ключица были загипсованы, Шек получил травму на вахте и был переведен на легкий труд. Поручили расклинивать трубопроводы, дрожавшие от вибрации. Работал он хоть и одной рукой, но ловко и разумно. Шек пошлепал в кладовую машины и совершил невозможное, выцыганил у жадины-кладуна два комплекта фирменных английских аккумуляторов.

Шека на «Ланце» жалели. Ему не везло. На «Кнабе» он с четвертого механика был разжалован в рядовые и списан. Из-за фонаря, который поставил под глазом самому молодому стармеху пароходства (!) Кроку. Кандидату технических знаний. История эта выглядела на уровне добротного жизненного анекдота и передавалась по морскому телефону. И тиражировалась. Шек был видным парнем, как, впрочем, и его соперник полиглот Крок.

Офицеры знали друг друга с курсантских времен. Крок был на четвертом курсе, когда Шек салажничал на первом. Они даже в перерывах в кубрике экипажа боксировали, подпрыгивали и ложно перемещались. Специально заедались. Полиглот Крок рано сделал карьеру, защитил диссертацию, получил ученую степень (остепенился) и стал самым молодым стармехом в акваториях. О Кроке писали в газетах «Моряк» и «Водный транспорт». За это время Шек дорос до третьего механика и был понижен за грубость (рукоприкладство) к нерадивому машинисту. О Шеке писали только в дисциплинарную комиссию и партком.

На капитанском ужине после представления старших офицеров пассажирам тридцатилетний «дедушка», стармех Крок, прошелся на руках через пятачок музыкального салона. Под овации и воздушные поцелуи. И, естественно, воодушевился. Для совместного вечера отдыха пассажиров и экипажа.

Присутствие иностранцев стреноживало, наши все-таки танцевать быстрые твисты тушевались. Помполит по своим

совковым понятиям стал робких молодых людей сопровождать к девушкам и силком заставлял ангажировать наяду на танец. Поскольку помпа был подслеповатым, да еще выпивши, он, возможно, принял недавно назначенного стармеха за молодого специалиста и отбуксировал его к фактурной фемине. Она самому помпе глянулась. Ее звали Лилианой, а прислуга обозначала Ундиной. Ундину помпа тоже принял за юную сирену, хотя у нее в деревне была дочка, а на пароходе шип-бой Шек. Основательно женатый человек, у которого в Балте двое детей-погодок. Разумеется, о пароходном романе знали все кому не лень. И кому лень. Стармех не посмел ослушаться и закружил даму в вальсе. Она, надо признаться, вальсировала с подъемом, юбка парашютно надувалась, пассажиры аплодировали. У Шека были основания считать, что не Крок, а Ундина положила на стармеха зеленый глаз. Четвертого механика Шека такой поворот темы взбесил, и он поставил разботвившемуся стармеху фонарь под правым глазом. По-свойски.

– Офонарительно! – реагировала машинная команда.

Четвертый механик Шек продолжил свое падение. На «Механик Ланц» его взяли старшим мотористом. Сочувствующие считали, из жалости. На новое судно Шек перешел со шлейфом сплетен и отголосками скандалов.

На «Ланце», как уже сообщалось, падение продолжилось. Уже в буквальном порядке. Шек сорвался с верхних решеток, но остался жив. Теперь на «Кнабе» к встрече в океане готовилась его дама сердца. Хотя волноваться ей не рекомендовали. Ундина была беременна, об этом знал весь женский персонал «Кнаба» (сто девяносто восемь красавиц) и, разумеется «Ланца». И еще на двух десятках пассажирах-рысачках.

Как и было обещано, в первом часу дня в известной штурманам точке на траверсе Большого Барьерного рифа от горизонта отделилась мушка и стала на глазах оформляться в силуэт, напоминавший логотип пароходства. Тысяча двести человек (помимо экипажа еще пассажиры) облепили левый борт «Ланца». Время рандеву было выбрано неудобно, в канун обеда. Однако пассажиры ланч саботировали и стадно ринулись на палубу снимать. Лайнер, имевший запас устойчивости утюга, даже не дрогнул. Все

на «Ланце» с волнением разглядывали толпу на кормовой швартовой палубе «Кнаба». Люди на «Кнабе» были размером с москитов.

– Ну ты, Чопик, и пачку отъел! – отреагировал ланцевский боцман Катеринка, увидев в дальномер кнабовского подшкипера Чопа.

Подшкипер с расстояния в три кабельтовых этого не мог услышать. Сотовые телефоны тогда были в диковинку, ими оснастили только коуст-гард. Потому выразительная мизансцена выглядела кадрами из немого кино (с обмороками) под бешеный темп подвыпившего тапера. Девушки от недержания чувств сморкались в бумажные салфетки. Пассажиры прониклись сочувствием, растрогались и сами хотели разглядеть пароход, но отзывчиво доверяли собственные бинокли-цейсы экипажу. У них просили якобы на минутку, но потом забывали вернуть, и бинокли пошли по рукам.

Майкл Гор дал Шеку свой бинокль. Неуемный Шек с одной рукой вскарабкался на марсовую площадку и мигал оттуда фонарем. С боут-дека «Кнаба», где суперлюксы, ему отвечал в таком же неистовом ритме дорогой ему огонек. Посылающий сигналы сердца. Перемигивание выглядело трогательно. В бинокли видели, как Ундина вытирала слезы и размазывала тушь по лицу. Обрученные морем, но не обвенчанные, находились в поле зрения полторы минуты, рейс же длился тринадцать месяцев.

Впрочем, все получилось не настолько опереточно. Как хотелось бы. И дальше не смешно. И разухабистость здесь неуместна. Юный матрос-уборщик С-ий увидел в бинокль, как на «Кнабе» его ненаглядная восемнадцати лет от роду стоит в обнимку с каким-то верзилой. Зачем ей такой афронт? По недомыслию? Или хотела насолить в отместку? Матрос С-ий ушел с палубы в очевидном расстройстве.

Подчеркнуто безучастно по отношению к обитателям вели себя сами пароходы. У обоих рысачков на борту пассажиры, у каждого лайнера свои задачи, жесткое расписание, времени на сантименты не отпущено. Скорости наложились. Казалось, галдеж и плач даже раздражает пароходы, и они спешат разминуться. Когда лайнеры находились на самом коротком расстоянии, даже показалось, что они прибавили обороты. «Кнаб» загудел зычно,

и звук приблизил его, сократил нормативные кабельтовы, обозначенные в строгих правилах безопасности схождения-расхождения. В гудке была тревога и сила. Тоски – нет, не было. Не положено. Только деловитость, память и регламент. Они уже не воспринимались миражами.

Суда разминулись до обидного быстро, чтобы снова стать тающими точками. Каждый водоплавающий думал об одном и том же: как мимолетна жизнь.

Каминский плеснул Шеку технического спирта. Шек вторично одолжил у Каминского фонарь. Попользоваться. Его послали в трюм освобождать заваленные хламом гробы. Срочно понадобились домовины. Расходные гробы, как уже сообщалось, остались от англичан еще со времен линейных рейсов. Сейчас аккурат был печальный повод. Сначала говорили (начальство, видимо, специально дезинформировало), что пассажир скончался от сердечной недостаточности. В глубоко реликтовом возрасте. Обреченный болезнью. Даже вроде бы завещал себя скромно похоронить за счет судоходной компании, то есть подгадал развязку.

Пассажиры заглядывали в трюм, изображая переполох и соболезнование.

– Что-то случилось? – вкрадчиво интересовались. Хотя знали, что именно.

– Все нормально, – неубедительно успокаивал любопытных боцман Катеринка. – Разбираем хлам. На всех судах ЧМП ленинский субботник, мэм.

– А что это такое?

– Аврал в честь дня рождения товарища Ленина.

– Но день рождения удобнее отмечать в кругу близких.

– Мы и есть все близкие. Куда уж ближе?

Когда Шек спускался по скобам в трюм, Гор ошивался у комингса, все заглядывал. Как кот. Домовину свирали, но Шек не уходил, тактично тасовался, курсировал крутыми галсами поблизости.

– А ведь я тоже в таком гробике попал в Австралию, – признался Шеку. Может, для форса.

Выяснилось, что по каким-то причинам у него не было комплекта документов. Или слишком грубо сфабриковали справку об освобождении. Только непонятно от кого. Персонально Гора

или об освобождении Королевства от Гора. Чтобы не повернули, он поселился в душном трюме.

В твиндеке (этажом выше) жили кочегары из барбадосских и ямайских негров. Кочегары и организовали вакантный гроб под зайчика Гора. Когда вирали гробы, Гор сыграл в ящик вместо одного покойника. По документам почившего. Для страховки матрос-ямаец за мелкие деньги закрыл Гора на английский замок. Кофы были оборудованы врезными замками. Зачем? Замок как последняя гарантия. Тело навряд ли умыкнут, а вот карманы босота может облегчить. Или на золотую коронку позарятся. Мало ли…

В Мельбурне домовину из багажного трюма выволокли, но почему-то не спешили отворять. В гробу имелось окошечко. Контрольное. Возможно, чтобы убедиться, что покойник не шалит. Через это окошко Гор видел, что темнокожие суетятся, заглядывают, корчат страшные гримасы, даже угрожают. Один предупредительно плюнул красным на окошко. Он жевал бетель. Выяснилось, что ключ они где-то похерили. Или вовсе не потеряли, а вымогали дополнительный гонорар. За риск. Гор показал в окошко мелкий пенс, и ключ сразу нашелся. В Мельбурне Гор еле дотерпел до вошрум, прихватило, поэтому эйфории не случилось. Он откатал балласт и выдал каждому темнокожему участнику по контрацептиву. Издержки? Они, конечно, имели место по бедности, без них не бывает. В вошрум, где облегчался Гор, через верх прилетело резинотехническое изделие номер раз. С кочегарской мочой.

Мутная, конечно, история. Но у Гора, видимо, был резон прорываться в Австралию. Чтобы затеряться. Афера удалось.

– Жаль вашего парнишку, – поделился Гор с Шеком. – Молодо-зелено. Такой возраст самый подходящий для глупостей. Очень жаль. А мог бы жить. Он был одесситом?

– Не знаю, – ответил Каминский.

– А ведь я до двадцати лет жил в Одессе на Воронцовке, надо бы съездить. Пустят?

– Пустят-то, пустят, главное, чтоб выпустили, – неуместно пошутил боцман Катеринка.

– А сколько тому парнишке было? – допытывался Шек.

Говорили, что матрос-уборщик С-ий удавился. Его сирена предпочла другого.

Оказалось, для С-го гроб и готовили… Вот так все сразу скопом, страшное и главное…

А после вечернего чая Каминский увидел этого самого паренька С-го. Оказалось, он успокоил нервы в каюте и появился на юте. Макрель удил. Чтобы опознали его живым и отстали. А злые языки распустили пулю… Не по-людски получается. Как сообщалось, покойник все-таки случился, отмучился пассажир.

* * *

Шек был не очень везучим, но яростным человеком. Года через три на площади Толбухина его «опель» сцепился бампером с трамваем тринадцатого маршрута. Шек рассчитывал ювелирно выскочить из пробки вплотную к трамвайной корме, но зацепился. Это большая редкость. За трамвайной «колбасой» волочилась цепь с крюком, он и нанизал «опель», как бычок на нок. Каминский тоже маялся в пробке и пошел помогать – моряк моряка не оставляет в беде. Раскачали «опель», и он слез с крюка. Как голавль. Крюк, правда, вырвали с корнем.

Ундина же подралась с ватманшей. У Шека после крученого перелома рука зажила плохо, ныла на погоду и рассеянных вагоновожатых. Он еле разнял дам. Пока делал брек, кто-то окликнул. Из трамвая вышел Гор. Возможно, он прорвался в Одессу по чужим документам.

– Дайте хоть на вашу избранницу гляну, – молвил старомодно и притворно Гор. – Да, теперь я тебя понимаю, она – красавица!

Гор чувствительно сдал, ковылял с эвкалиптовой палочкой. Но хорохорился. Гору предложили сесть в машину Шека. Тот отказался. Гор был не один. Трамвай тринадцатого ускакал, как заяц, в сторону кладбища. С Гором. Гор выбрался родные могилы обиходить. Трафик рассосался.

Ундина же отнюдь не раскисла от комплиментов, а только больше распалилась.

– Все потому что ты на половозрелых баб пялишься! – обрушилась на благоверного.

– Как тебе Гор? – хотел перевести стрелки Шек.

– Это был не Гор! – ее прорвало.

Шек поднял брови.

– А ты не догадался? К нам подходил вообще неизвестно кто. И неизвестно зачем. И непонятно как он возле нас оказался.

Зачем она ополчилась? Ведь Ундина вообще Гора раньше не видела. Когда суда расходились, Гор находился на другом пароходе и был с расстояния двух кабельтовых вообще букашкой. Что это, истерика на комплимент неприятного ей человека (Гора или кого другого неопознанного)? У нервных натур отчаяние всегда рядом с кликушеством. Если успокаивать или просить прощения неизвестно за что, их еще пуще несет. Они самоподпитываются. Потом замыкаются в безадресной обиде, и лучше их не теребить, не бередить. И терпеливо дожидаться, когда отпустит. И Шек участливо примолк… В конце концов в этом копившемся срыве и его вина.

Каминский обогнал парочку. «Опель» Шека тоже вырвался на оперативный простор. Шек обнял Ундину. Каминский увидел в зеркальце заднего вида, как она его поцеловала. Ее отпустило. Случилась последняя отчаянная попытка воскресить угасающее чувство, ради которого мы, собственно, живем. И попытка эта больше не повторится – оба это понимали. Каминский добавил оборотов и потерял их из виду.

Анатолий Контуш

Ночью, во влажной темноте

В. К.

Когда я наконец вошел в лес, солнце уже садилось, и под широкими кронами деревьев было почти темно. Дождь пошел снова, и его мелкие теплые капли падали на мое лицо, стекая по щекам. Я знал, что в такое время она только просыпается, лениво потягиваясь в своем укрытии, и поэтому шел без опаски, не заботясь о том, что меня можно увидеть из зарослей.

Несмотря на вечер, жара все еще висела над джунглями, наполняя лес туманом. Тут было влажно, тепло и сумрачно; стволы деревьев были мокрыми, и по ним стекала густая теплая влага; с невидимых листьев срывались крупные капли и с шумом разбивались о грунт. Днем она обычно спит, видит сны, мечтает о чем-то в полудреме, зевает, чешется, приоткрывает глаза, вылизывает спящих рядом детей и снова засыпает. Она принадлежала к очень редкому виду, которого не видел никто, кроме меня, и мне все же нужно было быть осторожным, чтобы не спугнуть ее неловким движением.

Тропа повернула на юг и пошла вниз по склону; я поскользнулся на размокшей глине и упал, едва успев выставить руку, чтобы не измазаться с головы до ног; жидкая грязь осталась на рукаве, и мне пришлось вытереть его о сырую траву. Отсюда была видна широкая низина, от которой лес поднимался к горизонту по черной круче; высоко над деревьями в просвете между тучами висел Юпитер и совсем рядом с ним Сатурн; Марс уже должен был появиться на востоке, алея над чащей, но его скрывала от глаз

темная полоса. Я попробовал разглядеть галилеевы спутники в свой мощный бинокль, но его стекла запотели, и я бросил это занятие. Время приближалось к полуночи: она уже наверняка проснулась, выбралась наружу и пряталась где-то поближе к ручью. Я изучал ее давно, с каждым годом она интересовала меня все больше, и я не желал ей ничего плохого – напротив, я был готов сделать все для того, чтобы она и дальше была счастлива в лесу со своими детенышами.

Взошла луна, и в ее свете лес из серого, мрачного и плоского стал серебристым, живым и объемным; замысловатые сплетения лиан извивались вокруг, поблескивая каплями; папоротники стояли вдоль тропы мокрыми стенами, и я пробирался между ними, то и дело стряхивая воду с капюшона. Я знал, что если ее разозлить, она может напасть первой, изранить и даже загрызть насмерть: она не зла, но готова на все, если чувствует, что ее детенышам угрожает опасность. Она очень бережет своих детей, и это понятно, ведь таких, как она, больше нет и может не быть, если с детьми что-то случится. Я даже слышал, что она привязывается к тем, кто делает детям что-то хорошее, привязывается и платит взаимностью, но поверить в это трудно, ведь она все же дикая тварь.

Я спустился к ручью, журчавшему в низине, – от него тянуло сыростью, и блики лунного света переливались на волглых камнях – и, как обычно, оставил на берегу еду для нее и, отдельно, для ее детенышей. Дождь перестал, но воздух оставался таким влажным, что струйки пота, смешиваясь со струйками воды, непрерывно текли вниз по моей спине, рукам и ногам. Я снял ботинки, за ними носки, выжал их и снова надел, а потом проделал то же с рубашкой. После стольких лет поисков я, пожалуй, даже любил ее, хоть и видел всего однажды, много лет назад, когда еще мало что знал, и не успел ничего понять. Говорят, что у нее веселый нрав, хоть ее и считают тихоней, но это вряд ли, скорее она просто привыкла сдерживаться, скрывая то, что внутри. А еще говорят, что она любит чистоту и не любит шума, но это невозможно проверить.

Сквозь клочья тумана я видел освещенную луной тропу, которая блестела в ночи осклизлой спиной неведомого морского

животного. Теплый ветер покачивал намокшие листья кустов; невидимый водопад шумел в джунглях слева от тропы; золотоносый тукан слетел откуда-то с высоты, захлопал крыльями и сел на ветку передо мной. Я шагнул к нему и только успел заметить, как где-то среди кустов блеснули ее глаза. Крики попугаев доносились откуда-то сверху, но мне показалось, что даже они на мгновение умолкли, когда я зацепил какой-то сук, который с грохотом обрушился прямо к моим ногам. Я едва успел отскочить в сторону, и в эту секунду она внезапно прыгнула на меня из темноты. Я не успел испугаться, только подумав, что я же не сделал ей ничего плохого, как она уже обхватила меня своими гибкими лапами, которые неожиданно оказались мягкими, как подушки, приникла ко мне своей гладкой кожей, опутала своим маленьким крепким телом, приблизила свой влажный рот к моему и так нежно прикоснулась ко мне губами, что я понял, что умираю, – но только от счастья.

Потом все произошло очень быстро. Наутро ты собрала вещи, оставила мужа и переехала ко мне. Весь день мы носили ящики по узкой лестнице и раскладывали их содержимое, а потом спустились в кафе отметить твой переезд. Когда мы проходили мимо церкви, я потянул тебя за руку; ты взглянула на меня, но ничего не сказала; мы вошли и сели на скамью в стороне от прохода. Не отпуская твоей руки и глядя тебе в глаза, я сказал:

– Повторяй за мной: я буду любить тебя всю жизнь.

– Я буду любить тебя всю жизнь.

– Я никогда не изменю тебе.

– Я никогда не изменю тебе.

– Я буду всегда думать о тебе.

– Я буду всегда думать о тебе.

Я поцеловал тебя в губы, и ты вздрогнула, словно собиралась заплакать, но тут же улыбнулась, обняла меня и уткнулась щекой в грудь. Все еще держась за руки, мы вышли из церкви и пошли по залитой сентябрьским солнце улице, забыв о кафе.

Я продал квартиру, развелся с женой, и мы купили крошечный домик в южном пригороде недалеко от реки. Нам так хотелось получше узнать друг друга, что первые несколько лет мы провели или в постели, или в бесконечных разговорах о том, что было

с нами раньше. Мы бродили по улицам, сидели в ресторанах, забывали о времени перед потухшим камином и говорили, говорили, говорили. В одну из весен ты посадила сад на крыше, и он стремительно разросся до таких размеров, что еще много лет нам приходилось обрезать все кусты два раза в год. Мы ходили в театры, на выставки и в музеи, гуляли по городу от Венсена до Булонского леса и от Орлеанских ворот до Монмартра, ездили к океану в Бретань, Аркашон и Биарриц, катались на пароходиках по Сене, Роне и Луаре, разбирались в тонкостях бургундских, прованских и бордосских вин. Два раза в год мы уезжали в горы – летом, чтобы гулять, и зимой, чтобы кататься на лыжах. Дети жили отдельно, но очень нас любили, и мы часто виделись друг у друга в Париже, Ницце, Лондоне и Одессе.

Мы прожили вместе все оставшееся у нас время, каждый день приникая друг к другу ночью, во влажной темноте.

Берлин – Париж

Анна Михалевская

Смерть и жизнь свечника Луция

Глава из романа «Одиссеев ковчег»

Он родился в войну и мечтал в войну умереть. Нет, не на поле боя. Он давно утратил способность испытывать пьянящую эйфорию победы. Может, с тех пор, как Македонский заколол своего друга Клита на пиру. Или когда он странствовал по диким лесам Европы от одних развалин амфитеатра к другим – и это все, что осталось от громогласной славы Римской империи. Или когда протестант собрал костер, чтобы сжечь католика, который сжег протестанта, который сжег католика, и так до глубины времен.

Или. Когда. Не имеет значения. Победы не существовало. Ты просто убивал, а потом все начиналось сначала.

Он мечтал умереть, обняв женщину, чувствуя ее теплое живое дыхание, сожалея об уходе, яростно желая остаться. Это было прекрасное чувство. Но он забыл, как оно называется.

Терять не страшно, потому что терять ему нечего. Не было даже имени. Каждый раз выбирал его сам…

Он шел по улицам приморского города – противотанковые ежи вместо людей, воздушная тревога вместо блюза, конец мирной жизни вместо начала весны.

Так происходило всегда. За столетия он хорошо выучил расклад. Первый раз его убили в Пелопонесской войне. По странной прихоти судьбы он очнулся почти сто лет спустя – чтобы примкнуть к армии Македонского. Потом – Римская империя, крестовые походы, религиозные войны. Французская революция. Завоевания Наполеона…

Его убивали, и он приходил в себя – в новое время для новой войны. Но это еще не все. В его кармане появлялись бляхи. Бог знает из какого металла, это неважно. Имело значение другое: бляхи были именными. Опыт его научил: надо найти хозяина – того, чье имя на бляхе, и отправить в дорогу.

Война виделась ему огромным разломом, куда проваливалось все живое. Но были те, кто мог спастись. Выбрать другую жизнь, другой путь, другую судьбу. Его задача нехитрая – раздать бляхи-билеты.

Вот только сам не мог выбрать другого пути. И приходилось следовать от одной войны к другой. Хоть он пытался разорвать замкнутый круг. Пытался по-разному.

Однажды думал, ему повезло.

Свечник Луций… Тогда его звали Луций.

*

Рим вырос из Греции. Но это не Греция. Рим ничего не изобретает. Он переименовывает, переделывает, упрощает и строит. Строит империю. Строит дороги, термы, акведуки, амфитеатры – он знает, он был каменщиком, он был легионером. Пару жизней он уже здесь прожил и умер. Если, конечно, это можно назвать жизнью. Да и смертью тоже.

Его зовут Луций Корнелий. Обычное имя, он хочет затеряться в толпе. Решает, что войны с него хватит, и выбирает другое ремесло: свечник. Идет в подмастерья, трудится день и ночь, берется за любую работу. Складывает динарий к динарию, прибавляет содержимое из тайников прошлых жизней – золото, оружие, вино, припрятанное в кладках домов, закопанное в заброшенных садах, затопленное в реках. Не все разворовали, что-то осталось. И Луций открывает лавку. Простые глиняные лампы – для плебса. Бронзовые масляные лампы, фонари со стенками из тонких роговых пластинок, лампады из разноцветного стекла – для патрициев. Свечи из сала и воска раскупают для северных провинций. У знати большие дворцы, работа для Луция всегда найдется.

Рядом с императорским троном неспокойно: Клавдий убит своей женой, Нерон на престоле, он старается быть хорошим для плебса, балует низкими ценами на продовольствие, развлекает гонками на колесницах, даже приобщает к искусству – театральные постановки идут прямо на улицах. Луций вспоминает Александра. Театр, «Илиада». Ничего не изменилось. Что это? Без Гомера и подмостков не обходится ни одна война? Будь то за землю или за власть. Да, жизнь сделала из него философа. Раньше его мысли были гораздо проще. Жаль, свитки Аристотеля потерял. Теперь бы перечел по-новому.

Устанавливая светильники в домах у патрициев, Луций поневоле слышит и видит больше, чем ему хотелось бы. Нерон избавился от сводного брата Британника. Нерон дважды покушался на жизнь своей матери Агриппины. Нерон разгуливает ночами по улицам Рима и затевает расправу над обидчиками. Нерон казнит тех, кто критикует его поэтические чтения. Нерон… Нерон… Луцию неинтересны ни императоры, ни военачальники, впервые за долгое время ему интересна жизнь. Луций почти забыл о медных бляхах и почти вспомнил, как мечтал о доме, жене, сыне.

Дом у него, считай, есть. А жена…

К нему часто заглядывает Антония – дочь торговца оливковым маслом. Договориться о закупке – что да сколько. Лампы с маслом горят ровно, не чадят. Хорошая оливка ценится, и он продает масло вместе с лампадами, свечами. Выторг невелик, но когда видит Антонию, Луций забывает, как считать. Что вычитать, что складывать. Он бы согласился и плантацию купить, если б она предложила. К счастью или несчастью, Антония ничего такого не предлагает. Она всегда серьезна, спешит уйти. И он придумывает новые поводы, чтобы задержать. Это непросто, он, считай, три столетия провел на войне: там, чтобы быть с женщиной, говорить не обязательно.

Луций осмеливается подарить ей фибулу – сам декорировал ее ободком с изумрудами, добавил в сердцевину гравировку с первой буквой имени. Полное – на оборотной стороне. Если Антония откажет – закроет лавку и уедет.

Но Антония принимает подарок. И первый раз улыбается ему. Глаза зияют антрацитовой бездной. В них тайна. И в них смысл. Как в небе, как в душе. Этот взгляд заставляет его меняться, делает таким, каким он никогда не был. Кажется, Луций понемногу начинает понимать трактаты Аристотеля. Вот она перед ним – его сила, его энтелехия.

Отпустить ее? Невозможно. Антония становится его женой. У них рождается дочь Корнелия. Римлянин бы расстроился. Сын – это наследник. Продолжение жизни твоего имени, забота о твоем имуществе. Твоя гордость, твоя слава на старости лет. Но имени у него нет. Гордиться нечем. Не убийствами же в бесконечных войнах. А до старости Луций не доживет. По крайней мере, здесь, в Риме. И он рад тому, что есть сейчас. Запаху детской кожи, маленьким ручкам, обхватившим его шею, мягкому касанию темных кудрей. Корнелия, к счастью, похожа на мать, но упрямство досталось ей от отца. Интерес к манускриптам – тоже. В три года она внимательно слушает басни Эзопа и Федра – он с удовольствием читает дочери на ночь. Еще немного – и потянется к «Одиссее» и «Илиаде». Этого Луций как раз не хочет. Не надо повторений. Пусть у нее получится лучше.

Антония округлилась внешне, да и характер стал мягче. Он так боялся к ней подойти! Он просто не знал, сколько доброты и простоты охраняет эта неприступность. Жена помогает ему в лавке: общается с покупателями, ведет счета. Но Луцию кажется, что она могла бы просто находиться здесь, рядом с ним. Свет, который он продает за динарии, ничего не стоит. Настоящий свет Антония носит внутри. Именно на этот свет идут люди.

За последние три года лавка свечника Луция приобретает в Риме ненормальную популярность.

Но его девочки, Антония и Корнелия, не дают провалиться в суету. Это и хорошо, и плохо. Ему так спокойно, что он не способен думать о войне. О том, чтобы взять оружие и защищать семью, как должно мужчине. А ведь все к тому идет. Руками своих прислужников Нерон убивает Агриппину. Учитель императора, Сенека, кончает жизнь самоубийством. Нерон давно перестал следовать советам философа, зато

самому Сенеке пришлось подчиниться приказу бывшего ученика. Император срывает злость на бродягах-христианах, верующих в единого бога.

Луций не верит ни в кого. Особенно в судьбу и своих товарищей по ремеслу. Те, стремясь избавиться от конкурента, все чаще носят доносы в муниципалитет. Луций полагает, что писарь муниципалитета уже выучил его имя.

Стоит переступить порог дома – это все перестает существовать. Как и его прошлое. Как и бляхи, которые рано или поздно ведь снова появятся. И его потащит по полю войны – против воли и понимания…

Но Рим все же реален. Свечник это знает наверняка. Его мастерство – осветить каждый темный уголок. И он это делает. На форуме Романум торгуют всем. Ремесленники и крестьяне – домашней утварью и продовольствием, плебс – сплетнями, консулы, сенаторы и граждане – репутацией оратора на дебатах. Сам Нерон часто декламирует здесь стихи на поэтических состязаниях и, конечно же, берет первые места. Если оказался в толпе слушателей, надо громко аплодировать и восторженно кричать. Зритель смотрит на сцену, а люди императора ходят сквозь толпу и смотрят на зрителя. Тех, кто не выказывает почтения творчеству величайшего, уводят. Навсегда.

Сеть акведуков тянется к Риму, питая его водой и жизнью. Хватает и для терм, и для фонтанов. Двадцать один километр, девяносто один – вода бежит и к центру Рима, и к его стенам. Все подчиняется воле этого большого сильного города. Да, Рим не создает. Рим повелевает. И это у него хорошо получается. Римская империя кажется поистине безграничной. Но так не бывает. Из свитков Аристотеля он запомнил: бесконечность всегда существует в возможности, но никогда в мире твердых вещей. Наш выбор определяет границы. И ему, простому свечнику, чудится: Рим уже сделал свой выбор. Скоро они увидят его последствия.

Луцию тоже придется делать выбор. Антония стала уходить. На полдня, на день. И он не знает куда. Может, бегает к отцу, выполняет какие-то поручения. Марк до сих не в ладу с Луцием

и терпит только потому, что его дочь и дочь его дочери ни в чем не нуждаются. Но почему Антония не сказала ему, своему мужу? Или то бродяги одурманили ее баснями о человеке, умершем и, как бог, воскресшем?

Он доверяет Антонии, да, доверяет. Но все же… Первобытная ревность к чужаку, который оказался важнее его, чадит, словно плохое масло в лампаде. Горло перехватывает, Луцию нечем дышать. Он вспоминает походы с Македонским, где эта же свирепость и обида затаптывала любимых в грязь у палатки. Он думал, что навсегда покончил с уродствами войны, он думал, что ценит жизнь – свою и другого, выше всего. Но это не так.

Он прячется от Корнелии, чтобы дочь не почуяла этот чад. Чтобы не закашлялась от его смрада. А когда жена возвращается, Луций проваливается в ее свет. Он чувствует такую нежность от каждого касания прохладных пальцев, взгляда из-под быстрого взмаха ресниц, каждого их общего вдоха-выдоха, что перестает понимать, кто он. И наконец начинает жить.

Но наступает день. И Антония снова собирает корзинку, чтобы уйти в неизвестном направлении. Луцию хочется схватить ее за локоть, развернуть, и пусть ответит: к кому? И чем тот лучше? Но он лишь целует ее в щеку. Разве что чуть сильнее стискивает тонкую ладонь. С ней нельзя грубо. Луций так долго ловил этот свет… Он не выдержит, если свет погаснет. Но и сидеть на месте не может.

Он оставляет Корнелию в гинекее на попечение кормилицы, лавку на попечение подмастерья, а сам выскальзывает из дома вслед за Антонией. Улицы, площади, снова улицы. Простые домики. Украшенные фресками и мозаикой фасадные стены вилл. Мосты через Тибр. Все это переплетается и запутывается. Он теряет терпение и чувство пространства. А вот Антония ничем не выдает себя: она идет не очень быстро и не очень медленно. Обычная молодая женщина спешит по своим хозяйским делам, таких он видит каждый раз, выходя из дома.

Луций раздосадован и сбит с толку. И он не сразу замечает, что Антония останавливается около двери, стучит. Дверь приоткрывается, выглядывает чья-то голова. Что-то мелькает между

дверью и корзинкой. Антония отдает, берет? Слишком далеко, не рассмотреть.

Жена ходит из дома в дом. «Просит? – лихорадочно размышляет Луций, следуя за Антонией. – Но у нее все есть. Помогает бедным? Тогда почему тайком? И какие бедные в окруженных садами виллах?»

Выгоревший, как свечной фитиль, Луций возвращается домой. И мучается выбором. Сказать, что знает? Наказать? За что? У него ведь тоже тайны. Луций силой раздвинул пространство, поместив туда свое счастье, выбросив тайны за края. Но они никуда не делись. Сегодня он нашел в кошеле бляху. Значит, скоро война найдет его. Времени почти нет. Он не будет тратить его на расспросы.

После высушенного зноем дня Луций и Антония сидят, обнявшись, в саду. Он чувствует беспокойство жены. Фитилек дрожит, сгибается. Только бы не погас. Он не даст. Он не станет ее слушать, даже если Антония решится сказать.

– Ты добр ко мне… – произносит жена, опуская глаза, и недосказанное «но» повисает на кончике языка.

Он подхватывает ее на руки и уносит к себе. Дочь сегодня останется в гинекее с няней.

Луций бросается в антрацитовое море ее глаз, ее естества, ее дыхания и сбившихся волос. Он ничего и никогда не хочет другого видеть, знать, чувствовать. Ее такие прохладные всегда руки согреваются, обжигают прикосновениями. Запах роз, лаванды, ирисов, лилий – тягучий сладкий аромат доносится из сада, но Антония пахнет лучше. Он должен все запомнить. Чтобы унести с собой в Тартар…

Смятые простыни. У кровати догорают благовония. Ладан и мирра. Они лежат, взявшись за руки. Профиль Антонии, легкий и совершенный, как у статуи Юноны. Или у одной из весталок в старом храме. Он так и не может решить. Юнона или весталка. Весталка или Юнона.

– Я найду тебя, – вдруг говорит Антония. – Где бы ты ни был, я найду тебя.

– Меня незачем искать. Я здесь, и всегда буду рядом, – он говорит очевидное, но для Антонии, видимо, все иначе.

– Ты должен верить, – Антония с несвойственной ей резкостью хватает его за плечо.

Он верит. Конечно же, он верит. Это легко – рядом с ней, на смятых простынях, пропитанных их потом.

Больше Антония не уходит. По крайней мере, Луций этого не замечает. В его кошеле появляются бляхи, чаще всего с именами покупателей. Он раздает бляхи вместе с фонарями и лампами, свечами и лампадами.

– Хотите уехать? – прибавляет он к товару. Те не удивляются, бляху берут почти все.

Он чует беду и тоже порывается уехать из Рима. Но куда? До Византии далеко. Для семьи дорога непростая. Ближе неспокойно. Тем более Антония отказывается наотрез и слушать не хочет. Ничего не прекратилось, понимает Луций. Жена все так же ходит с корзинкой по домам. И он все так же не знает, к кому и зачем.

Луций ждет – со дня на день случится. И случается.

Душной ночью, когда нет спасения от жары и тяжелых мыслей, в воздухе разливается яд тревоги. Так бывало перед сражениями, которые они проиграли. Так бывало перед смертью товарищей. И перед его уходом тоже.

Он будит Антонию и, не слушая возражений, приказывает собраться. Сонную Корнелию жаль, но они должны жить. Он поднимает на ноги подмастерьев, слуг, няню и дает распоряжение: бежать из города. Снаряжает колесницу, оставляя все в лавке, прихватывает лишь ценное и легкое, что можно потом продать, – наработанная столетиями привычка, да провиант в дорогу.

Рассвет вползает в новый день вместе с запахом гари и столбами дыма. Со стороны цирка Максимус бегут люди, а за ними бежит пламя. Рим легко поддается огню – деревянные дома, узкие улочки. Пожар сжирает квартал за кварталом.

– Загорелись лавки! Всего лишь лавки! – слышит он отголоски в толпе.

А сгорит весь город.

«Подожди, – говорит он мысленно огню, подгоняя лошадей, – мы же друзья. Ты дал мне мастерство, ты познакомил меня с Антонией».

«А теперь, – шипит пожар голосом Нерона, – я возьму свою дань».

Лошади хрипят и шарахаются из стороны в сторону, грозясь перевернуть колесницу. Людской поток бурлит все сильнее – и колесница вязнет в нем.

Луций ссаживает Антонию и Корнелию и проталкивает локтями для них путь в толпе.

– Отец, – зовет Корнелия, – Лу-ций!

Он оглядывается. Дочь хнычет и кашляет, растирая глаза до красноты. Антония поджала губы и смотрит будто сквозь толпу. Решительная, бледная, собранная.

Без корзинки, думает Луций, поворачиваясь и с трудом разнимая испуганных людей. Как же она без корзинки…

Он будто бы чувствует ее руку на своем поясе. Ухватилась, чтобы не потеряться. Молодец. Хочется оглянуться, посмотреть еще раз на них, но нет времени, надо спешить к воротам.

Когда толпа редеет, и он наконец позволяет себе повернуться, жены и дочери нет. Его никто не держит за пояс. Никто не зовет. Не для кого прокладывать дорогу.

Луций возвращается, выкрикивает их имена. Но путь не повторишь, не повернешь вспять, не вскроешь замки, вернувшись к ошибочному поступку. Он все это знает, но ищет. Сколько раз кажется – вот они, вот же, живые, мертвые. Он хватает за плечи, разворачивает чужих женщин. Они смотрят на него остекленевшими глазами или испуганными, или вообще не смотрят. Призраки. Все сплошь призраки. Его девочек нет.

Пожар сжигает одиннадцать кварталов Рима вместе с его счастливой жизнью. Лавка по странной прихоти богов остается целой – дым, гарь вместо розы и ириса, но стены целы и товар тоже. Зачем столько светильников теперь, когда его свет ушел?

Он бродит по Риму – сам как призрак. Кошель оттягивают бляхи – их все больше и больше с каждым днем. Он не додумался дать одну Антонии. Возможно, это спасло бы их.

Пожар бесчинствует неделю. Луций почти не ест и не пьет. Он живет на улицах, помогает разбирать завалы, оттаскивать трупы, внимательно осматривая каждое обгоревшее тело. Среди всего Рима он не нашел ни одного с фибулой, как у Ан-

тонии, – его первым подарком; хоть и в спешке, жена успела надеть украшение, когда бежали. И это дает слабую надежду. Пусть она не вернулась. Но вдруг Антония и Корнелия смогли спастись. Вдруг жена убежала к отцу – в его загородный дом. С бродячими христианами. Неважно, почему она это сделала. Только бы осталась жива.

Когда острая боль потери притупляется и к Луцию возвращается способность размышлять, он вспоминает слова Антонии. «Я найду тебя… Ты должен верить».

Она знала, понимает Луций. И она хотела вернуться.

На этой вере он проживает день, месяц.

Но Антония не появляется. Не смогла? Не захотела? Ее нет в живых? Навязчивые вопросы забирают все его силы. Единственное, на что Луций способен – стоять за прилавком и продавать по дешевке уцелевший товар. Как ни странно, лампы все еще пользуются спросом. Ах да, еще надо раздать бляхи. Как же он их ненавидит!

Гарь счищают, и раны обожженного города оголяются. От него мало что осталось. Нерон приказывает строить Рим заново – широкие улицы, каменные дома, парадная дверь на фасад, а не во внутренний дворик.

После пожара люди едва живы, а вот слухи себя чувствуют прекрасно. Их заносит горячим ветром в каждый уцелевший дом.

Нерон сам поджег город.

Нерон смотрел, как горел Рим, и читал стихи о падении Трои.

А теперь Нерону надо найти виновников.

Император вешает христиан и использует их как живые факелы на пирах.

Луций подкупает писаря, отдает половину уцелевших сбережений. Нет, говорит писарь, Антония в списках заключенных, повешенных и сожженных не числится.

Приезжает отец жены. И пока тот останавливает коней, пока спускается с колесницы, у Луция теплится надежда. Но стоит взглянуть в лицо, и он понимает: они в одной лодке. Погребальной лодке Харона.

Отец плачет, а потом проклинает его. Луций бы и сам себя проклял, только что от этого изменится?

– Она вернется, – говорит он в спину старику. – Она обещала.

Грядет большой заказ. Новому дворцу Нерона нужны светильники. Много светильников, лампад, свечей. Соседи-торговцы перестали с Луцием здороваться. Зато он подружился с писарем. Тот зачитывает доносы на Луция от добропорядочных граждан, и они вместе посмеиваются. Виновен в поджоге Рима. Взял силой в жены весталку, убил ее и выбросил тело в Тибр. Вяло рукоплескал императору на поэтическом конкурсе. Уверовал в единого бога и прячет христиан под кроватью. Писарь отдает доносы просто так. Он подобрел и подумывает о том, чтобы оставить службу. Недавно Луций вручил ему бляху. Значит, и этот друг скоро уйдет.

И что ему останется?

Война.

Среди Нероновых безумств Луций обрел хрупкое счастье. Наверное, он этого не заслужил. А теперь все возвращается на круги своя. Свет для него погас, сколько свечей ни зажги.

Отдавая последний светильник во дворец, Луций собирает мешок. Прячет ценности, которые он, возможно, откопает, а возможно, и нет, лет через сто. Отдает самому толковому подмастерью лавку. Вещи Антонии и Корнелии отсылает отцу.

А пока у него другое свидание. На западе Британия, на востоке Иудея – где-то война еще не закончилась, где-то не началась, но свои сражения он не пропустит.

Война – это то, что у него всегда хорошо получалось.

*

Он спустился к морю. Мужчины, женщины, дети заполонили пляж – все работали, наполняли мешки песком. Люди подбадривали друг друга. Шутили.

Они думают, что знают. Подхватив свободный мешок, он отошел в сторону, чтобы было удобнее набрать песок. Простые действия – иллюзия спасения.

Не было и дня в его оборванных жизнях, чтобы он не вспомнил Антонию. Иногда с горечью. Иногда с надеждой. Она обещала вернуться. И он идет из жизни в жизнь. Из смерти в смерть. Только ли затем, что по-другому не может? Кто ему запретит умереть –

единожды и окончательно? Никто. Он просто не может уйти, пока не увидит ее еще раз.

Мешок отправился на грузовую машину, он взялся за следующий. Еще и еще.

Мышцы болели, отвлекая от раздумий. Осталось самое главное.

Простые действия – он перестанет ждать. Перестанет ходить по замкнутому кругу. Раздаст все бляхи из кармана. А потом выберет новый путь для себя, не ожидая ни разрешения, на благословения, – найдет Антонию. И точка.

Песок, раскрасневшиеся от работы лица, пластиковые стаканчики, горячий чай, нерастаявший сугроб под причалом, ой у лузі червона калина…

Они пели, он пел, слыша совсем другие голоса.

Григорий Барац

Ревнивец

Падать с дерева было не больно. То ли потому, что эта разновидность шелковиц была низкорослой, то ли ветки, тянущиеся вверх, намеренно подрезали. Разлапистая крона выше трех-четырех метров не поднималась. Гибкие ветви редко ломались под весом наших дохлятских десятилетних тел послевоенной ребятни. Но даже когда это случалось, мы падали не на твердую землю, а на толстый слой из песка и древесной щепы.

Выстелил этот слоеный ковер папа моего кореша, одногодка и соседа по галерее третьего этажа Борьки Фидяева – дядя Витя. Несколько лет служил в советском гарнизоне в Германии. Вот и подсмотрел у немцев хитрость, не позволяющую размокшей от дождя земле вытекать грязью с газона на дорогу. Укрыл всю территорию санатория «Украина», где служил завхозом, кроме дорожек и площадок.

…Аллея шелковиц окаймляет заасфальтированную площадку, упирающуюся в санаторный корпус. По утрам здесь лечебная зарядка. Вечером – танцплощадка. Днем, особенно солнечным, – никого. Никого, кроме нас – троицы с Треугольного: Ларки Денисовой – моей одноклассницы и соседки по коммуналке, меня и Борьки. Обдираем шелковицы. Каникулы только начались.

– Борька, Гошка, руки! – командует Ларка.

Становится на сплетенные в мостик четыре мальчишеские руки, цепляется за нижнюю ветку и, перевернувшись, как на турнике, садится на нее. Она рулит нами, как вздумается.

Борька втюрился в нее еще в третьем классе. То семечки ей притащит, то сладкие «морские камешки». А в кого там втюриваться! Рыжая, конопатая, длинноногая. Гоняет пузырь с нами на полянке. Свистит так, что уши вянут. Из рогатки бьет в десятку. Когда дерется, больно кусает острыми, как иголки, зубами. Локти и колени вечно в зеленке. На лето ее подстригают под мальчишку. Пацанка, да и только. Дома все время дразнится и хохочет. А в классе тихоня. В белом воротничке, в черном наглаженном переднике, с ровным пробором между белыми бантами. Пятерка за пятеркой. Хотя во дворе – пока не стемнеет.

Меня она интересует, чтобы домашнее задание по арифметике скатать, попросить чернила, карандаш или резинку. Знаю ее как облупленную. Мне никогда не откажет. А Борьку дразнит кудлатым и белобрысым. Списывать не дает. Портфель в школу донести ему отказывает. А мне отдуваться ни за что ни про что.

Заимел на меня Борька зуб. Да еще и перерос за пятый класс так, что только на цыпочках с ним сравниваюсь. Руки и ноги у него длиннющие. Не отбиться от него и не догнать. Не проходит мимо, чтобы не дать леща по затылку. И деру. Не очень больно, но обидно. Да и больно тоже. А я тут при чем? Что, я виноват, что мы с Ларкой в одной коммуналке живем? На две квартиры один звонок. К ней звонить два раза, а ко мне – один. Он звонит Ларке, а я ему назло все равно выскакиваю.

По ветвям и листьям шелковицы ползут разноцветные мохнатые гусеницы. Ларка издает пронзительный, но короткий писк, сбивая с себя очередную гусеницу. Я делаю вид, что не боюсь, но дергаюсь, прикасаясь к ним, и моя тюбетейка летит вниз. Борька их не боится. Мне кажется, он вообще никого не боится. Даже нашу классную.

Куда девались эти роскошные маленькие цветные паровозики? Мы запирали их в спичечный коробок. Через неделю они превращались в маленькие белые овальные яйца из шелковой скорлупы. Самый завораживающий момент – появление бабочки. Спорили на пятикопеечный кулек семечек – у кого раньше бабочка выберется из куколки. Так мы называли кокон.

Утренее солнце, пробиваясь сквозь листву, украшает наши коричневые от каникулярного загара тела яркими прыгающими

зайчиками. Морское дыхание – соленый ветерок едва шевелит крону деревьев. Ларкино лисье личико и моя круглая, как футбольный мяч, морда, как и ладони, окрашиваются фиолетовым соком. Только Борькино лошадиное лицо остается чистым. Всю собранную шелковицу он пересыпает в Ларкины руки. А Ларка, глядя на него, половину отдает мне.

Наше пиршество прервано внезапной движухой. Из санаторного корпуса на площадь вынесли столы. Накрыли их красными скатертями с бахромой. Поставили граненый графин воды и такие же стаканы. Напротив столов образовали ряды из разномастных стульев. Отдыхающие в пижамах и соломенных шляпах расселись, помахивая газетами, как веерами.

Девушка в пиджаке, с бубликом из жидких косичек на голове, с красной папкой в руке бесстрастным вокзальным голосом объявила:

– Встать, суд идет!

Судом оказались трое людей, которые гуськом вышли из дверей корпуса. Впереди шла точная копия девушки в пиджаке, но с «улиткой» на голове, старше и полнее. За ней хромой старик в потертом морском кителе и фуражке с якорем на кокарде. Замыкающим шел, расставив руки, подгоняя впереди идущих, здоровенный дядька в бурой косоворотке, подпоясанной армейским ремнем со звездой на бляхе.

Трехголовый суд расселся за столом. Посредине, возле граненого графина с водой – Улитка, по обе стороны от нее рядом со стаканами – Кокарда и Бляха.

– Выездное заседание народного уголовного суда объявляется открытым, – деревянным безапелляционным тоном произнесла Улитка. – Ввести подсудимого!

Публика зааплодировала. Судья хлопнула что есть силы пухлой ладошкой по столу. Народные заседатели Кокарда и Бляха вздрогнули, отдыхающие утихли.

Из открывшихся дверей один за другим вышли два плюгавых низкорослых милиционера в портупеях с кобурой. Между ними – белобрысый вихрастый тощий парень в джинсах и тельняшке – браслеты на руках с железной цепочкой.

Милиционеры вдавили парня в садовую лавочку, поставленную рядом со столом трехглавого суда, став за его спиной.

– Прения сторон и последнее слово подсудимого, – все тем же трубным басом объявила Улитка. Вновь шлепнула по столу и, направив указательный палец на лысого дядьку в белой безрукавке и черном галстуке, сидящего в первом ряду, представила:

– Государственный обвинитель, вам слово.

Дядька поднялся, скрипя то ли коленями, то ли стулом.

– Ваша шесть, – обратился он, повернувшись к красному столу и одергивая мятые брюки, – прештупник шовершил обшэственно опашное прештупление.

Защелкав зубными протезами, мешающими ему произносить добрую часть букв алфавита, дядька повернулся к лавочке. Здесь ждал своей судьбы обвиняемый, запрокинув голову, с торчащими в небо короткими белобрысыми кудрями. Казалось, что все происходящее его не касается. И если бы не две окаменевшие фигуры милиционеров за его спиной, можно было бы подумать, что он из отдыхающих, радующихся жизни.

– Так ешели саради рефности кошный будя вешаться, кто ш детей стране будеть производить, – продолжал шамкать обвинитель. – Счытаю прэштупление доказанным и прошу назначит наказание – десять лет без прафа перепишки. Ой, не то, – спохватился он, – просто десять лет. У меня все, – сваливаясь на стул, произнес на выдохе дядька.

Публика встревожено зашушукала:

– Кто повесился? Кого повесили?

Подсудимый вскочил.

– Сядьте, – зарокотала Улитка, – то есть встаньте, вам слово. Назовитесь и расскажите, как вы дошли до жизни такой.

– То сядьте, то встаньте, – обиженно заговорил подсудимый. – Борисом Викторовичем меня кличут. Моряк я. Потомственный. Помощник моториста. В загранку хожу. По полгода дома не бываю. Перед последним рейсом женился на Ларке. Мы с ней в одном классе учились. После восьмого класса я в «Тюльку», то есть морскую ремеслуху пошел. А она с моим корешем Гошкой доучиваться в школе осталась. Они и тогда крутили, а сейчас, пока я в рейсе, видать, замутили. Да вон они сидят, голубки.

– Ничего не видать. Ни тогда, ни сейчас, – выскочив к столу, выпалила рыжая, конопатая, длинноногая девушка с лисьей мордочкой, как две капли воды похожая на мою соседку Ларку.

– Свидетель, сядьте на место! Когда надо, вас вызовут, – зарокотала Улитка.

– Никакой я не свидетель. Жена я ихняя. Меня вся Молдаванка знает за порядочную. Ларкой-недотрогой кличут. Мы поженилися за неделю до рейса. Всю медовую неделю он бухал. Не сказал, когда с рейса вернулся. Я с работы отпросилася и до его коммуналки прибежала узнать. Соседка его, убиенная, сказала, что не приходил. И больше я ничего не видала и не слыхала.

При слове «убиенная» порыв усилившегося ветра вырвал газетные веера, публика разом проснулась, охнула и заерзала.

– На место! Тишина! – зашипела Улитка. – Подсудимый, продолжайте.

Все происходящее меня волновало гораздо меньше, чем шелковица. Ларка поначалу тоже не прекращала лакомиться. Но остановилась, пересела на нижнюю ветку и замерла – то ли всматриваясь, то ли вслушиваясь в разворачивающееся действие. Борька, как привязанный, сполз к Ларке и уселся рядом.

– Ты глянь, – пихнув Борьку в плечо, удивилась Ларка, – он вылитый ты, – и, показывая на подсудимого пальцем, добавила: – только взрослый.

Мне достались самые сладкие шелковичные сережки на верхних ветках. Под моим весом мухи утренний бриз раскачивал, выгибал, но не обламывал их. Отсюда сквозь линзу нагретого воздуха видны даже стекающие ручейки пота на лицах людей и слышен шорох газетных вееров.

– А чего продолжать? Я сто раз следаку рассказывал, – заупрямился подсудимый.

– Вы народу расскажите, как вы со старым почтенным человеком обошлись. Суд у нас народный, – упрямо настаивала Улитка.

– Давай, кайся, – раздались выкрики с площадки, – облегчи душу.

– Согласен: бабу Маню вся Молдаванка почитала, – повернувшись к публике, согласился подсудимый. – Ей сто лет в обед. Плюгавая толстозадая коротышка. На один глаз видит, на одно ухо слышит, а денежку не упустит. По ночам через форточку водку с соленым огурцом продавала втридорога.

– Это к делу не относится, – перебила его Улитка. – Вы признаетесь в содеянном?

– Граждане, – повернувшись к публике, взмолился подсудимый. – Да я готов на люди пойти. Как народ решит, пусть так и будет.

– Здесь суд решает, а не народ, – вскипятилась Улитка.

– Сами же сказали – суд народный, – парировал подсудимый. – Виноватый я в том, что Ларку заревновал. Задумал выяснить: меня любит или заради шмоток западных замуж вышла.

– Какие такие западные шмотки я от тебя видела? – заорала во все хриплое горло свидетель Ларка. – Два лифчика, из которых у меня все вываливается. Пусть люди скажут.

Повернувшись к публике, Ларка задрала кофточку, обнажив почти не прикрытую мясистую грудь.

Отдыхающие вскочили, загудели, затопали ногами. Усилившийся ветер сорвал и унес соломенные шляпы. Мужики повскакивали, захлопали.

– Еще тут бардака мне не хватало! Арестую в зале суда! – закричала Улитка, вызвав смех всей загорающей на площадке публики. Ударив кулаком по столу так, что выскочила стеклянная пробка из графина, Улитка приказала: – Прекратить галдеж! Подсудимый, ближе к делу.

– Дела у прокурора, – сквозь зубы процедил подсудимый Борис.

– Громче, громче! – потребовала публика.

– Ну в чем я виноватый? – приставив руки рупором ко рту, продолжил подсудимый. – Захода в порт не давали. Болтались на внешнем рейде третьи сутки. Портовым буксиром часть экипажа снялась на берег. В квартиру зашел тихо. Баба Маня, видать, спала в своей каморке. Разложил шмотки привезенные в шкаф. Сижу курю. Жду, когда Ларка появится. А ее все нет да нет. Дай, думаю, разыграю мертвяка. Посмотрю, как женушка среагирует.

Борис обеими руками почесал затылок, прокашлялся и продолжил:

– Табуретку поставил между окном и шкафом. Веревку к карнизу привязал и на шею накинул. Ноги занавеской замаскировал. Темные очки надел. Стою жду.

Зал затих в предвкушении кульминационного момента. Слышны были только шорох листьев от внезапно усилившегося ветра и поскрипывание стульев.

– Слышу, баба Маня тапками по коридору шлепает. Смотрю – в приоткрытую дверь заглядывает. Заходит, голову подняла, глаз прищурила – приглядывается. Закатывает рукава халата. Гребнем волосы в копну собирает. Подходит к телевизору японскому, что я с прошлого рейса привез, и утаскивает его.

Публика захихикала.

– Вам смешно, – среагировал подсудимый Борис, – а мне тошно, как вспомню. Значит стою, не дышу. Наблюдаю, как баба Маня простыню на полу расстелила, шмотки мои из шкафа на нее перетащила, в узел завязала и уволокла на горбу к себе.

Смех становился все громче. Стали подначивать:

– Чего старушке не помог донести?

Борис отмахнулся двумя связанными цепочкой руками и продолжил:

– Все бы ничего, ежели бы ей занавеска моя не приглянулась. Подтащила табуретку к окну. Поставила рядом со мной. Кряхтя, залезла и давай с карниза занавеску сдергивать. Тут я не выдержал, ногой по ее толстой жопе приложился.

Волны смеха катились по всей площадке.

– Смешно вам, да? А мне сидеть из-за этой воровайки. В чем я виноватый? Когда она увидала, что я удавился, стала воровать мое добро. Я, как грохнулась она с табуретки на пол, ей скорую вызвал. Через час приехала. Оказалось, баба Маня дуба дала.

Что послужило причиной падения моего кореша Борьки с дерева? То ли взрыв хохота, то ли сильный порыв ветра. Но никто, кроме меня и Ларки, этого не увидел и не услышал. Он шмякнулся плашмя на мягкий газон, зарывшись мордой в песок.

Ларка спрыгнула, и пока я слезал, перевернула Борьку на спину. Он лежал, не открывая глаз. Ларка сидела рядом на корточках и выдавливала сок из шелковицы ему в рот.

– Вставай, притворюха-муха, – сказала Ларка, выпрямляясь. – Тоже мне ревнивец.

Никита Рыбаченко

Зачем меня сюда вернули?

Солнце планомерно поднималось с запада. Выключалось уличное освещение. Стрелки наручных часов шли назад.

Петр Николаевич смирно сидел на вокзальной лавке и ждал своего поезда. По правую руку от него лощеный парень возвращал через трубочку какой-то вид лимонада в пластиковый стакан. Петр Николаевич наблюдал.

Он видел солдатиков, спрыгивающих с поезда на ходу, вслед за ними вылетали их сумки прямо в руки. Женщины прикладывали к щекам платки, оставляя на коже слезы, ползущие вверх и залезающие обратно в уголки глаз. Неразборчивая речь вокзального диктора казалась еще несноснее, потому что звучала задом наперед.

Петр Николаевич посмотрел на главные вокзальные часы. Его поезд должен был прибыть к шести, а время без двадцати. Он ждал, хотя понимал, что пять минут назад было без пятнадцати, значит, поезда не будет. Деваться уже некуда, стоило идти домой сейчас, но ресурс на пешую прогулку появился не сразу. Собраться с силами бывало трудно и раньше, когда ты просто не властен над временем, а Петр Николаевич еще и не понимал его. Ему не было понятно, как люди могут вдыхать углекислый газ и выдыхать кислород. Не стало понятно, как все могут так спокойно ходить задом наперед, словно наступила эпидемия имени Майкла Джексона. Наступали странные дни, а может, и отступали – это тоже логическая загадка.

Протискиваясь между спинами людей, он вышел с вокзала, выбрал направление к дому и пошел. Стал собираться дождь

в самой буквальной форме: лужи начинали немного бурлить, из них вырисовывались капли, которые очень резко взлетали в небо.

Говорить Петру Николаевичу давно не с кем, мысли играли в голове. Все друзья его же возраста стали тараторить звуки в обратном порядке. Сперва компания мучилась друг с другом, пытаясь разобрать все на слух. В какой-то момент инженерное образование дало о себе знать, и каждый стал приносить кассетный магнитофон – записываешь товарища, проигрываешь в обратном порядке, все понимаешь. Но нюансы метода в виде часто ломающихся кассетников, стоящих денег кассет и сама муторность процесса дали о себе знать. Проще забыть о друзьях, которых знал всю жизнь. Зачем им эта обуза в виде человека, живущего вперед? Они ведь станут только молодеть с годами, снова проживать все лучшие моменты в жизни. Пусть и жить им как предоплату получать – сперва хороший результат, а после долгоиграющий труд до самого старта. Такой у них теперь быт.

На пешеходном красный, нужно стоять. Хоть это не переменилось. Петр Николаевич поднял глаза на циферблат: тридцать восемь, тридцать девять, сорок, мигающий зеленый. О! Мигающий зеленый – это знак начала движения, пока цифра не начнется с трех и дойдет до двадцати. Он перешел дорогу и обернулся на машины, которые едут задом. Это казалось забавным, потому что раньше у автомобилей было пять передач вперед и одна назад, а теперь все наоборот – мы пятимся. Петр Николаевич опустил глаза и пошел дальше.

Как глупо все-таки он выглядел для окружающих. Только представьте, со стороны-то все идут по своим делам, и только один чудак спиной вперед, всех смешит до колик. Мало ли городских сумасшедших, но этот уникальный. Притом Петра Николаевича никогда не покидал маленький огонек надежды, что есть кто-то еще такой же странный, как он. Кто-то еще питается в правильную сторону и книги читает справа налево. Надежда была, а больше ничего, потому что ни проверить, ни доказать это невозможно. Невероятно в неправильном мире найти еще кого-то правильного, пока он сам тебе не встретится. Поэтому Петр Николаевич и стал при ходьбе смотреть исключительно вниз – по-

стоянно видеть приближающиеся спины утомляет. Может быть, второй такой чудак тоже смотрит только вниз, вот они и разминулись уже миллион раз, а внимания друг на друга так и не обратили. Ни проверить, ни доказать.

Он остановился, когда заметил под ногами какую-то странную каменную крошку красного цвета. Минуту или две разглядывал, пока она в момент не собралась в кирпич и не улетела в руки мальчишке, который торчал из окна четвертого этажа. Петр Николаевич хотел было выругаться, что его чуть кирпичом не пришибло, но ему стало жалко маму этого мальчика. Ей довольно скоро рожать этого балбеса обратно, а голова-то у него огромная. Бедная, бедная женщина. Нужно идти домой.

Иногда приходили мысли, которые еще называют судьбоносными. Не из-за того, что они меняют судьбы, а потому что такие мысли заставляют в судьбу поверить. «Зачем меня сюда вернули?» А оно и правда, зачем? Разве могло случиться так, что все человечество в момент остановилось, постояло и развернулось, а только один преклонного возраста мужчинка продолжил делать то, что делал раньше. Не просто же так он лишился преподавательской работы, не просто так оставил друзей и знакомых. Не просто он уже который день не может уехать на этом чертовом вечернем поезде, ведь просыпается ранним вечером. Как в юности думал, что расстался с какой-то девчонкой, потому что суждено семью строить с другим человеком. Но Петр Николаевич так никого и не встретил, семьи у него не было. Выходит, просто так расстался. Нет, этот случай точно другого толка – жизнь не бьет по одному месту дважды. Его не могли вернуть случайно.

Он вошел во двор. Повернул голову направо – мальчишки играют в лобтуф, пытаются дать забить другой команде. Повернул налево – соседка Поля Марковна собирает удобрения из вазонов обратно в пакет. Вот это можно понять: хобби у человека – пытаться из целого перца сделать семена, обратно сжать методом ожидания и отбирания всех питательных веществ. Достать-то из самого перца любой дурак может. Любой живущий вперед дурак может достать из перца семена.

Зашел в подъезд, после в квартиру, сел в прихожей. Заплакал. После пары шлепков себе по лицу со словами: «Соберись, ты же инженер», – пошел в спальню, чтобы раздеться. Время раннее – пять утра, рассвет. Клонило в сон. Сон – это потрясающая возможность для Петра Николаевича вспомнить, что значит покупать продукты не молча, а даже пофлиртовать с кассиршей. Лег на спину, попытался уснуть.

Что-то в этом было. С целью его вернули, не просто поиздевались, как во все прошлые разы. Может быть, Петр Николаевич должен был что изменить? Не в личной жизни, конечно. Если бы в личной, то он бы сейчас тоже задом ходил. Крупное историческое событие? Или мелочь какую, которая после эффектом бабочки уничтожит всю сельдь в мире? Зачем же его вернули? Высший замысел такого выбора с кондачка не увидишь, думать нужно основательно.

Или уже вышло так, что не мог Петр Николаевич начать жить назад, как это делают все? То ли совесть ему не позволила, то ли глупость.

Григорий Яблонский

Командировка на родину

В своем родном городишке Эдуард Григорьевич не был уже много лет. Но его – давно уже не фельетониста сатирического журнала, не автора давней «Литературки» и других видных изданий, в том числе местных, – оторвали от любимого пенсионного занятия в лучшей библиотеке города и области, где он спокойно, с неторопливым удовольствием читает книги, пропущенные в бурной молодости. А здесь его, своего издателя, читателя и участника всех интересных событий уважают и любят…

И вдруг этот звонок из облсовета – и знакомый голос очень вежливо просит его («Если позволяет здоровье!») поехать в родной райцентр по особо сложному делу, на его суть очень надо взглянуть глазами такого опытного журналиста и фельетониста. (Прежняя грозная пресса со своей пугающей рубрикой «Меры приняты» вымерла, а ее люди, оказывается, еще нужны!..) И это было интересно, потому не без проблем завел свою старенькую «девятку» и двинулся рано утром по еще знакомым дорогам…

И вот родной городок! Но почему-то знавшие о его приезде районные власти, их цепкие, плохо скрываемые страсти отняли все позднее утро и половину последнего летнего дня – до полного понимания фактов здешнего безобразия. Ну и до личной тошноты и желания свежего воздуха! От их дорогой машины, спецобеда и всего прочего (до пачки бабла в карман!) наотрез отказался – на свой недуг сослался! Вот и готова репутация непьющего гада, которому врать и пакостить в открытую не надо – хуже будет! К тому же в здешних райкабинетах уже и не знал никто, что он отсюда родом.

На свежем воздухе тоже нужна была осторожность: на свою давнюю улицу не пошел. И не только потому, что следом кого-то «с базара» снимут и по пятам… Еще много лет тому назад ему самому больно было глядеть – даже несколько минут! – на свой родительский домик и землю с загубленным садом. Помнится, тогда резко нажал на газ своей приобретенной «девятки» (ценой этого домика и участка!) – и через считанные минуты вырвался на областную трассу, хотя была она в жутких колдобинах.

А сейчас по памяти направился к «Харчевне» за рынком. Слава Богу, сохранила она свое честное название. И уже очень почтенная седая повариха баба Варя на него чего-то по-особенному глядела, подкладывая в тарелку своего гуляшика и отдельно – малосольных огурчиков. С огромной благодарностью пообедал!

Потом прошел рядом со школой. Заглянул на свой школьный двор. Там как стоял убогий школьный туалет в те «минус сорок с лишним лет», так и стоит этот ощутимый уже издалека «мемориал совковой придворной уборной». Куда же дальше?

Вспомнил: «А где же мой здешний книжный магазин?».

На прежнем месте его уже не было, там торговали всяким ремстроем и нещадно пахло разлитой прямо под ногами олифой! Пришлось на другой стороне улицы, извинившись, спросить про здешнюю книгарню у женщины в старых очках – явно учительницы. Она и сама тяжко вздохнула, и приблизительно показала, куда идти.

Дальше повело не только особое чувство родины, где школу совка не любил ни на миг, а все, что для жизни потом было надо, в своем доме культурном взято из книг. Потому и в былых командировках своих, особенно в дальних районах – глухих – Эдуард Григорьевич всегда выкраивал время и уголок в кармане, чтобы не оказаться в своем же обмане, заглядывая в тамошние «книжные музеи». И находить порой такое, чего не видят ротозеи! Да ладно – с этими чудесами и рифмы лезут сами!

Дошел. По-здешнему далековато от центра, то есть от базара. Над дверями доживающей свой век кособокой и косоглазой городской хаты так и написано было коряво: «Книжкина хата». Дверь завизжала, но все-таки впустила его. Когда зрение Эдуарда

Григорьевича немного адаптировалось, он заметил живое существо, точнее – двух. Мужчина неопределенного возраста сидел на табуретке и гладил тощую черно-белую кошку.

– Здравствуйте! – сказал Эдуард Григорьевич.

– Ох, здравствуйте… – мужчина безуспешно попытался удержать кошку, но та, испугавшись появления и голоса незнакомца, вырвалась из рук и спряталась куда-то. А сам растерянный мужчина задал вопрос: – Вы к кому?

– К вам.

– А за чем?

– За книгами, – пояснил, как всегда, Эдуард Григорьевич. – За новинками литературы, отечественной и мировой.

Запавшие глаза мужчины как бы посветлели:

– Ох, чем богаты, тем и рады… Только товар сильно давний, выбор малый. Навряд ли гостю чего-то глянется.

– Ну почему же, – ответил гость, делая шаг в сторону, чтобы не заслонять собой освещение из кособокого оконца. Но и в таком свете его наметанный взгляд не мог не остановиться на полке с томами цвета благородного бордо и чуть увядшим золотым тиснением! Подумать только: здесь был весь Вальтер Скотт! Сразу спросил у продавца:

– Простите, это собрание сочинений – по подписке?

– Я в этой хате только четвертый год, – вздохнул тот. – Может, и была такая подписка, а потом передумали выкупать. Так и висят тут эти полки уценки…

– А что за издание внизу? – вдруг пригнулся гость. – Вот там, где радужная обложка?

Когда одну такую книгу доставали, оттуда выбралась и кошка. Уже без страха поглядела на гостя. А удивлению самого Эдуарда Григорьевича не было предела – здесь, в этой «хате», было и полное собрание сочинений Авроры Дюдеван, которая стала потом легендарной Жорж Санд! Той, что любила самого Шопена и, как могла, берегла его жизнь! «Боже, какое вознаграждение за эту склочную командировку! В областной библиотеке таких книг точно нет – значит, будут!» – весь преобразился Эдуард Григорьевич и спросил у растерянного продавца:

– Значит, можно у вас эти книги приобрести?

– Ох, что вы, ну да! И сколько книжек возьмете – одну… или, может быть, две?

– Все! – произнес Такой Покупатель. – Двадцать томов и четырнадцать. Сделаете в отдельных упаковках?

Что творилось с продавцом, описать не получится. Он стал приходить в себя, только увидев в своих руках самую дорогую на тот момент пятисотгривневую ассигнацию из скромных командировочных Эдуарда Григорьевича! А когда перемножил в уме все тридцать четыре тома на десять гривен по уценке, захотел сразу бежать до самого базарного мясного корпуса! За разменом и сдачей!

А его кошка сидела на столе и умывалась…

– Прошу вас никуда не бегать. Пожалуйста, пакуйте книги, – твердо сказал Эдуард Григорьевич. – А мне пора на старую райкомовскую стоянку за своей машинкой.

Когда сносно запакованный груз уже ложился на заднее сиденье его «девятки» и снова возник вопрос о сдаче, Эдуард Григорьевич, чуть помолчав, вслух назвал себя (и даже по профессии) и спросил, как же звать работника ужинской «Книжкиной хаты». И тот растерянно ответил:

– Семен Иванович я, был в школе учитель по труду, а теперь вот при книгах со своей Муркой…

После ритуала доброго знакомства Эдуард Григорьевич, погладив и угостив целым принесенным мясным пирожком кошку, весь пакет вкусного ужина из «Харчевни» передал ее хозяину вместе с бутылкой доброго красного вина. И затем с душевной откровенностью признался Семену Ивановичу в том, что здешняя книжная цена и сдача не поднимаются до его благодарности. И напоследок спросил:

– Вы же понимаете, что это за книги?

– Ох, понимаю!.. – тихо выдохнул продавец, ловя взгляд Эдуарда Григорьевича: – Ваши произведения!..

* * *

У старой «девятки» такое бывало – она не сразу завелась. Но потом с подсосом все же тронулась и задумчиво поехала из этого райцентра. Через полтора десятка окольных жутко пыльных километров наконец выбрались на областную трассу – такую же опасную для жизни, как и много лет тому назад…

Леонид Лейдерман

Боже, храни короля

Витя Гриншпун звонил каждый день примерно в одно и то же время и задавал примерно один и тот же вопрос: «Как там у нас?». А «у нас» – это у Феликса Горобцова, это в Одессе и вообще.

Феликс и Витя были друзьями не детства, а уже, можно сказать, зрелости. Познакомились после окончания своих институтов в проектно-конструкторском бюро, где свела их судьба обыкновенных советских студентов. Перед окончанием учебы появились в их вузах кадровики привилегированных в Одессе предприятий, охочих до способных выпускников. И Феликс, и Витя были способными, каждый в своем ученичестве, и их заявили для направления на работу именно в это ПКБ.

ПКБ было среди тех привилегированных, которые условно назывались «почтовыми ящиками». Всех подряд туда, конечно, не принимали, но с анкетами у наших героев все было в порядке. Их отцы воевали на фронтах Великой Отечественной, вернулись домой и со временем и образование получили, и, как говорилось, обзавелись семьями. На момент заполнения ребятами анкет родители – служащие, отец Вити инженер на заводе, отец Феликса бухгалтер. И у детей в анкетах, конечно, «не был, не привлекался…».

Как и большинство одесских предприятий, ПКБ по численности работников было небольшим. Да и как оно могло быть большим? Попал я как-то в филиал института стекольной промышленности, там мне рассказали о заводе на Волге на шестьдесят тысяч человек. Конечно, в Одессе не найти столько гектаров

земли, здесь только смогли подыскать для филиала сколько-то квадратных метров на Приморском бульваре в памятнике архитектуры. ПКБ, о котором идет речь, размещалось не в памятнике архитектуры, но тоже в тесных помещениях. Общежития оно не имело, так что набирать сотрудников приходилось из одесситов, благо городские вузы готовили специалистов на любой вкус. В результате в ПКБ сложился очень симпатичный коллектив со вполне приличным, как тогда говорили, психологическим климатом.

Нужно сказать, что принадлежность к «почтовому ящику» накладывала на сотрудников печать некой особенности, исключительности, непохожести на других. Например, ходили слухи, что ПКБ каким-то фрагментом, сегментом имеет отношение к комплексу С-200. Конечно, никто толком не мог сказать, что за фрагмент и для какой функции, но что такое и для чего С-200, кое-что было известно. Естественно, не для того, чтобы об этом говорить. Или, например, в институте на Таировском массиве готовили к печати поступившую откуда-то статью об охлаждении лунохода. Лунохода! Такая общая несвобода в части соблюдения неких тайн тоже должна была сплачивать коллектив.

Тем более приятно было заниматься общекультурной общественной работой. Где и общаться сам бог велел, где можно и поговорить всласть безо всяких оглядок. И коллектив (не шестьдесят же тысяч!) с удовольствием отмечал все возможные праздники, включая личные. И украшал эти праздники стихами и музыкой, сценариями и декором, используя при этом знания и умения, в младые лета полученные в художественных кружках, школах и студиях родного города. И занимались этой общественной работой, можно сказать, с упоением. Но о деле не забывали.

Да и как можно забыть о деле, если результат нужно было предъявить не только на обычный контроль, но еще и военпреду, то есть военному представителю? Он, правда, назывался представителем заказчика, но все-то знали, какой заказчик имеется в виду.

Как-то появился в ПКБ новый военпред. Его представили на очередной планерке – как-то между прочим. Был прежний –

теперь будет новый, только и всего. Но вот пришло время какому-то отделу сдавать свое изделие, и о военпреде заговорило все ПКБ. Представили ему документацию, а он вернул ее на доработку уже через десять минут – обратил внимание на грамматическую ошибку. Ошибку исправили, страницу перепечатали, принесли. Еще через десять минут военпред позвонил и попросил зайти – обнаружилась еще одна ошибка, и тоже не по характеристикам изделия (ведь именно это предъявляют на контроль!), а опять – грамматическая. Тогда майор тактично пояснил, что в его функции будет входить исключительно контроль грамотности технических решений. Поэтому он просит впредь не приносить документы без предварительной проверки. В том числе и на грамматику. Он это назвал контролем до первого замечания. А сроки? Ведь сроки горят! (А сроки всегда горели: «Когда нужно?» – «Вчера».) Военпреда зауважали, потом зауважали себя, а дальше работали уже на одной волне. И когда сдавали изделие, и шли испытания, майор вместе с разработчиками дневал и ночевал на работе – общая забота!

Вот в такой ответственной и вместе с тем приятной обстановке познакомились и во многом сошлись молодые инженеры. Примерно в одно время женились, гуляли друг у друга на свадьбе, дружили уже семьями, а там и с детьми друг друга поздравили. Жили с родителями, а где же еще жить? Жены работали – а как можно на одну мужнину зарплату прожить? В общем, обычные судьбы, обычные семьи, обычные проблемы и – радости, конечно, как без радостей? Обычные – и всегда необычные! – радости.

И вдруг – распад Советского Союза. Который (распад) можно сравнить разве что с революцией.

Сегодня уже все понимают, что всякая революция – это тяжелое испытание для всех, на чью жизнь она пришлась. Тяжелое испытание с неминуемыми потерями. И для тех, кто ее желал, и для тех, кто ее боялся. Но особенную, ни на какую другую не похожую тяжесть испытывают те, кого нельзя причислить ни к революционерам, ни к тем, кому уготовано свержение. Я не имею в виду детей, которые в зависимости

от возраста или боятся всего, или не боятся ничего. Я не имею в виду и подростков, которые, не имея ответственности за кого-либо, в том числе и за себя, готовы из одной только любознательности ринуться в гущу событий, что и случается в любую революцию. Нет, я имею в виду так называемого обывателя, человека, живущего обычной жизнью. Обычный человек в обычной жизни. (Вот только что наткнулся в интернете на картину «Молодые родители». Молоденький отец любуется ребенком, берущим грудь матери. Обыкновенный отец в необыкновенно счастливой обычной жизни. Как он должен относиться к революции? Если он не революционер и если его не собираются свергать? Он должен страстно желать пережить эту революцию, сберечь жену с ребенком и себя, а после революции разобраться, если будет у него желание и возможность, – отчего эта революция, для чего, и какое место в жизни она ему уготовила.)

Можно много говорить о закономерности – а значит, и о пользе – распада Союза, об исторической справедливости и открывшихся перспективах, о возможностях предпринимательства, о многом можно говорить. Но обратите внимание: как все это назвалось? Не выходом из договора, не реорганизацией или еще как-нибудь. А – распадом, развалом. Потому что вот было только что какое-никакое целое, несовершенное, ненадежное, непорядочное, но – целое. К которому худо, бедно, но все же приспособились. И где оно теперь, это целое? Нет его уже, распалось, развалилось, разломалось на куски. А кусок – это же не целое. И когда этот кусок станет новым целым, и каким будет это новое целое, это ведь тоже не видно еще. И что делать каждому отдельному человеку? Какой-то слесарь, отец двоих детей, остался без работы – и что? Покончил с собой. Это, что ли, выход? А его детей жена сама будет поднимать?

Разлом Союза застал врасплох и сотрудников ПКБ тоже. Сначала восприняли это всё как очередную перелицовку жизни. Вот переназовут всё по-новому, как будто новая жизнь начинается, а на самом деле приспособят привычную жизнь под новые названия и – будут жить дальше. Вот были совнархозы –

и то нехорошо, и это. Отменили совнархозы. И что? Предприятия-то остались, что с ними делать? Людям работать надо, семьи свои кормить. Вот и давай думать, куда предприятия эти определить. То ли к министерству какому прикрепить, то ли городу подчинить – пусть коммунальными будут. Так что поначалу ждали, что руководство ПКБ что-нибудь придумает, и будем, мол, работать, как прежде.

Но ПКБ было самостоятельным весьма и весьма относительно. Оно было как бы подразделением большого ПКБ в Новосибирске, откуда шли и заказы на работы, откуда затем шли и деньги за сделанную работу. Пощупали возможность сохранения прежних связей. Из Новосибирска ответили: сами, мол, хотели бы оставить все как было, но вряд ли получится. Генеральный курс, мол, – на самостоятельность. Так и случилось – не получилось. Больше того – новосибирское ПКБ в союзном министерстве, какого в республиках не было. И оказалось одесское ПКБ в интересном положении – дòма, то есть в Киеве, его не знают и еще долго не будут знать (растерянность была, неразбериха, кадровая чехарда), а в Новосибирске-Москве его знали, а теперь знать не хотят, потому как разделились же… Вот так обернулась славному коллективу ПКБ его исключительность – она попросту исключила его на неопределенное время из жизни, ПКБ как бы впало в кому. Дальше было, как на всех «почтовых ящиках». ПКБ пришло в волнение, потом в движение – в направлении на выход, а дальше – у кого как получится.

Сектор, в котором работали Гриншпун и Горобцов, продержался где-то года полтора на старых заказах. Зарплату задерживали и на месяц, и на три, но подписанные при Союзе договора не расторгали. Только вот уже не выплачиваются деньги шесть месяцев, девять… Начальство предлагает увольняться по собственному желанию – выходное пособие не из чего платить… Людей все меньше и меньше, а новых заказов нет и не предвидится. А семью надо кормить. И бывших сотрудников ПКБ где только не встретишь: в ночном киоске у вокзала, в дневном киоске у Двух шаров на Ланжероне, на Привозе – в руках настенные часы на батарейках производства новоиспеченного кооператива… Кооперативы! Новая старая форма организации коллективного труда…

И несколько сотрудников пишут заявления на увольнение и уходят в свободное плавание. В составе группы и Витя, и Феликс. Вперед!

Кооператив стал проверкой на прочность – экзаменом на прагматизм, на самостоятельность мышления, на предприимчивость, на характер. И именно здесь, я думаю, стали расходиться жизненные дороги друзей. То есть дороги еще не расходились, но оба были уверены, что кооператив – это просто случайно подвернувшаяся лодка, на которой нужно переплыть через это перевернувшееся время. Продержаться, не дать самой лодке перевернуться прежде времени, переплыть! А там видно будет. А что там будет видно? Пока не видно. Потому что что̀ у ребят за спиной? Гладкая, можно сказать, дорожка. Школа. Институт. Работа. Семья. Все удачно, грех жаловаться. А то, что впереди нарисовался знак «Проезд запрещен», так это ж вдруг!

У родителей, конечно, другая школа и, конечно, другой опыт.

Говорили, что папа Вити Гриншпуна – настоящий заводской инженер. И не тем только заводской, что на заводе работал, а тем еще, что вырос на заводе и врос в него. Завод для него был единственно достойным местом приложения человеческих сил. Завод! Что может быть разумней и прекрасней?! «Кто, Конол от Союза дизайнеров? – вопрошал он. – Так он же с Кинапа, какой разговор!» И каждому должно было быть ясно: Конол – отличный дизайнер и замечательный человек, он же с Кинапа, с завода, здесь незамечательных быть не может! И очень может быть, что эту веру в исключительность индустриального предприятия, веру в его логичную и потому надежную структуру – впитал в себя с детских еще лет его сын Виктор.

Говорили, что папа Феликса Горобцова – бухгалтер – имел обыкновение, выходя из своей квартиры во двор, задавать первому встречному мальчишке вопрос: «Сколько будет одиннадцать умножить на одиннадцать?». И не услышав сразу ответа, сам отвечал: «Сто двадцать один». И, довольный, шел дальше. Так он приобщал соседей-школьников к счету в уме. Эта игра мальчишкам нравилась, они уже знали, что̀ нужно отвечать, но тут следовал новый вопрос – «А тринадцать на тринадцать?». А шестнадцать на шестнадцать?

Родители Виктора и Феликса не могли быть в стороне от проблем своих сыновей. Но что они могли? Они могли только предлагать. На основе здравого смысла или, наоборот, в порядке бреда, как кто-то любил оговаривать свои и впрямь бредовые идеи. Они не могли настаивать – дети уже имели своих детей! – но они могли предлагать.

Кооператив? Кооператив мог рыть траншеи под кабель. Кооператив мог подрядиться устанавливать ограды на дачных участках. Да, кооператив мог закупать и настраивать только-только входившую в моду компактную вычислительную технику. (Кто не помнит знаменитую AT PC 286, голубую мечту не только инженеров…) Но не мог появиться кооператив по расчету и проектированию изделий а-ля ПКБ.

И что сказал папа Вити Гриншпуна? Папа Вити Гриншпуна сказал, что нужно уезжать в Америку. Папа Вити Гриншпуна считает, что Витя за годы работы в ПКБ кое-чему научился и с этим кое-чем он может надеяться найти работу в каком-нибудь ПКБ при американском заводе. А ПКБ есть на каждом приличном заводе, как, например, на Кинапе. А про заводы в Америке Вите говорить не надо, а надо Вите научиться не только читать и писать по-английски, что он давно умеет, а и говорить тоже, причем хорошо говорить, а не лишь бы как. Папа Вити Гриншпуна сказал еще, что ему с мамой можно было бы и не ехать, но Витя должен подумать и о себе, и о своих детях. Кто мог знать, что могучий Союз разделится? Никто! Кто может сказать, что будет с нами здесь через десять лет? Никто! Надо уезжать. И Витя задумался.

А что сказал папа Феликса Горобцова? Папа Феликса Горобцова сказал, что если ты знаешь, как правильно умножить одиннадцать на одиннадцать, и если ты то же самое проделаешь с числом двенадцать и тоже получишь правильный ответ, то ты, делая правильные шаги, обязательно придешь к правильному результату. Папа Феликса Горобцова вряд ли пользовался словом «итерация» – бухгалтера его поколения легко обходились без этого красивого слова. Но вряд ли он мог и посоветовать сыну, какие именно правильные шаги нужно тому сделать и настойчиво их повторять. Ему импонировала математическая

гармония и сдерживало подсознательное желание верить в то, что со временем и здесь все образуется. Он этого и не скрывал.

И Витя Гриншпун уехал в Америку. И все там, не сразу, конечно, сложилось так, как хотел это видеть его отец. Он нашел работу по близкой специальности и освоил разговорную речь, или сначала освоил, а потом его приняли на работу. А в каком-то году позвонил в Одессу по незабытому номеру телефона. И еще работала городская АТС, и снял трубку друг его задушевный Феликс Горобцов.

К тому времени много чего в Украине вообще и в Одессе в частности произошло, и Феликс Горобцов имел что рассказать и о ПКБ, и о себе, и о кооперативе, в котором они вместе когда-то начинали новую жизнь. О кооперативе, который вместе с меняющимся законодательством менял свой статус, цели и задачи, юридический адрес и счет в банке, и в конце концов стал ООО Лимитед. Наверное, рассказал Феликс Горобцов и о том, на какой правильный шаг надоумили его отцовские рассуждения о пользе итерации. Феликс Горобцов просто повторил свой первый поход в институт, который он когда-то облюбовал для посещения в День открытых дверей и в который таки поступил. Тогда это стало началом пути в специальность. Теперь же, когда двери открылись не для возможного абитуриента, а для коллеги, еще и с опытом серьезной практической работы… Теперь встреча с институтом стала началом возвращения в профессию. И вот – он и его коллектив занимаются не тем, чем занимались они когда-то в ПКБ, но делом знакомым и понятным.

С тех пор друзья уже постоянно держали друг друга в курсе своих житейских дел, а в последние годы уже жаловались на усталость и даже мечтали о выходе на пенсию. При этом нужно сказать, что Феликс Горобцов вряд ли интересовался внутриполитической жизнью Соединенных Штатов. А вот Витя Гриншпун постоянно следил по американским источникам за событиями в Украине и вокруг нее, а если что-то вызывало непонимание, то разъяснения получал из надежных рук – от Феликса Горобцова.

Инсценированные Россией референдумы в Крыму и на Донбассе, а затем аннексия полуострова и оккупация Донецка и Луганска сильно встревожили Витю. Конечно, уже отложились в памяти и Чечня, и Приднестровье, и Грузия. Но это все были только цветочки, не ягоды еще. Где Чечня, а где Одесса… (Тогда мало кто знал, что о перерезанных в Грозном бензошлангах российских танков рассказывали в одесском санатории на Фонтане первые беженцы из Чечни.) Где Чечня, а где Одесса… Но когда в феврале двадцать второго границу Украины пересекли ракеты С-300…

Витя позвонил – что тут у нас? А что тут у нас – московские подарочки у нас… С тех пор Витя звонил каждый день. Каждый день украинское телевидение извещало, который по счету сегодня день от двадцать четвертого февраля двадцать второго года. И столько же звонков прозвучало в мобильном телефоне Феликса Горобцова – «Как там у нас?».

Когда-то давно один незнатный англичанин написал стихи, которые потом положили на музыку и сделали гимном Великой Британии. А затем гимном еще и других стран. Эти стихи говорили:

Боже, храни нашего милостивого Короля,
Да здравствует наш благородный Король,
Боже, храни Короля.
Ниспошли ему ратных побед,
Счастья и славы,
И долгого царствования над нами.
Боже, храни Короля.

Витя Гриншпун тревожится, звонит. «Как там у нас?» И звонит не он один. И не только в Одессу. Весь мир словно впервые себя увидел – беззащитным перед безумием. Нет континента, откуда не шли бы звонки. Они идут и идут, каждый день и круглые сутки. И мне кажется, я вижу, ка̀к они идут – догоняя друг друга, вплетаясь друг в друга, обрастая друг другом, образуя огромный жгут вибраций, жгут, который, расплетаясь в небе над Украиной, словно взывает словами старого гимна:

Боже, храни Украину.
Ниспошли ей ратных побед,
Счастья и славы,
Боже, храни Украину.

Витя Гриншпун звонил Феликсу Горобцову примерно в одно и то же время, а в этот день звонок прозвучал раньше обычного, и потому мелькнула сразу мысль – не случилось ли чего? – теперь уже в Америке. Нет-нет, ничего не случилось, просто они сегодня уезжают к дочери, и в обычное для звонка время будут в дороге. А с дороги не смогут позвонить. Так чтобы никто не волновался, Витя звонит сейчас. «Как там у нас?»

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

200 **Анна Маліцька**
Сатурн

201 **Юлия Пикалова**
Три сестры

203 **Анна Стреминская**
По воле моря и неба

205 **Юрій Работін**
Будуть сходи і походи

207 **Жанна Жарова**
Но прорастают завтрашние сны

209 **Інна Квасівка**
Відлетіли птахи завчасно...

210 **Татьяна Партина**
Конец эпохи вампиров

211 **Віталія Бабущак**
Дівчина в камуфляжі

212 **Валерий Сухарев**
Судьбы непрерывная музыка…

Анна Маліцька

Сатурн

Я відкорковую пам’ять. Ллю її до межі.
Ті, без кого я не міг жити, але пережив,
Завжди за мною. Завжди зі мною, –

Прекрасні, несамовиті кресала днів,
Що запалили порох старих галактик
З крихти Землі. І досі вони – вогні,
Тихі вогні. Я розплітаю свою розплату –

Бути в кінці кожної пісні на самоті,
Й не знаю, чи краще оберігати свою самотність,
Чи дати їй ще хоч раз відступити в тінь?
Думаю, що й вона – востаннє – не буде проти.
Думаю, що я сам – сьогодні – не буду проти.

І я обертаюсь у завтра. Дивлюся на килими
Сліпучого снігу, що закрива часопростір,
Де знову бути багаттю. Бути зіркам – і крихті Землі.
…Відкорковую пам’ять – знову, неначе постріл.

Юлия Пикалова

Три сестры

умер день.
глаза мои остры,
но у входа в сумерки робею я.
    первыми восходят три сестры:
    золотая, голубая, белая.

бедный шар
несется во хмелю;
я собой пробоины заделаю.
    как родных сестер я их люблю –
    золотую, голубую, белую.

и когда
позволит за края
небо неделимое и целое,
    разольется по вселенной я –
    золотое, голубое, белое.

Three Sisters

the day has died.
keen are my eyes,
but I'm shy before the gate to twilight.
    three sisters are the first to rise:
    the gold, the blue, the white.

poor globe
dashes, tipsy;
with my own flesh I'll heal its wounds.
    like my own kin I love these sisters,
    the white, the gold, the blue.

and when my Self
beyond the edge allowed
by sky so indivisible and whole,
    it'll penetrate the Universe throughout,
    the blue, the white, the gold.

Перевод Ирины Ротенберг

Le tre sorelle

il giorno è morto.
i miei occhi sono acuti,
ma entrando nel crepuscolo sono scoraggiata.
    per prime sorgono tre sorelle:
    bianca, azzurra, dorata.

la povera sfera
inebriata vola veloce;
ferita – dalle mie mani sarà curata.
    come sorelle germane io le amo –
    bianca, azzurra, dorata.

e quando
di superare i confini
del cielo indivisibile mi sarà dato,
    nell'universo dilagherà il mio io –
    bianco, azzurro, dorato.

Перевод Паоло Статути

Анна Стреминская

По воле моря и неба

«Одесса шумит, я сделаю из нее Саратов».
Один из российских генерал-губернаторов

* * *

Мой город был рожден свободным
по воле моря и небес.
И воздухом соленым, йодным
дышали с детства те, кто здесь
родился и впитал сначала
свободы дух и шум, и блеск,
и рыбье серебро причалов,
и птичий свист, и водный всплеск.
«Здесь все Европой дышит, веет…» –
сказал поэт, чуть пригубив.
«Прощай, свободная стихия!» –
он говорил, глоток испив
свободы – пенного напитка.
Как он желал сродниться с ней
в напрасной призрачной попытке
бежать из злой тюрьмы своей!
Поэтов дух, аристократов
и шулеров, и козаков
не даст устроить здесь Саратов,
а также Пензу иль Тамбов!
Здесь дух свободы в каждом нищем,

и каждый фраер тут бунтарь!
И невозможны здесь Мытищи,
тут слишком вольно для Самар.
Мой город по своим веленьям
живет с рожденья и доныне.
Он не поставлен на колени
и потому он – Украина!

Юрій Работін

Будуть сходи і походи

Двісті років вік пророка –
Вік терпіння до життя,
Двісті років вік пророка –
Вік спокуси й каяття…

Україно, Україно, ненько наша, мати,
Хто ж тебе любити буде –
Всі ж ми винуваті!
Не вини мене, прощення прошу.

Заповіт Тараса знаю,
По дорозі, що до Храму,
Я його читаю:
«Поховайте та вставайте…»

Вже кайдани рвуться!
По дорозі, що до Храму,
Люди стрепенуться,
Бо відчули силу слова,

«Заповіт» читали
І громадою до влади
Разом завітали.
Буде користь, будуть зміни,

Я це розумію
І роблю, що можу,
І роблю, що вмію,
В боротьбі за правду.

Є такі прикмети –
Подолаємо незгоди,
Якщо поле чистим буде,
Будуть добрі сходи…

Будуть сходи і походи
Буде і весілля,
Бо без цього ми не люди –
Без свого коріння.

Є коріння родоводу,
Ним я і пишаюсь,
Україна в серці в мене,
Тут я залишаюсь…

Жанна Жарова

Но прорастают завтрашние сны

Продлись, мой день! Я медленно живу,
Неспешною рукой часы листая.
А годы, как встревоженная стая
Вспорхнувших птиц, летящих в синеву
Сквозь поредевший строй осенней чащи,
Мелькают в окнах памяти неспящей…
Календари сменяются все чаще,
И поезд жизни ускоряет бег,
И, повинуясь времени законам,
«Тик-так» – стучат колеса под вагоном,
И фонари мгновений вдоль перрона
Навстречу мне плывут и бьют поклоны,
И тает на стекле вчерашний снег…

Но прорастают завтрашние сны
В пространстве тьмы, в полете безвременья.
Сюжеты их загадками полны…
Я длю дремоту утреннею ленью,
Подсказки ночи силясь разгадать.
Там дочь и муж, друзья, отец и мать,
Те, что вдали, и те, что стали тенью.
Фигуры зыбки, лица неясны –
Хотя порою даже слишком четки…
И вновь судьба перебирает четки:
Слова я слышу, но невнятна речь –
Язык чужой. Но место мне знакомо:

Вот комната, вот кафельная печь,
Которой нет давно… Я снова дома!
Вот улица моя. Здесь был проход
Куда-то к морю. Вот и поворот,
Потом другой… Тупик! Я заблудилась!
Прохожий, помоги мне, сделай милость!
Но никого вокруг. В тревожных снах
Я вновь ищу дорогу впопыхах,
Не находя…

Меня спасает утро –
Домашнего тепла уютный плед.
Заботы дня, обыденности пудра
Припорошат ночных кошмаров бред –
И сон забыт. О, суета сует!
В который раз меня ты выручаешь,
Горячей утреннею чашкой чая
Смягчая и смывая горечь бед…
Продлись, дневного солнца ясный свет!
…Но в сумерках видений слабый след
На дне сознания опять крепчает,
И вечер ничего не обещает.

И снова я блуждаю до утра
Между сегодня, завтра и вчера.

Інна Квасівка

Відлетіли птахи завчасно...

Не питай тепер, де мій берег,
Де мій човен,
Скрізь вода голодна і хижа…
Куди плисти?
Відпалали, відмерехтіли усі мости,
Чорні ріки не проковтнули тебе – і ти
Сам віднині, мов неосяжна,
Нестримна повінь.

Відлетіли птахи завчасно
В божий вирій,
Відлетіли дахи від вибухів, і нема
Ні гнізда, ні стелі, ні неба – лише пітьма
Нерухомо стоїть над нами, над обома –
Розглядає уламки зірки в безмежжі прірви.

І ховає тихий спогад про
Світлі ночі:
Темні очі твої дивилися вдалечінь,
Щось утримувало зірки від падінь,
Падінь,
І нагадувала світанкова тепла синь
Береги киселеві, ріки густі молочні.

Татьяна Партина

Конец эпохи вампиров

Вампиры съежились и стали как-то мелки
На фоне настоящих кровопийц.
Ботаник Дракула со скуки шьет поделки
И носит крейзи-фильц.
Он встретит донора с приветом в каждом слове,
Потом подругу плазмой угостит.
У нас на станции полно ненужной крови –
В которой гепатит.
Он без анализов увидит все бациллы,
Наш главный супер-пупер лаборант.
Ну спит в гробу… А так он, в общем, милый
И безобидный франт.
И лишь в Хэллоуин выходит он в одежде,
Вскрывающей его худую суть,
С клыками острыми, в бессмысленной надежде
Вспугнуть кого-нибудь.
Но каждый раз его встречают чумовые
Такие же товарищи в клыках.
И он не знает, кто – вампир или живые –
Остался в дураках.

Віталія Бабущак

Дівчина в камуфляжі

Вітер гладить її чорне волосся
Ніжно так, як йому не велося.
Приклад цілує її щоки та тіло
Палко так, як вона і хотіла.
Окопи притискають її до себе
Щільно так, як квіти до стебел.
Тільки набої п'янять, як алкоголь,
І летять до тих, хто забрав його.

Валерий Сухарев

Судьбы непрерывная музыка…

Летом ближе к закату альпы небес
перетекают в карпаты ужина: рыба, салат;
человек с хорошим лицом – читай капец –
комкает скатерть, потом манишку, в ноль ватт
свечи застыли, оплыв, потрескивает кабинет,
добротно до одури все, часы мурчат, но медный звон,
как колокол дальний, или проще – в сенях табурет
и скупая кошка вдоль ног, у соседей скрипит граммофон.
Судеб непрерывная музыка и уже никому и некому нам
сменить тональность и темп – это уже о небывалом,
и сидит среди цветения кипарисов разная женщина,
позабытая сама себе спальник на странном закате алом…

Искусство – жизнь – искусство

214 **Евгений Деменок**
Мюллер или Меллер?

229 **Юрий Дикий**
Дипломатия культуры в нынешнем столетии

242 **Эвелина Шац**
Маленький трактат о черном цвете

249 **Владислав Китик**
Проказенить взрослую жизнь

253 **Александр Дорошенко**
Лабиринты творчества

263 **Эдуард Амчиславский**
Он первым сказал про музей

267 **Валерий Романов**
Феликс Шиндер: «В Таллинн я привез настроение южной солнечной Одессы»

Евгений Деменок

Мюллер или Меллер?

Я держу в руках чудесный авангардный рисунок, эскиз костюма к фильму или скорее спектаклю, и совершенно точно понимаю, что создан он в начале прошлого века – по крайней мере, в первой трети.

Рисунок этот, так напоминающий театральные эскизы Александры Экстер и ее ученика Вадима Меллера, я купил несколько лет назад у своего друга, автора внушительной монографии об одесских художественных союзах и объединениях.

– Это Мюллер, тридцатый год, – сказал он мне тогда.

Я кивнул, не особо придавая значения фамилии, которая ровно ни о чем мне не говорила. Во-первых, мне нужно было заполнить лакуну 1930-х – работ этого периода в моей коллекции было совсем не много. Работ, тем более интересных работ того периода, в принципе, не много – уцелевшие после октябрьского переворота, Гражданской войны, голода и болезней художники зачастую не имели в нормальном количестве ни красок, ни холстов, а те, кто имел, уже встраивались в невыносимо скучную «генеральную линию» соцреализма. Рисунок же, который я держал в руках, был ярко, ликующе авангардным – и это было второй и главной причиной того, почему я его купил.

Кроме того, я был уверен, что мой товарищ, еще не занимавшийся тогда детальным изучением творчества авангардных украинских художников, попросту перепутал фамилии и под Мюллером понимал именно Меллера, потому я считал свое приобретение большой удачей.

Рисунок этот я хотел показать на очередной выставке работ из своей коллекции. Конечно же, в Одессе.

Выставка была запланирована на июнь 2022 года.

24 февраля началась война.

Долгие месяцы было не до искусства. Поэтому я внимательно рассмотрел рисунок – гуашь на тонком, запылившемся по краям картоне, в некоторых местах проеденном жучками, – только теперь.

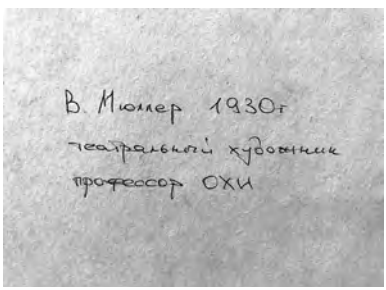
Внизу, под изображением фигуры – надпись тонким карандашом «Мюллер. 1930». На обороте – уже шариковой ручкой: «В. Мюллер. 1930 г. Театральный художник, профессор ОХИ».

Владимир Мюллер. 1930 г.

Я немедленно написал другу. Извинился за то, что беспокою его по пустякам, – он сейчас на фронте.

«Покупал как Владимира Мюллера, – ответил он. – Помню, что она была в старой побитой раме, и задник был старый, очень похоже было на первую четверть XX века. Продажа сопровождалась словами: «Это из старой квартиры, где рядом жил какой-то театральный художник». Карандашная надпись уже была, ручкой на обороте написал я».

Профессор Одесского художественного института В. Мюллер. Как интересно! Ведь теперь можно начать самое интересное для меня в искусстве – поиск.



Подпись к эскизу

И я начал искать информацию о Мюллере. И открыл для себя великолепного художника, тесно связанного с Одессой, которого, к стыду своему, раньше не знал.

Владимир Николаевич Мюллер родился 23 января (4 февраля) 1887 года в Херсоне в семье банковского служащего Николая Федоровича Мюллера, немца по национальности. Николай Федорович был потомственным почетным гражданином, статским советником и потомственным же фармацевтом, провизором, не пошедшим, однако, по стопам отца и деда. В свою очередь его отец Федор Николаевич, или же Фридрих Николаус Мюллер, был известным херсонским фармацевтом, кавалером ордена Святого Станислава 2-й степени. Аптека Мюллера была чем-то вроде аптеки Гаевского в Одессе по степени популярности и вообще стала первой частной аптекой в Херсоне (она открылась в 1828 году).

Дети Николая Федоровича не пошли ни по отцовским, ни по дедовским стопам. Оба сына, Владимир и Федор, стали художниками.

С 1896 по 1907 год Владимир Мюллер учился в Ришельевской гимназии в Одессе и после ее окончания поступил в Новороссийский университет, но проучился там всего год – он твердо решил стать художником и уехал учиться в Петербург. В 1908 году он поступает в Центральное училище технического рисования барона Штиглица на керамическое отделение, которое успешно оканчивает в 1915 (по другим сведениям – в 1916) году, получив звание художника по прикладному искусству.

Увы, это были годы надвигающейся катастрофы. Через год по окончании училища, 10 ноября 1916 года, его призывают в армию и зачисляют рядовым в 172 пехотный полк в Вильманштрад (Финляндия). Это был первый момент, когда немец Мюллер оказался в двусмысленном положении, ведь главным врагом Российской империи была именно Германия. В тот раз все прошло благополучно, уже в марте 1917 года его признают негодным к воинской службе и демобилизуют.

Несколько месяцев Владимир Мюллер работает библиотекарем в том же самом училище барона Штиглица, а сразу после октябрьского переворота, в октябре 1917 года, он с первой женой Юлией Гельдер возвращается в Одессу.

Эскиз из моей коллекции

Еще в училище Мюллер увлекся театром и стал изучать работы театральных художников. Поэтому, вернувшись в Одессу, он почти сразу стал работать именно в этом амплуа – благо такой работы в те сложные годы было достаточно.

Владимир Николаевич Мюллер. Финляндия, 1912 г.

Уже в 1918 году Владимир Мюллер становится членом Общества независимых художников и участвует в его выставке (декабрь 1918 – январь 1919 года). Это не удивительно: его всегда интересовал авангард, и конструктивистские его работы являются, пожалуй, самыми интересными. А тогда, в декабре 1918-го, его работы упоминаются журналистами как одни из наиболее интересных на выставке – наряду с работами Гершенфельда, Фраермана, Олесевича, Фазини.

Очень скоро, в январе 1919-го, Мюллер с Олесевичем, Фазини и несколькими другими художниками будет заниматься отделкой подвала открывающегося в Одессе петербургского кабаре «Веселая канарейка» и создавать декорации к спектаклям.

В своем библиографическом справочнике «Общество независимых художников в Одессе» Ольга Михайловна Барковская пишет: «В 1918 работал художником-декоратором в театре «Гротеск», весной 1919 – в Весеннем театре (рук. Ю. Озаровский и А. Толстой) и Камерном театре (рук. К. Миклашевский); летом 1919 вместе с Миклашевским организовал «разборно-передвижной театр» при культотделе Красного флота; работал в театре Н. Собольщикова-Самарина, на кинофабрике К. Борисова. Участвовал в выставках ОНХ 1918 и 1919, а также в выставке памяти

Монограмма Мюллер

Т. Шевченко 1920. В 1920 – зав. декоративной мастерской ИЗО политпросвета. В 1921 был одним из организаторов Союза ремесла и творчества, подписал «Декларацию» союза, опубликованную в № 2 журнала «Театруда», осенью того же года участвовал в выставке союза. Продолжал работать художником в театрах Одессы «Дом народа» (1920), Массодрам (1921-1922) и др., одновременно с 1920 – на 1-й госкинофабрике (позже ВУФКУ). В том числе был художником фильмов Л. Курбаса «Вендетта» (1924) и «Арсенальцы» (1925) и фильма А. Довженко «Арсенал» (1929). В 1926-1927 командирован на Ялтинскую кинофабрику «для практичного знайомства з кіновиробництвом». С 1921 по 1934 – профессор ОХИ (ОПИИ), руководитель театральной мастерской. Участвовал в «Першій виставці картин, графіки, скульптури художників м. Одеси» 1934. В том же году переехал в Москву».*

Как видим, одесские годы Владимира Мюллера были очень насыщенными. Его работы на выставках неизменно удостаивались внимания критики, причем даже тогда, когда соседствовали с работами признанных мастеров. Вот несколько отзывов на выставку картин Общества независимых художников, которая состоялась в Городском музее изящных искусств 7 декабря 1919 – 19 января 1920: «Юрьев Ю. Выставка картин О-ва независимых художников : [рецензия] // Единая Русь. – О., 1919. – 18 (31) дек., с. 4 (Искусство). «Выставка картин – это в настоящее время, по меньшей мере, роскошь, а самый факт появления подобного рода «редкости» следует всячески приветствовать. <…> Никак нельзя приветствовать выставленные картины. Они резко распадаются на две группы. Первая – это старые образцы «Мира

* Общество независимых художников в Одессе. Библиографический справочник. Сост. О.М. Барковская. – Одес. нац. науч. библиотека им. Горького. Одесса, 2012, с. 159-160.

искусства», попавшие сюда из Ботогаевского [нужно – драгоевского] собрания. <…> [Далее – о коллекции Драгоева.] Но все эти вещи блекнут перед «футуро-эксцессами» одесской туземной художественной молодежи. Тут вы найдете отголоски всех веяний и направлений, от Чурляниса до Пикассо включительно». Анализ конкретных работ: Мюллера – декорации к «Царю Иудейскому», Смирской – «Няньки», М. Бродского – «Джентльмен», Милеева. «Общее впечатление от выставки – смешанное, но преобладает в нем нота какой-то неудовлетворенности, даже, пожалуй, скуки. Много потуг на новаторство, но нового искусства – нет».**

Тут уже упоминается то, что Мюллер выставил декорации к спектаклю «Царь Иудейский». Одни критики их хвалили, другие ругали, Мюллера называли кубистом, что не всегда рассматривалось в те годы как комплимент.

Еще одна цитата из монографии О.М. Барковской:

«Золотов С.: «Г. Мюллер, кажется, впервые у нас выставляющий, сравнительно умеренный кубист. Его мысли выражены более просто [чем у Фазини] и основная идея его заданий не загромождена излишними аксессуарами. Карикатуры на местных деятелей менее удачны: они производят неприятное впечатление своими грязноватыми тонами» (Жизнь. – О., 1918. № 28, дек., с. 10).

Бобович Б.: «Прелестные декоративные эскизы показал г. Мюллер…» (Театр. день. – О., 1918. № 194, 27 нояб. / 10 дек.).

Юрьев Ю.: «…Чудовищные по своей безвкусности эскизы декораций к «Царю Иудейскому» [В. Мюллера] (под Гордона Крэга, да только «немного хуже»)…» (Единая Русь. – О., 1919. 18/31 дек.).

Т-а Ф.: «Хороши декорации Мюллера, выполненные с большим знанием техники сцены и театрального эффекта» (Веч. одес. новости. 1919. 14 дек.).

Терпин Е.: «Гвоздями у художн. Мюллера, отлично зарекомендованного в декоративной живописи, являются «Саломея», «Герцогиня Падуанская» и «Царь Эдип». Во всех работах даровитого художника ощущается большое мастерство, тонкий вкус,

** Общество независимых художников в Одессе. Библиографический справочник. Сост. О.М. Барковская. – Одес. нац. науч. библиотека им. Горького. Одесса, 2012, с. 92.

удивительное знание и подразделение стилей; главное достоинство т. Мюллера заключается в особой тщательности выполнения» (Станок. – О., 1921. 11 нояб.)».*

Ну что же, круг интересов и сфера приложения таланта Владимира Мюллера в те годы понятны. Но в контексте приобретенного мной рисунка интересно другое: судя по отзывам критиков, Мюллер выставлял эскизы только декораций, но не театральных костюмов. «Мой» же рисунок – эскиз именно костюма, да еще и блестяще выполненный.

И еще один крайне важный момент. В 1919 году в Одессе почти полгода провела Александра Экстер – она открыла в нашем городе свою студию, оформляла улицы к празднованию 1 Мая (по словам Маринетти, ее авангардистские плакаты срывали и топтали революционные матросы) и, конечно, немедленно занялась оформлением спектаклей.** Причем в первую очередь создавала именно костюмы…

Так вот, после ее возвращения в Киев занятия с детьми в студии Экстер продолжал не кто иной, как… Владимир Мюллер. В знак благодарности гораздо позже она подарит ему свою работу, причем передаст ее через Владимира Татлина.

А на стыке 1918-19 годов в Одессе некоторое время пробыл Вадим Меллер, еще один верный последователь и соратник Александры Экстер! И прославился он в первую очередь как раз своими эскизами театральных костюмов, созданных уже в Киеве в 1919-1920 годах для балетной студии Брониславы Нижинской. «Мефисто-вальс», «Ассирийский танец», «Маски», – великолепные эскизы ко всем этим постановкам выполнены в яркой цветовой гамме. Такой же, как и «мой» рисунок…

«У Києві В. Меллер та Олександра Екстер продемонстрували кубо-футуристичні елементи у своїх костюмах та сценографії спочатку для балетів Б. Ніжинської, а пізніше для різних інших вистав. Меллерові зображення фігур були розламані на криві, трикутні чи загострені форми та на параболи. Усе це було потрібно для того, аби створити динамічну напругу та відчуття руху», – пи-

* Там же, с. 160.
** http://odessa-memory.info/index.php?id=772

шет Мирослав Шкандрий в статье «Гений Вадима Меллера: Танец и декоративное искусство в украинском авангарде».***

В Одессе Александа Экстер сотрудничала с режиссером Константином Миклашевским, готовила с ним постановку «Саломеи» Оскара Уайльда на музыку Р. Штрауса. Увы, приход большевиков не позволил реализоваться замыслу.

Но с Миклашевским сотрудничал и Мюллер! 1 июня 1919-го «Известия» писали: «…В воскресенье, 15 июня, в 2 часа на Николаевском бульваре… комедия Мольера «Лекарь поневоле» в постановке т. Миклашевского. Разборная сцена особой конструкции построена по модели Миклашевского и худож. Мюллера».****

Просто детективный клубок…

Однако… Как я уже писал, среди просмотренных мной эскизов Владимира Мюллера (разумеется, это лишь малая часть от выполненных им работ) очень мало костюмов, а если они и есть, то и стилистически, и по цветовой гамме отличаются от купленной мной работы. Кроме того, Мюллер подписывал свои рисунки особой монограммой, которой на моем листе нет. Однако отсутствие подписи можно объяснить множеством причин, ведь главное – художник жил в Одессе до 1934 года, и вероятность того, что его работы остались в городе, велика. А значит, работа в моей коллекции, вполне возможно, выполнена именно им.

Но ведь Вадим Меллер тоже неоднократно бывал в Одессе после 1919 года, работая над фильмами Леся Курбаса на ВУФКУ (например, «Арсенальцы» (1925)). На нескольких фотографиях Курбас с Меллером позируют на фоне моря, и датированы эти фотографии 1928 годом…

А если посмотреть на эскизы Меллера к спектаклю «Мазепа», поставленному в Первом Государственном театре УССР имени Тараса Шевченко, или же к спектаклю «Небо горит» (Киевский театр им. Г. Михайличенко, 1921 год), можно увидеть определенное сходство решений (те же округлые формы фигуры), что и на «моем» рисунке.

*** http://kurbas.org.ua/pro jects/almanah7/11_shka.pdf

**** Общество независимых художников в Одессе. Библиографический справочник. Сост. О.М. Барковская. – Одес. нац. науч. библиотека им. Горького. Одесса, 2012, с. 161.

Вадим Меллер (слева) и Лесь Курбас

Лесь Курбас и Вадим Меллер. Одесса, 1928 г.

Может быть, это все же Меллер?

Кстати, тут случается отнюдь не единственный случай путаницы – во множестве источников указано, что художником снятого Курбасом фильма «Вендетта» (1924) был Вадим Меллер, в то время как им на самом деле был… Владимир Мюллер! То же самое и с фильмом «Макдональд» (1924) – в одних источниках художником фильма указан Мюллер (соорудивший для фильма макет Лондона), в других – Меллер…*, **

Кроме того, если почитать рецензии одесской прессы, можно увидеть, что работал Мюллер отнюдь не только в сдержанной цветовой гамме: «Любимов А. Из суфлерской будки // Театр. день. – О., 1918. 14 (27) окт., с. 4. – «Смотрел еще ремонтирующееся здание нового ночного кабаре «Веселая канарейка»… – ярко талантливая роспись помещения. Эту работу выполняет художник г. Мюллер. Его эскизы и мотивы стен и окон – резкие по колориту и сочетанию красок – говорят о незаурядном таланте

* https://openkurbas.org/article/vynyatkova-rol-lesya-kurbasa-v-rozvytku-ukrainskoho-kinomystetstva-porevolyutsiynyh-rokiv-hh-stolittya/
** https://vufku.org/lost/makdonald/

художника. Декоративные эскизы, росписи стен и ниш очень выразительны, а их желто-золотистый тон приятно ласкает взор».***

Вернемся к биографии Владимира Мюллера. Почти сразу по возвращению в Одессу он начинает преподавать. С 1921 по 1934 он – профессор Одесского художественного института, где руководил театрально-декорационным отделением живописного факультета. В 1934-м участвует в «Першій виставці картин, графіки, скульптури художників м. Одеси». В том же году переезжает в Москву – его приглашают во МХАТ 2-й. Там он занимает должность заведующего художественно-постановочной частью театра. Здесь работала его вторая жена актриса Ю.П. Гельдер-Рауш, которая и познакомила его с Владимиром Татлиным. Сохранилась рукопись воспоминаний о встречах с Татлиным, где Мюллер пишет, что тот с ревностью относился и к нему самому, и к его театральным работам, и лишь заступничество Гельдер-Рауш смогло их примирить.

С 1939 Мюллер преподавал в ГИТИСе, стал профессором. В годы войны он работал в сценической экспериментальной лаборатории при МХАТ СССР им. М. Горького, создавал оформление для фронтовых передвижных театров. Писал книги и статьи по вопросам сценического оформления.

А потом наступил второй сложный период в его жизни. Как немец он не мог не подвергаться дискриминации – и в годы Второй мировой войны, и после нее. И без того скромный художник предпочитает быть в тени – тем более что его любимый конструктивизм был не то что не в моде, а давно опасен.

«Именно его ярко выраженная интеллигентность и скромность, которую всегда отмечали его друзья и современники, среди которых были Яков Зискинд, Сергей Образцов, Иван Яковлевич Гремиславский и Александр Тышлер, не позволили ему войти в когорту известнейших художников России. Он никогда не стремился к участию в официальных выставках, практически не выставлялся и последние несколько десятилетий жизни полностью посвятил преподаванию в ГИТИСе, став любимым учителем для

*** Общество независимых художников в Одессе. Библиографический справочник. Сост. О.М. Барковская. – Одес. нац. науч. библиотека им. Горького. Одесса, 2012, с. 161.

своих студентов. И только им он мог показывать полное собрание своих театральных работ, бережно сохраняемых в его доме с 1918 года. Даже последней женой художника стала его студентка, с ней он и прожил вплоть до своей кончины в Москве 18 декабря 1978 года.

Единственная персональная выставка театральных работ Мюллера состоялась в Москве, в залах Всероссийского театрального общества в феврале 1968 года. К сожалению, многие его графические работы не сохранились. Какие-то остались в Украине, а значительная часть, особенно эскизы сценических костюмов, исполненные в 1920-30-е годы, была похищена из квартиры его вдовы, и ныне их местонахождение неизвестно. Но я все-таки рад, что могу в этой статье познакомить читателя с рядом работ авангардного периода его творчества, которые свидетельствуют о существовании ныне малоизвестного, но замечательного художника-авангардиста», – пишет Анатолий Боровков, собравший представительную коллекцию работ Владимира Мюллера.*

Кстати, по поводу палитры Мюллера. Боровков также пишет о ней как о «яркой»: «В том же 1929 году в Одесском оперном театре В. Мюллер подготовил и оформил к постановке оперу Б. Яновского «Дума черноморская». В этой работе художник использовал всю яркость своей палитры, в то же время не отступив ни на шаг от своего стиля художника-конструктивиста. От эскизов к трагедии «Отелло» оформление «Думы черноморской» отличается тщательно заполненным цветовым фоном, а также более мелкой и ярко проработанной деталировкой каждого действия. Особенно авангардно выглядит оформление II действия – «Каменоломни», являющее собой как бы смесь супрематизма и конструктивизма, столь не характерную для конца 1920-х годов. Подчеркнуто лаконичны эскизы костюмов к «Думе черноморской», которых Мюллер создал более 60. Эти эскизы выполнены в лучших традициях художников-авангардистов первой четверти XX века. В оформлении «Думы черноморской» художник не отступает от своих левых принципов в сценографии театрального действия, чем удивляет зрителя, поскольку к тому времени левое направление в искусстве уже стало подвергаться обструк-

* https://artinvestment.ru/invest/painters/20110318_muller_new.html

ции и повсеместно преследоваться властями и критиками. Наступала эпоха соцреализма…»[**]

Нужно заметить, что «российским художником-модернистом» называют Мюллера даже на украинском сайте, посвященном Лесю Курбасу.[***] Вряд ли с этим можно согласиться – родившегося в Херсоне и прожившего более двадцати лет в Одессе художника с полным правом можно называть художником украинским (Вадим Меллер, например, родился в Санкт-Петербурге).

В Одессе берет начало еще одна интересная история. Через некоторое время после примирения с Татлиным тот передал Мюллеру работу Александры Экстер – по ее просьбе в знак благодарности за занятия с ее учениками в Одессе. Эту работу уже в шестидесятые годы, судя по воспоминаниям Мюллера, у него настойчиво выпрашивал некий иностранный коллекционер, ссылаясь на то, что в СССР она никому не нужна и безвестно пропадет. Мюллер, живший очень скромно, тем не менее работу продавать не захотел и хранил ее дома, как и свои собственные работы, с которыми были знакомы только его близкие друзья (среди них – Иван Гремиславский, Яков Зискинд, Сергей Образцов). В перечень своих произведений, составленный в 1966 году для официальных советских органов, художник не включил даже декорации к драме «Царь Иудейский», очевидно, опасаясь неприятностей, хотя эскизы эти хранил в своем архиве до конца жизни. Сколько таких работ могло разойтись потом по частным коллекциям?

Анатолий Боровков пишет, что большую часть собрания художника смогла сохранить его последняя жена Лариса Поликарпова. Сегодня часть работ Владимира Мюллера хранится в музеях Украины и частных коллекциях Германии, Канады, США. Основная часть наследия находится в собрании Петра Авена (фарфор и керамика), фонде AVC Charity, собрании Олега Кружалова (Канада) и галереи «Русский авангард 10-30 гг.».

Уровень работ Мюллера настолько высок, что в отзывах о выставке «ИЗМы русского авангарда», которая прошла

** Там же.

*** https://openkurbas.org/article/vynyatkova-rol-lesya-kurbasa-v-rozvytku-ukrainskoho-kinomystetstva-porevolyutsiynyh-rokiv-hh-stolittya/?fbclid=IwAR2W_iASbWP0DnI2dWl_g5cJU-ycMdRh850tT5ceUEvzdrR_-FQfzxsPwcs

в московском Центральном доме художника в 2011 году, о них писали так: «Ларионов – Малевич – Татлин: устоявшийся состав тройки лидеров трех главных «измов» всего лишь следствие скромности их конкурентов или малого числа сохранившихся работ, или скудости информации о них. Один из главных героев раздела конструктивизма – Владимир Мюллер, имя которого вообще не слыхивали многие зрители. Проживавший в Одессе художник в 1920-х и 1930-х был слишком скромен, а позже опасался за свою жизнь. Масса его работ наверняка уже подписана другими, гораздо более громкими именами – его театральные эскизы нетрудно спутать с работами Александры Экстер, Владимира Татлина или Густава Клуциса. Графика и фотографии макетов декораций Мюллера и Татлина на выставке висят рядом – Мюллер лучше».*

Тем ценнее будет, если купленный мной эскиз действительно окажется работой его авторства.

Разумеется, никогда нельзя отбрасывать версию о том, что рисунок – просто более поздняя подделка, подражание тому или иному художнику. Но… В данном случае есть много «но». Зачем подделывать мало кому известного художника? Почему тогда не подписать работу его подписью? Кроме того, подражание такого уровня требует немалого мастерства.

Мой друг, художник Игорь Гусев, ответил на мой вопрос о подделке, не задумываясь: «Это очень хорошая вещь. По дате не скажу уверенно, но точно до 1935-го. Думаю, что чем позже, тем меньше вероятности, что в таком стиле имхо могли рисовать. И это явно не подражание».

Ну а что же Меллер?

Разумеется, я отправил фото эскиза в Киев своему знакомому, одному из крупнейших коллекционеров и знатоков его творчества.

И получил такой ответ:

«Единственное, что могу сказать, это то, что есть ряд деталей, которые я никогда не видел у Меллера, в силу чего и не склонен видеть здесь его авторство. Все остальное для меня – *terra*

* https://www.kommersant.ru/doc/1586067

incognita, не знаю творчества Мюллера, не могу однозначно сказать по фото, фальшивка или нет.

Если оригинал, тогда это интересно, вне зависимости от автора».

Последняя фраза невероятно меня обнадежила.

Ведь прелесть искусства в том, что оно дает не только эстетическое наслаждение, но и радость познания, интеллектуальное удовольствие.

Потому, если у вас в руках действительно классная работа, не так важно, насколько именит ее автор.

* * *

Перечень работ В.Н. Мюллера в театре до 1932 года (составлен самим художником в 1966 году):

1. 1918 год, Одесса

Театр «Гротеск» и другие театры миниатюр: декорации к 52 пьесам-миниатюрам.

2. 1919 год, Одесса

«Весенний театр»: «Провинциалка» (Тургенева); «Странник» (Майкова); «Душа розы» (балет по Фокину); «Кто брат, кто сестра» (Грибоедова).

Одесский камерный театр: «Мнимый больной» (Мольера).

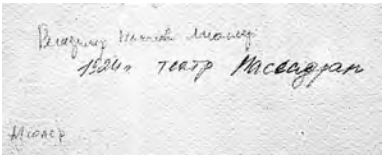
Театр при культпросветсекции Красного флота и 47-й стрелковой дивизии: Конструкция разборной передвижной сцены; «Лекарь поневоле» (Мольера); «Дни нашей жизни» (Л. Андреева).

3. 1920 год, Одесса

Театр «Дом народа»: «Бранд» (Ибсена); «Потоп» (Бергера); «Опять на земле» (Буалье); «Собака садовника» (Лопе де Вега); «Роман» (Шельдона); «Театр чудес» (Сервантеса); «Мой беби» (М. Майо); «Том Сойер» (М. Твена); «Хижина дяди Тома» (по Б. Стоу); «Как важно быть серьезным» (О. Уайльда); «Маленькая девочка с большим характером» (переводная); «Счастливый принц» (по Уайльду); «Ганнеле» (Гауптмана); «Люлли музыкант».

4. 1921-1924 годы. Одесса

Театр «Массодрам» (Мастерская социалистической драматургии): «Власть» (Н. Тверского); «Мещанин во дворянстве», «Тартюф», «Жорж Данден» (Мольера); «Волки» (Ромен Роллана); «Северные богатыри»



Подпись Владимира Мюллера. 1924 г.

(Ибсена); «Женитьба Фигаро» (Бомарше); «Ученик дьявола», «Андроки и Лев» (Б. Шоу); «Герцогиня Падуанская» (О. Уальда); «Рюи Блаз» (Гюго); «Двенадцатая ночь» (Шекспира); «Скупой рыцарь» (Пушкина); «Электра» (Гофмансталя); «Принц Гаген» (Синклера); «Лаодамия» (И. Анненского, не осуществлена); «Ужин шутов» (Сэм Бенелли, не осуществлена); «Том Сойер» (по М. Твену); «Не было ни гроша…», «На всякого мудреца…» (Островского); «Завтрак у предводителя» (Тургенева); «Оле-Лукойе» (по Андерсену); «Праздник крови» (Овод) – (Прокофьева).

5. 1925 год. Одесса

Городской оперный театр: «Фауст» (опера Ш. Гуно, не осуществлена); «Самсон и Далила» (опера Сен-Санса, не осуществлена).

6. 1926 год. Одесса

Держдрама: «Маруся Богуславка» (Старицкого).

7. 1927 год. Одесса

Цирк: «Любовь Яровая» (Тренева, не осуществлена).

8. 1929-1930 годы. Одесса

Городской оперный театр: «Дума черноморская» (опера Б. Яновского); «Корсар» (балет Пуни); «Отелло» (Шекспира).

9. 1931 год

Москва. «МХАТ 2-й»: «Нашествие Наполеона» (Луначарского);

Днепропетровск. Театр им. Шевченко: «Дело чести» (Микитенко);

Одесса. Держдрама: «Штурм» (Корнейчука).

10. 1932-1933 годы. Винница – Сумы

Областной оперный театр: «Евгений Онегин» (опера Чайковского); «Кармелюк» (опера Костенко).*

* https://artinvestment.ru/invest/painters/20110318_muller_new.html

Юрий Дикий

Дипломатия культуры в нынешнем столетии

Дипломат дважды подумает,
перед тем как ничего не сказать.
Уинстон Черчилль

Уже на склоне лет задался вопросом: кто, как и когда оказал на меня наиболее сильное воспитательное влияние? Вопрос раздробился на множество подвопросов – хронологических, субъективных и объективных, моральных и профессиональных, обернувшись цельностью понятия «воспитание» и личным конечным результатом.

Всем известно, что более всего распространено «воспитание» в детский и юношеский период, то бишь во время получения образования, в надежде, что оно окажет свое весьма разнообразное влияние и покажет, что из этого вышло. Об этом много сказано и в этом обнаружено несметное множество «человеческого, слишком человеческого». Однако скромной или скрытой стороной воспитания выделяется тот его результативный компонент, который человек себе обеспечивает самостоятельно из всего широчайшего спектра общения на протяжении всей жизни.

Фазиль Искандер как-то отметил, что «у каждого человека бывают два воспитания: одно, которое ему дают другие, и другое, более важное, которое он дает себе сам». Так в памяти прорисовывается образ тех учителей, которые учителями вовсе и не были, персонифицируясь близкими, друзьями, дистанционными авторитетами, книгами, спектаклями, искусством, гуманитарной наукой; тот картезианский круг картины мира, складывавшийся

веками, – к счастью для некоторых, и сегодня продолжающий свое индивидуально внутреннее воспитание.

«Культура… дело рук человека – в ней он ищет свое отражение, в ней узнает себя, только в этом критическом зеркале он и может увидеть свое лицо», – утверждал Ж.-П. Сартр.

Если более пристально вдумываться в природу возникшего вопроса, обнаруживается явная причинно-следственная связь с годовщиной памяти человека, весьма непродолжительное общение с которым дивергентно огромному воспитательному влиянию, им оказанному. Его нет с нами ровно год, общались мы уже полтора десятка лет назад, однако его пример, его жизнь подают нам интереснейший образец воспитательного влияния на формирование личности в уже зрелом периоде нашей жизни.

В современных дипломатических кругах Украины одно из ведущих мест принадлежало Чрезвычайному и Полномочному Послу ФРГ в Украине господину Дитмару Штюдеманну (2000-2006 гг.), советнику Президента Украины В. Ющенко (2006-2008), а впоследствии, до 2021 г., члену наблюдательного совета крупнейшего в ФРГ «Дойче Банка» (Deutsche Bank).

Политики, экономисты Украины и Германии знали и ценили аналитические и прогностические способности этого выдающегося дипломата. Его уникальная личность была реализована наряду с исполнением разнообразных служебных обязанностей гораздо шире и богаче в гуманитарной и культурной жизни нашего государства в начале нынешнего столетия. В Украине имеются все основания так полагать: в 2002 году ему присвоили звание «Человек года».

Живопись и музыка, литература и наука, жизнь и особенности современных общественных организаций, меценатство и религия намного расширяют его прямые служебные обязанности. Постоянный приток новых идей и их воплощение восхищают безукоризненной организованностью и тактичной настойчивостью в их реализации. Частые посещения нашего города, обусловленные отнюдь не только дипломатическим протоколом и служебным долгом. А сверх этого – концерты и выставки, фестивали и благотворительная работа германских институтов, здравоохранение и образование, защита животных и восстановление знаме-

нитой одесской кирхи – далеко не полный перечень тематики в жизненной полифонии необыкновенного дипломата.

Не претендуя на цельный охват, тем более полную оценку деятельности этого исключительного человека, замечу, что многие факты его биографии жизненно иллюстрируют удивительные примеры нашей взаимосвязи и взаимопонимания.

Дитмар Штюдеманн

Поводом для нашего знакомства послужило телеинтервью известной одесской журналистки Натальи Смирновой, которое она взяла у посла, где, в частности, говорилось о спасении одесской кирхи и моем участии в этом событии. Интерес посла к подробностям этого спасения еще в 60-е годы привел к нашему знакомству – он же проявился в первой же нашей беседе.

С одесской лютеранской общиной посла связывало его вероисповедание. Его впечатления от разрушенной кирхи еще более оживились благодаря подробностям биографий Святослава и Теофила Рихтеров, проживавших на этом памятном месте. А поскольку его музыкальные пристрастия в бытность на дипломатической работе в Москве обеспечили ему близкое знакомство со Святославом Рихтером и Ниной Дорлиак, то в дополнение к рассказу о семье Рихтеров мой музыкальный сувенир послу (два CD с большой программой фортепианной музыки) стал прологом нашего дальнейшего тесного заинтересованного общения.

2002 год завершался подготовкой и проведением первого одесского «Рихтерфеста» под названием «Декабрьские встречи».

Выступление Д. Штюдеманна на открытии в посольстве ФРГ «Рихтерфеста-2005»

Я отправил приглашение послу с супругой. Последовал незамедлительный ответ:

«Дорогой господин Дикий!

Большое спасибо за приглашение на праздник «Рихтерфест» с 14 по 21 декабря 2002 года. Охотно вспоминаю нашу встречу в Одессе. С удовольствием и часто слушаю записи на компакт-диске с Вашей интерпретацией произведений Шуберта, Шопена и Скрябина.

В Киеве меня держат срочные дела, поэтому я, к сожалению, не смогу приехать в Одессу. Но я сердечно приглашаю Вас посетить нас в Киеве. Если Вы сможете организовать такую поездку на определенное время, то представляется возможным провести вечером в нашей резиденции фортепианный концерт, на который я пригласил бы ряд коллег-послов».

Не часто приходилось отмечать такую ответную заинтересованную реакцию тех, кому я дарил записи. В этом же случае неподдельный интерес посла был удовлетворен.

В кабинете посла после концерта

Наша первая встреча в резиденции посла, включавшая концерт в двух отделениях, для его коллег – девяти послов в Украине – раскрыла совершенно новые неожиданные перспективы взаимного интереса к друг другу, который и нашел свое продолжение в следующие несколько лет. Аналогов заинтересованности такого высокого должностного лица в весьма близких, можно сказать, откровенных контактах в столь короткий срок знакомства у меня не было, да и нет.

Все это подтверждается свидетельствами широчайшего круга интересов посла, помимо служебного долга нашедших отражение в его деятельности и публикациях, которые он нам оставил. Мы откровенно обменивались мнениями во время вечерних бесед в резиденции, порой затягивавшихся далеко за полночь в его кабинете за любимым в семье кофейным столиком, сопровождавшим посла во всех переездах из страны в страну. Темы бесед часто уходили в глубокие профессионально-исполнительские подробности, которые я иллюстрировал на прекрасном рояле в его кабинете.

За роялем в кабинете резиденции посла

Собственно, личность Святослава Рихтера и его семьи плюс музыкальные пристрастия посла, играющего на виолончели, стали прочной основой нашего общения, поскольку в одном из более поздних одесских интервью он говорил:

– Я думаю, для Одессы Святослав Рихтер является исключительно представительной фигурой, которая навсегда займет свое выдающееся место. Не только из-за того, что он был вообще ярчайшим пианистом XX столетия, не только из-за того, что в его судьбе преломлены многие трагические события предыдущего столетия, но из-за того, что его корни генетически вплетены в развитие мультиэтнических отношений в Одессе.*

Оставим пока в стороне его интереснейшие высказывания о текущих весьма острых политических ситуациях с некоторыми откровенными характеристиками новой поросли политиков, особенно «озимого поколения», что, откровенно говоря, для меня было неожиданным в устах высокопоставленного дипломата.

* Интервью посла журналу «Пассаж».

Но все же это был некий фон, событийное закулисье, широкое поле для наших музыкальных и литературных обсуждений в содержательных подробностях, на мой взгляд, более интересовавших посла на момент беседы.

Понятно, что общепринятая официальная версия взаимоотношений Рихтера и Одессы в наших беседах сразу же обрела новое для посла содержание. Даже в фильме Б. Монсенжона «Непокоренный Рихтер» она была подана в весьма скромном виде, не говоря уже о мелких неточностях, что впоследствии я обсудил с самим автором фильма. Получив в этих беседах фактический материал, касающийся скрытых рихтеровских проявлений по отношению к Одессе, ознакомившись с подлинными документми, неизвестными для мировой общественности, он смог в своем интервью утверждать:

– Мне думается, Одесса всегда оставалась для Рихтера некоей мечтой, потому что Рихтер, находясь в плотном немецком окружении (пусть даже не всегда осознаваемом), проживая на территории бывшего немецкого городка, получал известную долю немецкого воспитания, наполнявшего его до конца дней не только тоской, но и мечтой о родном городе. Он сам мне это говорил, поскольку я его знал с 1985 года, и мы общались семьями. Однажды он мне сказал, что в кругу его знакомых и друзей его называли немецким философом рояля. Он также добавил, что это не совсем правильно, поскольку славянское влияние со стороны матери находилось в созвучии с наследием отца. И эта смесь, по его мнению, сделала его художником.**

Да и слова посла «Святослав Рихтер – немецкий гений Одессы» никак не слагались с российско-московским «оприходованием» нашего земляка. Ознакомившись с новыми одесскими материалами о юности Рихтера, его перепиской с теми одесситами, имена которых вообще не возникали в тщательно фильтруемых центральными культурными спецорганами биографических публикациях, посол не только дополнил близкое знакомство с рихтеровской семьей, но и обогатил подробностями свое субъективное мнение о гениальном пианисте. Правда, некоторые детали, о которых рассказал посол, и для меня оказались новыми

** Журнал» «Пассаж».

и неожиданными. Ведь не могли же в Москве появиться материалы о тайных личных просьбах Рихтера снять любимые памятные места Одессы. Фотографии впоследствии передали ему лично близкие друзья. Даже спустя пять лет после кончины Рихтера так и не возникал вопрос: почему такие материалы не попадали в московские рихтеровские летописи?*

В своих одесских интервью Д. Штюдеманн подчеркивал особое значение одесского периода:

– Мое упоминание о Теофиле Рихтере и его сыне Святославе служит символом, то есть является важным мостом в нашу современность, в XXI век. Предстоит еще много сделать, и, должен сказать, что с немецкой стороны такая готовность есть. Важно и то, чтобы и одесситы осознали значимость подобных шагов, которые и сегодня ввели бы Одессу в ранг музыкальных городов общеевропейского значения.**

Общим знаменателем единства наших взглядов было отрицание некоей столичности, централизованного чванства и всевластия центрального чиновничества, этакая распространившаяся за советские десятилетия чиновничья хлестаковщина, ныне обратившаяся в фашиствующую московию (рашизм) с ее вековыми захватническими аппетитами.

Сложный этап возрождения независимой Украины во всех его проявлениях уже тогда был в центре внимания посла, в том числе ее культурное достояние.

«Богатство страны, – говорил посол, – не только Киев. Столица Украины, как у нас говорят… «водяная голова». Богатство страны все-таки в регионах, где сокрыты большие возможности».***

Регулярные приезды посла с громадным перечнем инициатив в Одессу были настолько содержательно разнообразны, что их перечисление просто невозможно в рамках этой публикации, как, впрочем, и смысловая сторона нашего общения. Он ее официально в самых высоких оценках высказывал в Большом зале Одесской консерватории (ныне академии)

* Перечень публикаций.
** Журнал «Пассаж».
*** «Наследство – одно, а собственная жизнь – другое». – Журнал «ДНК», август 2005 г.

Приветствие посла на заключительном концерте «Рихтерфест-2005»
в Малом зале Киевской консерватории

в присутствии высшего областного начальства, отнюдь не благоволившего к моей персоне.

В статье «Посол Германии – посол культуры» журнала «Пассаж» писалось:

«В 2003 году он уделил большое внимание различным событиям в рамках Дней культуры ФРГ в Украине, а также I Международного фестиваля немецкой музыки, впервые проводившихся в Одессе. Приветствуя участников и слушателей в Большом зале консерватории, Большом зале филармонии, Литературном музее, г-н посол отмечал особенности и наметившиеся успехи нашего региона в экономической и гуманитарной сферах.

(...) В дни проведения праздников «Рихтерфест-2002» г-н Д. Штюдеманн прислал свое приветствие фестивалю. Традиции музыкальной истории Одессы с ее своеобразием и мировой известностью имен привлекли внимание г-на Штюдеманна и его супруги как истинных поклонников высокой музыкальной культуры».

Есть основания полагать, что в глубинных мотивах деятельности посла основой были не только его исключительная порядочность, культурологические интересы, но и подлинная европейская демократичность, проявлявшиеся в постоянном интересе к развитию гражданского общества в Украине. Его программная статья в феврале 2002 года в «Зеркале недели» начиналась такими словами: «Гражданское общество стало темой обсуждения в Украине. И это – добрый знак в смысле дальнейшего развития страны».*

Да и присуждение в конце 2002 года Международной премии в области дипломатии «За активное содействие плодотворному сотрудничеству Германии и Украины» предопределяло установившиеся между нами близкие отношения.

Его пристальное внимание и поддержка Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера стали проявляться в поступавших от него предложениях. Идеей посла стала реализация представительства Миссии в самых высоких государственных и дипломатических кругах Украины.

«В период проведения Дней культуры ФРГ в Украине 10 декабря 2003 года в резиденции Посла ФРГ в Украине состоялись традиционный музыкальный вечер и ужин, куда были приглашены г-н Джон Хербст, Чрезвычайный и Полномочный Посол США, с супругой; г-н Роберт Бринкли, Чрезвычайный и Полномочный Посол Великобритании, с супругой; г-н В.М. Пинчук, народный депутат Украины; президент Всеукраинского благотворительного фонда г-жа Е.Л. Франчук, президент фирмы «Зайлер-пианос» г-жа Урсула Зайлер, первый заместитель министра иностранных дел Украины г-н А.А. Чалый с супругой, г-жа Барбара Монхайм, г-н М.А. Пинчук с супругой, г-н В.В. Шелест, а также глава Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера в Одессе профессор консерватории Ю.Б. Дикий с супругой.

В вечернем концерте при свечах в исполнении пианиста Юрия Дикого прозвучали произведения Л. ван Бетховена, Ф. Листа, Ф. Шопена, А. Скрябина и С. Рахманинова, а *затем состоялся непринужденный дружеский обмен мнениями о дальнейшем развитии культурных связей, о наличии гражданского общества*

* «Зеркало недели». 2 февраля 2002 г.

в Украине, о роли общественных движений и организаций. Предметом беседы стали проведенные в Одессе праздники, посвященные 95-летию со дня рождения Д.Ф. Ойстраха, – «Ойстрах-Ассамблея – 2003», фестиваль памяти П.И. Чайковского как знаковые события нашего города в год, объявленный Президентом Годом культуры» (выделено мной. – **Ю. Д.**).**

ПРОГРАМА
"Мандрівник XX століття"
Невідомі сторінки Святослава Ріхтера
«Документ»
Юрія Макарова
канал «1+1»
ВИКОНАВЦІ:
Юрій Дикий
фортепіано, Одеса
Кіровоградський муніципальний камерний хор
художній керівник – заслужений діяч мистецтв України
Юрій Любович

Буклет заключительного концерта «Рихтерфест-2005» с факсимильной подписью Д. Штюдеманна

Прояснился ли вопрос, почему спустя десятилетия такие материалы не попадали в московские рихтеровские летописи, подробно и скрупулезно публикуемые в СМИ?

Уже в 2005 году благодаря содействию Д. Штюдеманна в Киеве прошли открытие в посольстве и закрытие в киевской консерватории II Международного фестиваля «Рихтерфест» с его непосредственным участием. Масштаб Международного фестиваля «Рихтерфест» к 2005 году значительно вырос, фестиваль прошел во многих городах Украины.

К деятельности Миссии присоединилась общественная организация «Елисаветградская хоровая академия», благодаря выдающемуся хормейстеру, заслуженному деятелю искусств Ю.В. Любовичу принявшая участие в большом заключительном концерте в Киеве, а впоследствии неоднократно дававшая большие хоровые концерты, в частности, на открытии барельефа Теофилу Рихтеру на здании кирхи в 2012 году.

Большая выставка материалов о деятельности Миссии, представленная на закрытии фестиваля, наряду с заключительным концертом с участием Посольства ФРГ, Министерства культуры

** Журнал «Пассаж». Посол ФРГ – посол культуры.

и дипломатических кругов при проведении «Рихтерфеста-2005» были незабываемыми событиями в культурной жизни Украины.

Уже после завершения своей каденции в качестве Посла, а затем и советника Президента Украины Д. Штюдеманн продолжал оставаться верным своим идеям развития гражданского общества в Украине, публиковал полемические статьи в журнале «Тиждень», отстаивал свою позицию уже в период правления В. Януковича: «Изменения возможны только благодаря развитию гражданского общества. Это сложно, но не безнадежно. А по-настоящему вы станете им только тогда, когда в сознании каждого индивидуума созреет мнение, что государство – это не Банковоя, не Грушевского, это вы все вместе. Надо найти мужество принимать смелые решения, и я считаю, что в конце концов так и будет в Украине. Люди уже не хотят жить так, как раньше. Я знаю, что у вас много гражданской активности, когда люди чувствуют себя ответственными за происходящее в стране. Но гражданского общества еще не существует, потому что основа для него – взаимопонимание и взаимодействие всех структур и проектов».*

Человек подлинно демократического мировоззрения, Д. Штюдеманн благодаря своим широчайшим культурным интересам для меня стал идеальным образцом современного европейского воспитания. Он всей своей жизнью подавал пример гражданственности в ее высшем понимании. А это и есть *культура*, обретенная воспитанием и исполненная самодидактикой.

«Понятие гражданского общества неотделимо от современного понимания демократии. Демократический режим – не только честные выборы, формальные процедуры и взаимный контроль органов власти и политиков. Это еще и возможность свободной реализации интересов граждан, развития их потенциала и эффективного влияния на должностных лиц. Собственно, власти должны обслуживать общество, выполняя для него государственные функции. Свои интересы граждане реализуют как самостоятельно, так и объединяясь в группы со статусом институтов гражданского общества».**

* «Помогите себе сами». – Журнал «Тиждень». 09.04.2012 г.
** «Гражданское общество и его враги». – Журнал «Тиждень». 04.04.2012 г.

«Европейский гражданин» как некая идеальная, формирующаяся для нас в XXI веке фигура, производная от сложившейся веками европейской культуры при всех национальных особенностях формируется в сложнейшем и пока еще противоречивом процессе, несущем на себе качественный отпечаток культурного воспитания.

Святослав Рихтер часто вспоминал о том, что его отец Теофил рассказывал о своем обучении в Австрии. Свое австрийское воспитание Теофил передавал сыну Светику, который по старому альбому, хранившемуся в семье, заочно знал все достопримечательности Вены – так он опосредованно получал отцовское европейское воспитание.***

И Дитмар Штюдеманн в нашем общении оказался таким воспитательным образцом будущего европейского уровня в нынешнем столетии. Кульминационной точкой наших встреч послужил его откровенный рассказ о жизни и семье как важных условиях своего формирования. Этот материал, безусловно, заслуживает отдельной публикации, поскольку зримо иллюстрирует все стороны духовного богатства выдающегося дипломата.

Приведу лишь фрагмент его откровенных воспоминаний, говорящих сами за себя:

«Мне был более интересен опыт общения с теми, кого я знал лично. Я помню прадеда, который родился в XIX веке и большую часть жизни провел при Габсбургской династии. Он часто рассказывал о золотом веке Вены и Австрии, продолжавшей оставаться культурным центром Европы до конца мировой войны. Я любил его слушать, поскольку родился в Австрии. И моя мать оттуда родом. Ее предки жили в Италии, Венгрии, Богемии… и, разумеется, в Германии. …Если для составления родословной важно знать, откуда ты родом… для общественной жизни намного важнее другое: кто ты, что сделал и как развивался. Я на сто процентов уверен, что все унаследованное человек должен для себя зарабатывать заново».****

*** Этот альбом подарен Миссии.

**** Журнал «ДНК». – Одесса, 2005, № 4 (13).

Эвелина Шац

Маленький трактат о черном цвете

Пособие для анализа живописи

Можно утверждать, что цвет истинной свободы – это черный цвет.

А. Арто

О черном цвете, получаемом из высушенных виноградных выжимок, проваренных в печи и протертых с клейковиной, как об одном из оттенков черного, которым пользовались Апеллес, Полиньот, Микон и другие знаменитые древнегреческие художники, упоминает Плиний.

Результаты химического анализа свидетельствуют о том, что египтяне использовали сажу, разведенную жирами, евреи – танин, дубильный орех и чернику, римляне – древесную кору, ядра миндаля, чернильный орех и сульфат в смеси с железом и медью, а также множество других природных веществ, таких как лигнит, битум, битумные сланцы, пирозюлит и некоторые окислы железа. А наиболее важными и распространенными оттенками черного, описанию свойств, процесса изготовления и применению которого классические авторы уделяли особое место, без сомнения, были atramentun (зловеще черный), добываемый из древесной сажи, и elephantinum, получаемый при сжигании слоновой кости.

«Самый белый из цветов это черный цвет, – сказал Поэт. И тут же добавил: – Черный же есть и единственный путь». Ибо это пространство свободы. Или бесконечной тьмы. Цвет алгебраический. Точнее даже – метацвет. Цвет, равный лишь нулю (0). То есть метазнаку.

Когда знак, выражающий Ничто, точнее – знак Отсутствия, входит в лексикон, что при этом происходит? Он может определить характер изменений, стать их парадигмой, приобрести тем самым заметную роль. Необходимость обозначения сути – конф-

ликтное интеллектуальное состояние, ибо связано с предопределением неэкпрессивности, неброскости ее внешней формы. Связь с *Ничем*, с пустотой, местом, где пребывает *Ничто*, превращает его в пространство вечной смысловой игры между обозначением отсутствия вещей и отсутствия знаков.

А вот как может говорить о черном цвете Поэт, этот вечный иллюзионист: черный как пурпур, черный как круг, черный как солнце, и даже черный как ночь. «О, ночь, когда обманчивый свой свет льют звезды, ночь, единственное, что соразмерно Вселенной. Дай стать душой и телом, твоею частью, дай утонуть в сознании, что сам я стал глухой и черной тьмою, сам стал ночью, не льща себя мечтой, что и во мне засветят звезды, не надеясь, что воссияет солнце». Так передал эту смысловую игру и рассказал о своем желании стать черным телом, ночным телом, свободным телом (!) *иллюзионист* из иллюзионистов, Фернандо Пессоа. А поэты, когда хотят придать луне и озаряемой ею ночи какой-то цвет, способный выразить всю ее бесконечность, всегда обращаются к *черному*.

Черный цвет роднит ночь с земными глубинами, плодородным нильским илом, с цветом зрачка.

Зрачок это 0.

	kùanos:	стеклообразная масса, цвет лазури, темный, исчерна-синий, черный с синим отливом, свинцово-черный
в греческом языке	mèlas:	черный, все что чернеет
	kelainefés:	темный, мрачный, пасмурный
в латинском языке	ater:	отсутствие света, отсутствие освещения, тьма, чернота
	niger:	ослепительно-черный, отливающий черным, иссиня-черный, цвета воронова крыла

А в сумме получаем: страх, отчаяние, яд, темные тучи, пауки и змеи, предчувствие смерти, невнятицу языка.

Оттенками черного являются и другие темные цвета: темно-серый и густой индиго. Все это также цвета, равные нулю, числу, которым Шопенгауэр обозначал черное. А ноль это не просто отсутствие. Он не есть *Ничто*, это не просто изъятие чего-то. Не является он и чем-то целым. Это – метацелое. Некое правило, относящееся к целым и их взаимосвязям. А может быть, он и есть начало? Тогда равнозначен ли он черному? Тому самому, в который окрашено мироздание.

В начале была лишь черная тьма, ничем не ограниченная в пространстве. Так полагали финикийцы, так же считали и египтяне. А разве не напоминает тот же символ (0) *Космическое Яйцо* египтян и финикийцев, позднее заимствованное бельгийским астрономом Жоржем Леметром? Оно обозначает тот период жизни Вселенной, когда вся материя умещалась в одном черном теле. Период совершенства и всеохватности. Начала и конца. Черный цвет, как и ночь, годится для выражения как крайней сосредоточенности, так и скрытой невысказанности. Разве не были местом рождения Зевса черная ночь и мрак пещеры? И разве не являлась *темница* божества месопотамского Мардука *вместилищем судеб, обителью предопределений*?

И наоборот. Черный цвет / ночь могут быть символом виртуальности, потенциальной возможности. Как сложный алгебраический знак они могут быть воплощением созидательного разума*:* «Воистину переполнен я безграничными возможностями» (гл. LXIV «Книги Мертвых»). И Господь в Давидовом псалме облекался во Тьму, словно в покров, темные воды и тучи густые обнимали его.

Черный цвет это и цвет богинь, олицетворяющих материнство (Земля), дарительниц жизни и смерти. Это безымянная смерть. Сама суть в ее наивысшем проявлении. Круглый ноль. Еще немного – и она станет такой же редкостью, как *собственная* жизнь. *Наша* смерть забыла пути паломничеств, подводившие нас к ней. Утратила дрожащий *цвет* сумрачной мглы, размеренной ритмом Вселенной.

Если перефразировать слова Адорно об опыте смерти, некогда воплощавшем «абсолютную цену того, что представляло собой абсолютную ценность», то можно сказать, что сегодня «вместе с индивидом, растворившимся в обществе», исчезает и черный цвет / ночь. Здесь уже скорбь Рильке.

Черный цвет / смерть манит своей неуловимостью и отдаленностью. А вот сегодня серый цвет / дым современной демократии подводит нас к представлению, что смерть черный цвет есть не что иное, как выделение живого существа из консорциума общества. Субъект, умирающий сегодня, словно проваливается на глазах куда-то все глубже, все более отдаленной делается его заря / белый цвет.

«Незавершенность и конечность бытия обрекают нас на пытливое всматривание в черный цвет. В иной лик жизни, нам противостоящий, скрытый для нас мраком» (Рильке). Ибо он означает «свободу умирания», свободу молчания, свободу нуля, но еще и свободу иной грамматики. Грамматика запятых и пунктирных прочерков, грамматики пробела и бытия. Одним словом, грамматики белого цвета (что по Шопенгауэру является уже единицей – 1), отнимающей у смерти / черного цвета такое ее значение, как «бездна». И вот, изгнав идею об изначальной смерти *каждого*, мы блуждаем в пространстве смерти, принимая ее лишь тогда, когда не умирает *никто*.

И вот художники, творители черных полотен теперь, когда исчезли все приметы лиц и имен, не ища никакой защиты, отдают себя во власть чистой событийности в рамках «самого полного Круга» (Рильке). «Дай мне смерть, что не была бы моей смертью, – пишет Рильке, – пусть не умирает *Никто*, пусть это будет умирание, что-то связанное со смертью, но так, чтобы мне не пришлось умирать, чтобы это не было событием, имеющим отношение ко мне, выпавшим лишь на мою долю. Пусть это будет нереальность, отсутствие, чтобы ничего не происходило, чтобы не чувствовать ни любви, ни волнений, ни страдания. Одно лишь расставание со всем».

Черный цвет как постижение искусства забывать. Деяние высочайшее. Но, как известно, едва лишь высочайшее посягнет на то, чтобы кого-то или что-то себе подчинить, над кем-то или

над чем-то возвыситься, оно сразу дает себя разлучить с диалектикой. Ускользнуть от рабского помысла сохранить жизнь. Вот суть романа «L'Œuvre au noir» (восходящее к латинскому *opus nigrum*) художницы своих писаний Маргерит Юрсенар.

«Мало кто умеет умирать», – сказал Савинио. Мало кто и умирает. Смерть – это акт энергетический. Взглянуть на солнце – значит сгореть, сжечь себя. Познание уже за этой чертой. Это черный арабский камень алхимиков: nigrum – nigius – nigro (черный – более черный – еще более черный), включающий в себя все пути. «Путешествовать? Чтобы путешествовать, достаточно просто существовать. Я перехожу от одного дня к другому так, словно меня несет от одного вокзала к следующему поезд моего тела или моей судьбы». Пессоа и был одним из этих немногих. «Будем молчать о непостижимом. Сойдем вниз, так и не сумев приподнять этот покров».

Размышляя о потустороннем, он здесь словно перекликается с Гильгамешем.

– Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой!
Расскажи, как устроены земли, что ты повидал.
– Не скажу, друг мой, не скажу, друг мой.
Ибо если б рассказал тебе, как устроены земли, что я повидал,
ты сел бы и возрыдал.
– Так сяду ж и возрыдаю.

Они и правда усаживались, всегда, эти художники/поэты и рыдали.

Над оксюмороном: черный цвет – это свет, да, это черный цвет. Над метафорой и метафизикой. Вспомним пещеру и солнце у Платона. Солнце – это знание. Черное солнце невидимо. Точнее – сверхвидимо. Факт метафизический. Именно это и утверждает Деридда: «черная сердцевина света». А согласно Поэту, «слеза Меркурия горяча».

Любое художественное произведение всегда содержит напоминание о времени. «Черный квадрат» Малевича на самом деле это поле битвы, которую ведет время. Время двадцатого века. В небе памяти Казимира повисли кресты – и туда, во главу угла

мысли века, в напряженном броске кривых дуг рвутся кони духа Кандинского, устремленные к абсолюту, где квадрат – икона Казимира – уже занимает весь горизонт трансментального неба всего XX века, да и сейчас освещает черным наш лихорадочный путь, усеянный вереницей объектов, спешащих непрерывным потоком по картам анатомии цивилизации на закате. А дальше черная ночь? Скорость здесь такова, что парализует движение.

Это уже было у футуристов и у многих других. Если воспользоваться выражением Джилло Дорфлеса, время – фетиш, скорость – абсолютный императив. Это диегетическое (кинотеатральное) время тяготеет к воссоединению с *вечным настоящим* Древнего Китая.

Согласно Дорфлесу, эта фетишизация скорости увлекает нас к новому варварству. К *regressum ad uterum* всего человеческого сообщества. Так миланские художники Альваро и Маццолени и пытаются причудливостью своих акриловых узоров на черном фоне заполнить этот разрыв. Эту утраченную паузу. Вернуть то *вечное настоящее*, что предшествует этому дьявольскому отсутствию интервала, заключающему в себе ускорение ритма, а вместе с этим и забвение, присущее *ничему*. В правилах западной музыкальной нотации ближайшим к нулю является знак молчания, метанота – пустота, пауза.

И если уж учить вслушиваться в это пространство искусства в черном цвете, то нужно уметь слышать здесь пронзительное приглашение к рассуждению о том, что такое *Ничто* и его диалектическая противоположность – Все, Космос, Бесконечное. Вспомним «De pictura» («О живописи») Рафаэля Альберти. Черный и белый цвета, несомненно, делают изображаемое более рельефным. Но одновременно – согласно классикам – именно соединение белого и черного порождает цветность. Цвета и запахи, саван и савское дерево. Вечное биение о тело существования, выживания, забвения и уничтожения. Вплоть до риторических парадоксов по поводу *nihil*: а в качестве примера зрительного оксюморона см. *ничто* в натюрмортах голландских живописцев, в поражающих, словно чудо, живописных пророчествах, уже оглохшего черным Гойи, и как завершение – в мрачной грамматике Малевича и Родченко.

«Сумерки собора и сумеречный собор… – так рассуждает С. Эйзенштейн о фазах освещенности, тональном световом *оживлении* собора в «Иване Грозном»: – Они столь же отчетливы, как те словесные обозначения, которые могут охарактеризовать от эпизода к эпизоду эти последовательные световые состояния собора. 1. Темнота собора. 2. Темный собор. 3. Люди в темном соборе. 4. Собор, оживший огнями».

«Ничто невозможно увидеть в этом мире иначе, как при свете, смешанном с тьмой, в освещенном мраке. Следовательно, цвет есть свойство затемненного тела, затемненного света», – писал Кихтер, которого уже цитировал Гете.

Вот такие и иные мысли приходят нам в голову сегодня при встрече с композициями итальянских художников Альваро и Маццолени, которые с помощью черного цвета (одного из четырех цветов геральдики) создают свои композиции, скорее даже компонуют полихромию в ярком и пронзительном свете, в светящемся воздухе под безоблачным восточносредиземноморским небом той страны, что владеет всей шкалой цвета.

Милан

Владислав Китик

Проказенить взрослую жизнь

Детство заканчивается, когда начинаются воспоминания о нем. А пока живешь в его пенатах, происходящее не с чем сравнивать: все внове и впервые. У тебя еще нет «прошлого опыта», и только созревают вопросы, на которые, преодолев догадки, придется отвечать потом, на экзамене взрослой жизни. В настоящем же отсутствует ощущение времени – в наличии лишь пространство: своего дома, класса, школьного двора.

«Есть только будущий опыт», – говорит об этом Вера Зубарева, предлагая читателю повесть в рассказах «Школьный двор»: место, где народ, населяющий детство, обитает в виде персонажей, наживающих этот опыт. Постепенно время обтачивает события, определяющие характер каждого. Или формирующийся характер одноклассников приводит к выбору событий, нужных для приобретения опыта, – можно и так! Главное, что в повести пульсирует животворный процесс становления личности.

Например, у героини, от лица которой идет рассказ, явственней ощущение этой работы во снах, где появляются ипостаси «Время-река, время-степь, время-лес. Время-мужчина и время-женщина… Пространство-время скручено из памяти звезд, людей и рек, и память… живая, меняющаяся, порождает новые памяти…».

Впрочем, Зубарева подчеркивает в предисловии, что главная героиня – «школа. Легендарная школа № 90 имени А.С. Пушкина». Ей и посвящает свою повесть автор, непроизвольно обращая внимание каждого на подтексты собственного детства. А школа действительно легендарная! О ней имеются статьи в Википедии, у нее есть свой собственный сайт. Воспоминания о ней до сих пор откликаются

в душе ее выпускников. Как пишет Зубарева во вступительном слове: «Школа напитала нас тем, чем мы живы и поныне, что несем в себе и будем нести всегда. И не только мы, но и те, что придут и пришли после нас, каждое последующее поколение. Дух школы, получившей в 2013-м году диплом телепроекта «Достояние Одессы», не умер и не устарел. Он по-прежнему обитает в ее стенах».

В связи с важностью этого аспекта становятся ненужными вопросы о том, совпадает ли повествование с биографической правдой, соответствуют ли персонажи повести своим реальным прототипам или каков баланс между фактическим участием автора в жизни «школьного двора» и его художественным alter ego: «у пера – своя правда».

Гораздо существенней параллельно возникающие воспоминания о собственной школе, переросшей из общеобразовательной в школу жизни. И первое, в чем узнаешь себя, связывая концы двух времен, это сопереживание. А следом – раздумья и рефлексия.

А еще – мистическая возможность проказенить свою взрослую жизнь и вернуться к истокам. Нельзя изменить прошлое, но можно, оглянувшись, непредвзято посмотреть в те дали, как в честное зеркало, и признаться себе, таким ли ты стал, о каком мечтал тот лопоухий мальчуган или та девочка с косичками, заглядывая в будущее. Оправдал ли ожидания, разочаровался ли?

Книга Веры Зубаревой побуждает к критическому взгляду на свой уже сложившийся характер, чтобы дать трезвую оценку себе нынешнему. В немом приглашении к цензуре самоанализа, в отсылке к придирчивости своего внутреннего редактора – и трудность, и значимость прочтения повести. Она не о чьем-то прошлом, она – о своем настоящем.

Внимание автора к деталям, проникновенность и увлеченность, с которыми описаны школьные годы, передаются без напряжения и предвзятости, потому легко вводят в резонанс с течением повествования. Его герои, задиристые соискатели будущего, далеки от депрессии, скуки, одиночества и других возрастных болезней. Они захвачены жизнью, иногда врасплох, в момент несоответствия с образцом послушания. Но в этом проявлено их неосознанное стремление к самораскрытию. Герои «Школьного двора» не притворяются, не подстраиваются под рамки предписаний и стереотипов. Они ссорятся, мирятся и экспериментируют, их соперничест-

во оправдано их любопытством с привкусом авантюры. В этой лаборатории будущего никто не прячет лицо, не напяливает маску, не боится своей правды. Их подростковый максимализм оформлен в признание: «Учителя физики… Мы его жалели всем сердцем, но идти против себя не могли»… Потому, «что кроме физики есть еще и дружба, и братская поддержка, и много всего другого, чему мы пытались его научить перед вступлением в большую жизнь».

Наконец, читателю предоставлена возможность просто, не прибегая к психотехникам, уйти из будней в мир волнений и обид, предвкушений, розыгрышей, похожий на мир приключений. Ощутить огромный эмоциональный диапазон становления личности. В повести нет положительного или отрицательного героя. Есть живые характеры: «Феля, к примеру, была для приключений, Курица – для конфликтов, Янка – для подготовки к контрольным и экзаменам, а вот Ритка – для того, что не описать словами». «Неточка была ювелирным изделием. Настоящим ее призванием <…> было оставаться чудом».

Доминанта интереса именно к внутренним особенностям каждого подчеркнута отсутствием подробностей в портретных описаниях. Так же рельефны аккорды отношений: совместная казенка уроков, публичность конфликтов с учителями, несение почетного караула на Аллее славы, набатная реакция на трагедию на Куликовом поле. И при этом буквально манифестирование индивидуальности. Неоднозначность книги определена различиями вызванного сердечного отклика у разных читателей, некогда тоже прошедших сквозь тернии школьного детства.

Отсутствие хронологической последовательности событий приближает художественное время повести к непроизвольности, с какой заявляет о себе память. С этим Зубарева избежала системной дотошности повести-воспоминания, лишенной вымысла ради документальных совпадений. Взамен же предложила диалектическую достоверность, идентифицирующую дела минувших дней с настоящими. В одном из отступлений заявлено желание: «…прийти в результате творческого процесса к открытиям, которые на деле обогащают наше познание действительности…».

Выводя «формулу будущего», автор повести предлагает критерий выбора: «Есть у меня идея, – сказала я. – Забудем про

Сусанина (прозвище преподавателя. – **В. К.**) и его предпочтения. В конце концов урок – наш. Будем исходить из того, что нам самим интересно… И я предложила тему любви» как «возможность показать, чему мы научились за эти годы». Так было утверждено, что «тема последнего урока – любовь».

Связующим звеном между реальностью и чувствами для школьников оказываются соответствия, найденные в книгах любимых писателей. И как итог: первое правило игры в жизнь – влюбленность. Правило литературы – проявить и выразить рожденные ею чувства. И тогда главным правилом жизни становится искренность. Например, когда, не боясь откровения, одноклассники «договорились рассказывать истории из собственной жизни».

И дальше: выпускники школьного двора, обыгрывая на итоговом уроке сцены из произведений, уже не играют, а словами и действиями выбранных литературных персонажей пытаются передать собственные состояния влюбленности. Так, когда «Том Сойер, смущаясь, сделал предложение Бекки, это прозвучало так, будто Фащ и впрямь просил Риткиной руки».

Одно из необыкновений приключения в том, что оно сводит воедино противоречивые понятия. Вот и в повести Зубаревой: одинаково весомы насмешки и «материнская жалость» к девочке по прозвищу Бублик. Желание «поскорее уйти из школы» так же сильно сдерживает «грусть от расставания». Атмосфера скорого ухода одновременно обостряет необходимость вновь пережить очарование последнего урока. Остается только понять и простить свои ошибки. И тогда дорогими и знаковыми станут негромкие радости наподобие сливочного мороженого после школы. А положенный в портфель родительский бутерброд вызовет запоздалую, но трогательную благодарность.

Когда бег времени напоминает о его необратимости, жизнь «Школьного двора» оставляет ощущение сердечности, которой так не хватает во взрослой жизни. Да часто и сегодняшней литературе, все более погруженной в игры ума и пространных рассуждений или в отвлеченность фантастики, избегающей столкновения с реальными чувствами. Но все равно у каждого однажды заболит нерв – тот же самый, который оживляет повесть: как «жизнь прожить с отличием». Выздоровление придет, если рискнуть жить по-другому…

Александр Дорошенко

Лабиринты творчества

Игорь Потоцкий, Александр Токарев. Лабиринты творчества
Одеса, Друкарський дім «Південь»

Игорь Потоцкий и Александр Токарев. В этой книжке их двое. Два голоса, говорящие друг с другом и с каждым из нас. Голос поэзии – это музыка, из которой возник наш материальный мир, и голос видения и ощущения формы, прикосновения к этому миру. Эти голоса звучат в нашей жизни неразрывно, и, утрачивая их восприятие, мы перестаем различать дорогу, которой идем.

В этой небольшой книге наше прошлое. Далекое прошлое, как говорят историки. Оно отражено в исторических монографиях и во всяких альбомах. Прошли тысячи лет, насыщенных непрерывными изменениями основ нашей жизни. Но мы странным образом помним лучше всего нашу древнюю историю: вот этих самых греков, это освоение великого Средиземного моря, эти школьные еще картинки – стены древней Трои и боевые ладьи древних греков.

Глядя на эти работы Александра Токарева и ответные слова Игоря Потоцкого, я вспоминал наш Город, нашу древнегреческую историю и наше общее детство.

Самая тесная связь с древним нашим родовым миром есть именно у нас, одесситов.

(У нас с Игорем общая родина – Молдаванка. Это такая главная часть Трои. Попробовали бы эти древние греки туда к нам явиться!)

Поэтому мне пришли в голову несколько тем для такого предисловия к такой непростой книжке.

Это, во-первых, наше детство. Пространство, где начинается, если начинается вообще, все, что мы сможем понять и увидеть на путях жизни.

Второе – это древние греки, наши духовные предки. Гомер ошибся, он не все смог понять в этой троянской истории: он не знал ключевого слова, не знал, ради чего это все тогда было затеяно, а ведь речь шла о нашем городе, об Одессе, которая дала имя самому Одиссею.

Третье – это время, в котором мы оказались сегодня.

Наш такой многосложный, такой насыщенный событиями и идеями, такой высокоразвитый и такой пустеющий мир.

Детство

Мальчик смотрит: белый пароходик
Уплывает вдаль по горизонту,
Несмотря на ясную погоду,
Раскрывая дыма черный зонтик.

Мальчик думает: «А я остался,
Снова не увижу дальних стран.
Почему меня не догадался
Взять с собою в море капитан?»

Борис Поплавский

Отпускает мальчик кораблик,
да, всего лишь бумажный кораблик,
уплывет он и не вернется,
и заплачет в краю чужом.

Игорь Потоцкий

Начнем с детства.

Был такой гениальный скульптор, одна из основ «Парижской школы», Константин Бранкузи. Он сказал о духовной основе нашей жизни: «Когда человек перестает быть ребенком, он умирает».

Когда я был подростком, я уяснил себе, разглядывая картинки в какой-то древнегреческой хрестоматии, что все это – Одиссей

и его древние греки в шлемах и копьях, Троянский этот деревянный конь, стены Трои, море и паруса, – что это все происходит сейчас, здесь, со мной. Что я там, среди них, и что это мой парусник идет к моему городу.

Ведь все так просто, наше имя, каждого из нас, – Одесса.

Оно ведь как вздох, оно не с дыханием связано, а с биением сердца. Имя человека, страны, города, если оно правильно выбрано, определяет его судьбу навсегда. Таких верных имен, к несчастью, совсем немного.

Меня удивляет безмерно: как Гомер догадался об Одессе?

И история – она не в книгах, обремененная дурацкими цифрами лет и тысячелетий, она – вот она – рядом, и я – вот он – в ней.

Я реальный участник всех этих событий, или мне там нечего делать. Так выглядит мое впечатление от работ Александра Токарева.

У евреев было удивительное поверье. Когда зарождается ребенок, он, еще находясь в материнском чреве, уже знает всю нашу историю, но начинать жизнь с этим знанием невозможно. И Господь посылает Ангела, и тот, приблизившись к ребенку, прикасается пальцем к месту на его лице, чуть выше рта, над верхней губой. Там потом навсегда остается ямочка. Когда будете бриться, гляньте. И ребенок все эти знания забывает, чтобы начать новое существование на земле, каждый раз исходное, потому что Бог верит в каждого нового человека и питает надежду на его жизненный путь. Там остается, у нас под носом, небольшая вмятина, чтобы мы не чувствовали себя слишком знающими. Нам нужен чистый, еще никем не пройденный путь.

И по этой причине мы не столько узнаем мир, в который попали, – мы его припоминаем и строим вновь. Так создает свои «античные» работы Александр Токарев: он припоминает, как это было тогда.

Наша родина – это детство. Если там, в детстве, мы не разглядим мир, не поймем правильно его первоначальные основы, нам потом уже ничто и никто не поможет его разглядеть. Никакие научения в школах и институтах. Мы научимся писать в тетрадках в косую ученическую линейку, освоим физико-математические законы, описывающие окружающий мир, как разделанную курицу к обеду, и утратим подлинное видение мира.

Это первоначальное видение сохраняет Мастер, если он не забыл свое детство. Если сохранил способность правильно видеть мир.

Время – это миф. Наша земная история – это не кладбище, где остались обглоданные червяками кости. Оно живет в нас, мы, большинство, перестаем различать мир. Это глупая и опасная выдумка – время. И Мастер его приоткрывает, сдвигая штору. Так мы можем вернуться к самим себе, переступить этот порог и пойти по зеленой и свежей траве, разглядывая дарованный нам первоначальный мир.

И, может быть, нам повезет встретить по дороге Одиссея.

Бесонница. Гомер. Тугие паруса…

Осип Мандельштам

Перейдем теперь к нашей, одесской истории об Одиссее и Трое.

Я в детстве мечтал
о героях из песен твоих, «Илиада»!
Аякс был сильней Диомеда,
Гектор – сильнее Аякса,
самый сильный – Ахилл, потому что
он и вправду был самый сильный…
О, мое простодушное детство
и герои твои, «Илиада»!

Антонио Мачадо

Собирались эллины войною
На прелестный остров Саламин.

Осип Мандельштам

Бессонница. Гомер. Тугие паруса…

Всего четыре слова, казалось бы, что в них? Но, прочтя впервые и вздрогнув от торжественности их звучания, от этой

Игорь Потоцкий

музыки, спокойной, тихой, рокочущей, как Океан, в который ты отправляешься, а корабль твой парусный кренит боковая волна, и скрипят паруса на канатах, и еще крики чаек, летящих над твоей головой, над бурунами волн… И можно уже не читать Гомера – что нам Елена? – и где там Троя, маленький городок на краю человеческой истории, – нам предстоит иное, великое, выдержали бы только эти тугие паруса!

Но иначе – если бы не Гомер, если бы он не выделил этот городок, Трою, на самом краю тогдашнего культурного мирового пространства, ведь стояли же на земле великие древние города мира: Иерусалим и Алеппо, великий Крит и Микены, Сидон и Тира, и Карфаген уже был одной из столиц Средиземноморья. Если бы не Поэт, мы бы никогда не произнесли это восторгом звенящее слово *Троя*, вошедшее во все последующие тысячелетия нашей жизни, в поэмы и романы, в хрестоматии школьные, но только Поэту дано вот так, одним словом, взмахом руки и восторженным взглядом определить наш земной путь и самое главное в нем!

«Разве не получил я трех ударов ферулой, двух по правой руке и одного по левой, за то, что обозвал Елену стервой? Разве кто-нибудь из вас пролил больше слез по Гекторе?»

Лоренс Стерн, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Я согласен с Лоренсом Стерном. Это еще надо понять, кто из них кого уволок на самом деле. Бык этот здесь, скорее всего, жертва. Присмотритесь к работам Александра Токарева, и вам станет жаль быка.

Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил – не помню.

Иосиф Бродский. «Одиссей Телемаку»

Троянская война не окончена. Она длится, пока мы живы. И совершенно не важно, кто в ней проиграл. Победа досталась нам. В этом легко убеждаешься, глядя на работы Александра Токарева.

Александр Токарев

Имя нашего города.

Тот, кто его услышал, – нет, конечно, не выдумал, нет, – но расслышал и впервые вслух произнес, – был гений.

Уже был город новых времен, античной памятью хитроумного Одиссея – Одессос. Это на территории Болгарии, где-то рядышком с Варной.

Но это волшебное имя *Одесса*!

Считается, что оно происходит от имени Одиссея, от мужского непростого начала. Одиссей – это море и путь, это Троя и стены, это выдуманная деревянная коняка и дела какие-то семейные с Пенелопой, оставленной дома.

Но Одесса – это ведь женское имя.

Одесса – это звезда над миром, звезда, осветившая мир на его переломе. Если бы не это имя, кто мы, где мы и кем бы мы были!

Выйди на Приморский бульвар. Вечером. И останься там наедине с морем. Отстранись.

Закрой глаза и открой их, и посмотри впервые на наш Бульвар. Вон место, где стояли стены Трои.

Вон высокий подъем, по которому карабкались в наш город древние эти греки.

Это все происходит сейчас и здесь. Вон поднимают эту здоровенную деревянную лошадь по склону наверх к нашему Приморскому бульвару одураченные троянцы. Тянут канатами этот прощальный древнегреческий подарок.

А вон стоит Одиссей, понимая, что Трои ему не взять и придется уйти с пустыми руками.

Одесса.

Когда пели сирены привязанному к мачте Одиссею свои песни, когда соблазняли его смертельно, он и услышал это имя – Одесса. У всех остальных на борту были завязаны уши.

Наша история не пресекается. Она длится в нас. В нашей душе, в руках Александра Токарева, в ответных словах Игоря Потоцкого. Мастер не иллюстрирует мир, не описывает его, не озвучивает – он его создает. Работая в камне, в материале, в слове, в музыке, он возвращает нас к подлинному восприятию бытия.

Это здесь и сейчас: стены Трои, древние и такие молодые греки, старые и такие прекрасные гречанки…

Молодая гречанка не может быть древней!

Мастер предлагает нам подлинное видение мира, чуть приоткрывая его пространства. Дальше мы должны раскрыть свои глаза и видеть, и чувствовать сами.

Два голоса

И, пожалуй, самое важное, что есть в этой книжке. Живые авторские голоса.

Это понимание того, что мы, люди, если идем, то идем вне обычного понимания времени. Что рядом с нами неразрывно и ежесекундно все наше прошлое и самые далекие наши предки.

Ну а Трою на самом деле греки так и не взяли. Коня им вернули. Одиссей до сих пор не попал домой, к своей Пенелопе и ее женихам. А наши корабли плывут по Средиземному морю, отыскивая родину. Не следует забывать, что наше родное Черное море – это лучшая часть Средиземного. Если глянуть на древнегреческую карту, легко заметить, что оно напоминает хитроумную, как сам Одиссей, лису, и что хвост у лисы загнут кверху, к нашему северному побережью.

Родина наша всегда с нами.

И насчет лабиринтов. Когда-то древних греков поразила речушка Меандр. Есть такая на Пелопоннесе зигзагообразная и петляющая чрезмерно река. Плутающая. Древние греки ее изобразили в элементе орнамента – меандре, и не случайно этот меандр в нашем Городе запечатлен на каждом его камне, в бровях у окон, на стенах зданий, в кованом рисунке решеток. Самый излюбленный элемент орнамента Одессы – Меандр.

Можно было бы описать любовный роман Меандра и Одессы! А то, что Меандр – петляющая река, то и мужики ведь бывают разные.

Лабиринт – это не тупик вовсе. Это путь, трудная и петляющая дорога. Идущий ее спокойно осилит. Лабиринт нужен,

чтобы не засыпал на ходу идущий. Это поиск, в котором ноги становятся сильнее, взгляд острее и понимание цели лучше. А лишний зигзаг-поворот полезен. Прямая дорога неизменно ведет в тупик.

Но только идущий осилит такую дорогу!

Молодцы ребята. Хорошую и нужную сотворили книжку.

Читаешь и рассматриваешь ее раз – думаешь, потом читаешь вновь и, отложив ее в сторону, задаешься вопросом: не перечесть ли еще раз, чего-то я там, видимо, не дочитал.

И не досмотрел.

Фото Любови Токаревой

Эдуард Амчиславский

Он первым сказал про музей

Мы познакомились во второй половине 1976 года, когда я вместе с отцом Борисом Амчиславским стал посещать заседания Секции книги Одесского дома ученых.

Всегда буду помнить, как сорок лет назад, в далеком 1983 году после одного из заседаний Секции книги, на котором я выступил с сообщением «Книги Леонида Утесова на моей книжной полке», Евгений Михайлович подошел к нам и сказал: «Собранные вами с отцом материалы, посвященные Леониду Осиповичу Утесову, а также факт твоего проживания в доме, где родился Утесов, дают повод начать работу по созданию в Одессе музея выдающегося артиста».

Через несколько дней после заседания Секции книги Евгений Михайлович пришел ко мне домой (ул. Утесова, 11, кв. 7), чтобы подробнее ознакомиться с собранными материалами. Напоминанием о том дне стала фотография, к сожалению, довольно темная (меня на ней еле видно слева в углу). На первом плане отец – Борис Амчиславский, справа – Евгений Михайлович Голубовский знакомится с нашим собранием.

Это был первый шаг к созданию Музея-квартиры Леонида Утесова в Одессе.

Когда во время кинофестиваля «Золотой Дюк» Е. Голубовский вместе с Ю. Женевской работали над спецвыпусками газеты «Вечерняя Одесса» с названием, одноименным фестивалю, в двух номерах были опубликованы мои материалы на тему «Леонид Утесов и кино».

В квартире Л.О. Утесова, 1983 г.

Затем была публикация подборки редких фотографий Леонида Утесова и выдержки из книги отзывов инициативной группы по созданию музея-квартиры Леонида Утесова в Одессе в газете «Всемирные одесские новости», которую с момента основания редактировал Е. Голубовский.

В 1995 году Евгений Михайлович с докладом «Утесов как часть одесского мифа» выступал на симпозиуме, посвященном столетию со дня рождения Л.О. Утесова.

Е.М. Голубовский был автором предисловия к книге «Моя Одесса» Л. Утесова, выпущенной в миниатюрном варианте.

Евгений Михайлович многократно писал о наших с отцом утесовских исследованиях, о выпущенных нами книгах, посвященных Леониду Утесову.

Иногда Евгений Михайлович обращался ко мне с просьбой связаться с тем или иным человеком, проживающим в США.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Под знаком Утесова...

20 дней с Утесовым по Одессе провел журналист Эдуард Анчиславский и уплавил гору. И так же поплыл последовавшую за этим публикацию в «Кульварных новостях», американского печатного органа, вернувшись из Одессы в Нью-Йорк. Журналиста Эдуарда Анчиславского, одессита, знающего иное за печатью, не регулярно курирующего из одного континента на другой, можно уверенно назвать «утесоманом». Около полувека он собирает по крупицам материалы, документы, малоизвестные сведения и своим неизвестные факты, касающиеся нашего знаменитого земляка. Осуществляет этот «марафон труда» он в единочку. Есть у него в работе соратники и единомышленники – отец Борис Анчиславский и Александр Галас, одесский журналист, знаток истории одесской эстрады.

Результат – совместное творчества – тема книг, которые Эдуард Анчиславский нерутинно делит через окна, чтобы вручить одесским библиотекам и музеям города, презентовать на фестивалях и творческих вечерах, подарить друзьям. И во Всемирном клубе одесситов тоже состоялся литературный вечер с участием Э.Анчиславского и А.Галаса.

Вся выборка книг о Леониде Утесове есть теперь и в Клубе. «Леонид Утесов: миг славы и легенда», «Мрачное море Леонида Утесова», «Я родился в Одессе» – это только из названий. Всего с 2009 года вышло уже десять утесовских книг, в том числе – монументальная Утесовская энциклопедия, работа над которой еще продолжается.

Что сказать, провели Леониду Осиповичу с биографией, занимавшимся исследованием в сингулярности его жизни и творчества.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Э. Анчиславский

А. Галас

В наше взаимоисключающее время трудно найти человека, который сосредоточен только на одном деле.

Особенно журналиста, который вроде бы должен быть в центре событий.

Тем приятнее, что есть подвижники, посвятившие себя одной пламенной страсти. Эдуард Анчиславский вместе с отцом Борисом Анчиславским десятки лет разрабатывают новую науку, не существовавшую до них, – УТЕСОВЕДЕНИЕ.

Начав с газетных статей, они пришли к тому, что выпустили «Утесовскую энциклопедию». За эти годы Анчиславский обросся друзьями, думаю, и врагами, как же без них, но, главное, и единомышленниками в эту работу. Это и известный журналист Александр Галас, знаток в собирательстве сведений об одесской эстраде, и Татьяна Щурова, заведующая музеем научной библиотеки, и...

Во Всемирном клубе одесситов Эдик Анчиславский и Саша Галас представили ПЯТЬ новых книг, посвященных Утёсову.

На сутки, в каждую книгу можно рассказывать и рассказывать. Это не компиляция, это исследования. Не в остановлюсь, пожалуй, на одной – втором томе Утесовской энциклопедии, который недавно вышел из издательства в Нью-Йорке. Всего планируется десять томов. Во второй том вошли буквы Г – Ж, а это тысячи людей друживших с Утесовым, имеющих об Утесове, шутивших и его знают, это композиторы и авторы текстов, в конце концов, имена песен, незаменимые имя.

Убеждена, что для такой скрупулезной работы обычно создается научно-исследовательский институт. А тут два человека, отец и сын Анчиславские, которые успевают еще помогать Утесовскому музею в Одессе, отвечать на вопросы, разбиваться преподавательскими, ведь еще показывается неизвестные-незаконнорожденные дети и внуки Утесова...

Отправляю взгляд 900-страничный том энциклопедии. Профессор Борис Николаевич Фомилов мне известен. Выдающийся художник русской эмиграции. Одессит. Учился в Мюнхене и Парижке у самого Моранда Дюка. Член общества Независимых художников Одессы, иллюстратор издательства «Омфалос».

Не причем тут Утесов? Оказывается Борис Гроссер жил в Одессе до эмиграции на ул. Еврейской, 22 и кв. 5 в семье своей тети Пилипы Осипа, а муж тети – Илья Осипа был двоюродным братом Утесова.

Кто сказал после такого пассажа, что Одесса – не «большая деревня»

На этой же странице я улыбнулся.

Алфавит поставил рядом с Гроссером Андрея Громыко.

Ну, а он какое отношение имеет к Утесову? Оказалось, что в приветствии Михаила Ефимовича в 70-летнему юбилею Утесова прозвучали на всю страну слова из песни, написанной Александром Менделевичем Барнабейтом, автором одесского театрального училища:

«Ты в Москве был, как конгуа Одессы,
Хоть Громыко об этом не знал».

Думаю, и сейчас дети и внуки Громыко не знают, что им удастся честь попасть в Утесовскую энциклопедию.

А я обрадовался, что в этом томе есть Гарик Галустян, Вольдар Гридин, Юля Жолевская – мои друзья, что делал странички посвящения мне и Вале Голубенской... У каждого из нас свои соприкосновения с Утесовиной.

Все книги Эдуард Анчиславский и Александр Галас подарили Научной библиотеке в Всемирному клубу одесситов, так что можно показаться справка – экспонат.

Да, и в одной из книг есть диски моих песенок Утесова о Черном море. Так что немудрено, которой в молодости нам себе музыкант, он отправил своим творчеством.

«Глоток хереса»

Свою первую книгу рассказов Григорий Барнц, директор Всемирного клуба одесситов, назвал «Глоток хереса».

Ехал на презентацию, и я уже готовился первая фраза. Если Андрей Синявский говорил, что у него с советской властью эстетические разногласия, то у меня с клубом, его директором, как видно, гурманские разногласия: что за дом – глоток хереса, и его в Одессе нет крепленый херес?

Но фраза не понадобилась – мне задал великолепный сухой херес. А вначале, и вообще, в водке, я всё было под стать очень одесской, остроумной и ностальгической книге рассказов.

Сейчас часто произносят слова – социальный лифт. И вот таким лифтом стал для Григория Исааковича Барнца Всемирный клуб одесситов. С декабря 2017 года он – директор клуба. Все рассказы, вошедшие в книгу, написаны в 2018-2020 годах. Аура клуба, магия творчества Жванецкого, прекрасные юмористические встречи писателей. «Медвежий гамбит» не могли не побудить Григория Барнца к творчеству. Если видно, что журналист, он делал интервью книг своих начальников, то теперь он мог рассказать свои истории.

Кстати, повседневные Жизнь, из жизни Молдованки, работа на «радикале», создание своего предприятия – «фальшивомонетного завода» – давало неисчерпаемый запас сюжетов.

А из выступлений Валерия Хаита, Ларисы Будко, Бориса Эйдельмана (в его издательстве вышла книга) мы узнали, сколько смешных, трогательных историй еще не рассказано Барнцем и ждут воплощения в следующей книге.

Кстати, в только что вышедшем альманахе «Дерибасовская – Гришельеевская» мы опубликовали новый рассказ Барнца, не вошедший в «Глоток хереса», так что у следующей книги уже есть задел.

Вот только вопрос: как автор назовет книгу – «Второй глоток хереса», а может – «Бокал шампанского»?

Чаша моего писательского терпения переполнена: переполнена переполнена. Это понятно: хочется предъявить миру свой труд. Но беда в том, что публикация оказывается не готова, она не успела прочесть книгу.

В этот раз всё было не так. Книга вышла. Автор успел раздарить друзьям весь тираж. И только затем в зале собрались люди, которые с интересом говорили о книге, обсуждали её. Более того, автору пришлось заказать второй тираж сборника рассказов, чтоб удовлетворить желающих её прочитать.

Что ж, а мы ждем в 2022-м второую книгу.

Как бы на нас назвал свой дебютно автор.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Последней его просьбой была позвонить вдове Ильи Рудяка, попросить ее выделить несколько экземпляров книг И.Э. Рудяка, связанных с Одессой.

Ольга Рудяк с удовольствием откликнулась на просьбу Е. Голубовского. Через некоторое время я получил внушительную посылку от нее. Там были книги как для Евгения Михайловича, так и для Литературного музея, Музея Холокоста, Музея Одесской киностудии.

Часть рассказов И.Э. Рудяка я отсканироовал и переслал в Одессу. В последнем номере, № 94, альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» были опубликованы посвящение Е. Голубовского «Памяти Рудяка» и несколько рассказов Ильи Рудяка.

Нью-Йорк

Валерий Романов

Феликс Шиндер: «В Таллинн я привез настроение южной солнечной Одессы»

Как рассказали мне знакомые таллинцы, ему это удалось. При полном аншлаге равнодушных в зале не было – все веселились и подпевали, как говорится, от души.

Впервые я по-настоящему услышал и увидел коллектив «Деньги вперед», тогда возглавлявшийся Феликсом Шиндером, на сорок первом дне рождения Меэлиса Кубитса, который устраивал его в одесском дворике на Мясоедовской в рамках программы «В Одессе мир и праздник!» в 2015 году. Ведущим на этом чисто одесском дворовом празднике был журналист и редактор Феликс Кохрихт. Когда началась фотосессия, многие старались запечатлеть себя между двумя Феликсами! Яркий одесский дух Шиндера и группы «Деньги вперед», его умение вписаться в сложную конструкцию одесского дворового праздника произвели большое впечатление не только на меня, но и на всех гостей.

Здесь, наверное, уместно добавить историческую справку, чтобы было ясно, откуда вообще взялся этот дворовой праздник.

Народная дипломатия в отношениях между Одессой и Таллинном началась еще в 1977 году, когда я еще студентом приехал на пару месяцев на практику в столицу Эстонии. Город пришелся мне по душе, и я познакомился там со многими. Райво Райдам, один из самых популярных в то время в Эстонии ведущих дискотек, захотел приехать в Одессу и посмотреть, что это за чудесный город, о котором я так много рассказываю. Вот после этого и началась настоящая культурная народная дипломатия.

В Одессу приезжали при нашем с Райво содействии целые культурные десанты, в Таллинне выступали Татьяна Боева и Юрий Кузнецов, проходили выставки одесских художников. В 1997 году по нашей инициативе и организационной поддержке мэрий был подписан официальный договор о дружбе между Одессой и Таллинном. Регулярно происходило много интересного, в том числе и во взаимодействии со Всемирным клубом одесситов. В силу различных причин Р. Райдам уже немного устал и не мог на прежнем уровне с эстонской стороны

продвигать многочисленные культурные проекты. Флаг народной дипломатии и культурных связей подхватил Меэлис Кубитс, который еще в свой первый приезд в Одессу в 2008 году просто влюбился в наш город. Он организовал совместно с ВКО и другими лидерами культурной жизни Одессы множество мероприятий, среди которых «Таллинн едет в Одессу», «Одесса едет в Таллинн»; поддерживает фестиваль «Odessa Classics» и так далее и тому подобное. Меэлис и сейчас много занимается организацией гуманитарной помощи для Одессы: недавно привозил эстонских музыкантов с благотворительным концертом.

Но вернемся к герою нашего повествования.

С тех пор я видел много выступлений Феликса уже без «Денег»… Парень явно прогрессирует. И что отличает его от множества авторов и исполнителей одесских песен – это трепетное отношение к материалу, вхождение в образ без излишней одесскости в произношении. Конечно, в записи передается не весь колорит его исполнения, и я немного завидую европейским зрителям, которые могут сейчас бывать на его концертах. Уверен, что и в Одессе мы его еще услышим. А пока пусть раскроет перед нами свою душу.

– Тебя часто спрашивают, имеешь ли ты отношение к герою знаменитого фильма Спилберга. Ведь ваши фамилии очень похожи.

– Шалом бонжур. Перед выходом на сцену, если есть ведущий, я прошу его проговорить вслух мою фамилию за кулисами. Убеждаюсь, что он написал «*Шиндер*». Господин Оскар Шиндлер, а также компания Schindler Group, производящая лифты и эскалаторы, не имеют ко мне никакого отношения.

Кстати, у меня есть свой список – Шиндера. В нем люди, которые проходят на концерт по пригласительным.

– Часто можно услышать разговоры, что Одесса уже не та, что одесский дух ушел… Как ты и твое поколение, те, кому за тридцать, это воспринимают?

– Я сам себе иногда жалуюсь, что Одесса не та. Без французов, греков, итальянцев… Среди них были изумительные люди. Больше таких почти не делают… Это факт, и от него не уйти. Море такое же, бычки те же, коты те же, а люди – нет. Я, пожалуй,

сохранил в себе одесскость местами «ту» благодаря родителям, которые говорили, как надо, думали, как надо. Они хранили кодекс одессита, не говоря о нем ни слова. Это мне передалось с молоком матери. Мы уехали в Израиль и вернулись. Из США нам пришел отказ, когда я был очень маленький еще, но я помню конверт и то, что он был из США. И слава Богу, что остались. Хотя жизнь была тяжелая. Мы чего только ни делали, чтобы иметь что поесть.

– Ты изучал историю одесской песни? Что можешь об этом рассказать?

– Сначала я сочинил свою песню про капитана по форме, бродягу по душе. Потом еще спел пару одесских хитов – и меня пригласили на кастинг в ресторан «Франзоль», что на Дерибасовской в Городском саду. Надо было дополнять репертуар, и я работал над этим. Вслушивался, копировал мелодику, мне понравился Алик Ошмянский – задорный и какой-то бесшабашный (сегодня это имя известно в основном специалистам, но Алик действительно был колоритный исполнитель одесских песен. – **В. Р.**). По нему я делал многие песни, не по Утесову. Все эти псевдоодесские мансы вроде исполнения Аркаши Северного, Кабановой и т. д. у меня всегда вызывали рвотный рефлекс сразу же. Возможно, тут меня захотят закидать мокрыми тряпками. Вот Высоцкий пел и не кривлялся, круто у него выходили одесские песни его сочинения. Понимаю, что был спрос на жанр и что многие работали, и, кстати, продолжают копировать, ужасно кривляясь. А я изучаю, спрашиваю у стариков, что они помнят, как пели, где были рестораны, где играли, какие песни были в репертуаре, вслушиваюсь в записи. Так и изучаю.

– У тебя колоритные семейные корни: прадед – астроном Адольф Цесюлевич из Риги, по маминой линии дед – инженер, мать – музыкант. А пишут еще и о французских корнях... И из такого коктейля кровей вышел певец. Как это получилось? Что тебя натолкнуло? Ведь ты перепробовал много разных профессий.

– Моя мама очень хороший пианист. И благодаря ее воспитанию и тому, что я много слушал, как она проникновенно играла, с чувством, у меня развились слух и ощущение, что такое настоящее исполнение музыки. Спасибо моей дорогой любимой мамочке!

У меня интересные корни – это да. По папе еврейские, по маме – еврейско-польско-французско-латышско-украинские. Сразу так и не расскажешь. Но знаю одно: в роду у меня есть достойные люди. Если бы не советская власть и две войны, мы бы жили лучше. У нас было имение в Петроверовке – отобрали, конечно. Прадеда-астронома затюкали, и он умер в пятьдесят лет от инфаркта по дороге в обсерваторию. А сколько наших родственников погибло на войне…

Фамилию Шиндер мама поменяла на Морозову, чтобы поступить в музыкальное училище. Тогда в училище был лимит на евреев. Разве это не гадко? Антисемитизм чистой воды. Еврейская преемственность была утеряна. Я возрождаю в себе то, что могу представить, почувствовать, вспомнить на уровне генетического кода. Что такое семьдесят два – семьдесят три года темноты? Тьфу! Все вспомню. «Аз ох эн вэй, будем жить!»

– В каком районе Одессы ты родился? Какие песни слышал с детства?

– Я родился на Пересыпи, вырос на Черемушках, а до этого семья жила на Троицкой угол Маразлиевской (это самый центр Одессы. – **В. Р.**). Дали квартиру в хрущевке, и это было счастье. Кстати, спустя двенадцать лет мы вернулись на Троицкую,

мне там очень нравилось. Парк рядом, на море гонял каждый день с пирса рвать мидии. Руки ободранные, спина и шея сгоревшие – счастливый и голодный. Босиком до дома добежишь, потом к однокласснику на Бебеля или просто по Канатной где-то ходишь. На Черемушках не то: гаражи и каштаны с одинаковыми школами, домами, детсадиками, поликлиниками. Приезжаю иногда – и плакать хочется от воспоминаний. Песни я слушал на пластинках. «Бременские музыканты»… Ох, как я долго стоял у проигрывателя, слушая сказки с пластинок… Как сейчас помню: стою у зеленой светящейся полосочки проигрывателя, и там легонечко шуршит пластинка. Кайф! Бабушка моя слушала Вилли Токарева, и я, приходя к ней, погружался в эти эмигрантские песни Вилли – «небоскребы, небоскребы, а я маленький такой, то мне грустно, то мне страшно, то теряю свой покой». Кажется, так? Папа напевал песенки, когда мы на машине ездили: «На Дерибасовской открылася пивная» и т. д.

– Вернемся к песне. Ходит много разговоров о том, зачем нам классический клезмер, что нужно использовать современные аранжировки, нужно петь доступно публике. Зачастую это приводит к банальной смеси эстрадной попсы и примитивного ресторанного саунда. Интересно твое мнение.

– Вообще, что сейчас происходит в мире музыки клезмер – это такой базар-вокзал. Каждый хочет сказать, что он клезмер. А что это значит, и вообще, можешь ты им быть или нет – это никого не интересует. Чтобы быть клезмером, недостаточно просто снять на слух мелодию или слова. Я так делал – и понимаю, что это значит. Если ты сыграл десять песен Би Би Кинга и выучил блюзовую гамму, ты не блюзмен, а просто человек, сымитировавший блюз. Думаю, есть два пути: либо ты от Бога эту музыку чувствуешь – и работаешь, узнаешь, учишься; либо ты учишься, работаешь и в результате неплохо подражаешь. А так большинство просто слово к себе приклеили – и стали клезмерами с ходу.

Это сложный жанр: работу надо вести во всех направлениях. От ремиксов хороших получаю удовольствие. А чего нет?

– И все-таки, что, по-твоему, одесская песня? Ведь как и вся одесская культура, это не только еврейский мотив на русском языке, а нечто интернациональное, мультикультурное – в высоком смысле этого слова.

– Одесская песня – это суть нашего города. Смесь всего, где хорошо может прослеживаться каждый, кто громче крикнет! Вот тебе – бац! – и пара слов на идиш. Эклектика. Хорошо! Но, конечно, в массе своей эти песни сочинены людьми еврейского происхождения. Юмор у евреев своеобразный, а эта специя в песне нашей самая главная.

– Чтобы работать вместе с тобой, нужно обязательно быть одесситом?

– Чтобы со мной работать, надо быть хорошим музыкантом. Это значит импровизировать, когда надо, и ровно играть то, о чем договорились ранее. А еще – не делать мне нервы во время гастролей. Надо держать фасон и не носить кроссовки под бруки. Равно как и туфли под джинсы.

– Сейчас ты много гастролируешь в Европе. Как тебя воспринимают местные жители? Понятно, что потомки эмигрантов и беженцы – на ура, а европейцы? Насколько им интересны наша песня, наша культура?

– Хочу заметить, что наши песни я пел не только европейцам, но и эквадорцам, бразильцам и перуанцам во время гастролей по Южной Америке. Вот это был вызов! В Бразилии было туго, во время карнавального месяца после Рио они не были чувствительны ни к чему, кроме самбы. А вот в Эквадоре даже индейцы неплохо так подпевали «Лимончики» после моей работы в качестве энтертейнера. Я дал себе слово, что они будут танцевать, – или я не из Одессы. В общем, тельняшку я там, конечно, порвал на себе, но успех был сто процентов. Мы выступали на одном празднике: сборная солянка артистов местных – и мы. Никогда не забуду, как после местного коллектива, показывавшего танец с копьями, я вышел в смокинге и сказал: «Шалом бонжур, мы из Одессы!». Ох, было круто.

В Европе публика ценит колорит других стран, людям интересно, о чем я пою. Я немного говорю на всех языках и объясняю, что этот весь кипиш значит. С публикой в Европе у меня проблем нет, всем нравится. Все подпевают и танцуют.

Фото из архива Феликса Шиндера

Публикации

276 **Олена Яворська**
Одеські поневіряння Михайла Жука

291 **Станислав Юзеф Сроковский**
Из Дикого поля
Публикация Стеллы Михайловой

Олена Яворська

Одеські поневіряння Михайла Жука

Блажен, хто «рокові часи»
Не відчував на власній шкурі…
Микола Зеров

Остання розмова з Євгеном Михайловичем Голубовським… Розмова про мою статтю для наступного номеру альманаху. «Напиши про Михайла Жука», – радить він мені.

Відомий жарт – щоб бути літератором, треба народитися в Одесі, але щоб стати письменником, треба Одессу залишити.

А якщо переїхати до Одеси?

Майже сто років тому, восени 1925 року, до Одеси переїздить із Чернігова Михайло Жук. Про його чернігівське життя початку 1920-х років, з нестатками, остогидлою канцелярською роботою, неможливістю митця працювати, можна скласти уявлення і з щоденникових записів Жука, і з листа, адресованного Агатангелу Кримському. У березні 1923 доведений до відчаю Жук пише:

«Вельмишановний Агафангел Юхимовичу! Як Вам відомо, я український літератор і художник. Звичайно, що зараз доволі бути просто культурним робітником, щоб ледве тягнути своє існування, а коли в додаток ще мати титул українського робітника на Україні, що це звичайно забезпечує крах. Я маю родину з чотирьох чоловік, а головне маю двох дітей у тому віці, коли їм потрібна школа, а шкіл немає. Крім того, я вже два місяці як без заробітку і без посади. Все, що можна було на протязі революції проїсти, вже проїдено. Дружина моя учителька і одержує

не постійно, а випадково 50 міліонів на місяць. Вона учителька рукоділля, от усі ресурси. Дають мені академічну пайку, але вона теж має вигляд випадковий і дуже мізерний. Наприклад, 23 фунта борошна, 23 фунта солонини з крупою на всю родину. Працювати в своєму обсязі я не маю змоги: немає художніх матеріалів (для малювання), писати, правда, пишу, а складаю у шафу-шухляду од столу, бо немає де друкувати. Прошу дозволити мені уїхати до Америки, не через політичні причини, а тому, що немає чим дихати і все одно я погину тут безславною смертю, нічого не давши не собі, не людям».*

На листі байдужа резолюція: «Дати відповідь, що Академія в даних справах допомогти не може».

Не допомогло і звернення до голови Ради народних комісарів УРСР Християна Раковського. Жук сумно констатував згодом: «Писав я листи і до тов. Раковського, але вони мали такий наслідок, як колись листи до імператора, чи т. просто на них не відповідали».**

Зрештою Жук все ж отримує запрошення до Одеського художнього інституту – професором на графічний факультет. І з того часу життя його буде пов'язане з Одесою.

Але коли розквіт Жук-художника ще попереду – саме в Одесі він створить низку яскравих, виразних портретів письменників та акторів, то Жук-письменник, на жаль, вже не напише в Одесі ані нових оповідань, ані казок. І не через брак таланту, а через суворі реалії часу. Та й чи можна писати, коли цензура забороняє навіть дитячі казочки? Ну що можна знайти підозрілого у тих казках? Та знаходять. Звинувачують і у антропоморфізації, і в змальовуванні куркульського господарства, закидають і те, що чубариків у казці згадувати не можна, бо голова Раднаркому – Влас Чубар.

У 1926 році заборонять дитячу п'єску «Весна» (саме ту, у якій був рядок про війну «котів і чубарів»). І тоді Михайло Іванович

* https://www.interesniy.kiev.ua/ru/mihaylo-zhuk/

** Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…» (Листи Михайла Жука до Павла Тичини: 1925-1962 рр. Із фондів Літературно-меморіального музею-квартири П.Г. Тичини в м. Києві та Центрального державного архіву-музею літератури та мистецтва України) / Дом князя Гагарина: Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. Вип. 9. – Одеса, 202, с. 367.

пише листа (чи відправив він його, чи просто вилив душу паперові – важко сказати, в його неосяжному архіві залишилась чи то тільки чернетка, чи сам лист).

«Звичайно, що моя заява буде «гласом вопіющого в пустині», але все ж таки я вважаю за потрібне висловити й свою скромну думку перед високим безапеляційним осудом. <…> Можливо, що офіційно мою річ справді поховали, та ще й так безславно, в невеличкому колі арбітрів, які теж можуть помилятися, як до них помилялися тисячі інших арбітрів у всі часи, всіх епох і народів. Єдине достоїнство таких осудів – авторитетність тверджень та неможливість осудженого заперечити цю авторитетність.

Знову підкреслюю, що наперед знаю результат оборони: це все одно, як би похований та вигадав запевняти живих, що він живий і не думав помірати. Його б не слухали, бо такого випадку ще не було.

<…> Я вельми вдячний пану прокурору за його визнання мого літературного хисту та знання сцени, але 20 років літературної роботи дали мені це знання, а не 20 рядків безпідставної рецензії, що написані паном прокурором. Я певний, що в будучині, підраховуючи всю суму мого художнього дорібку, може знайдеться друга оцінка моєї роботи. Можливо, що багато буде викреслено, можливо, що я зійду в Лету, без слави й без пам'яті, але це буде встановлювати не Ваша репертуарна рада зі своїм канцелярським ножем: Слухали – Постановили. <…>

Шкода тільки велика, що Вам дадено право накладати своє Veto, та робити несподівані висновки вищезазначеного, які дуже подібні до висновків Ваших попередників, які забороняли мої казки. При таких умовах – працювати не можна.

Не може бути й того, щоб осуджений не мав права оборони, не мав виходу з мертвого кутка, не мав надії на перегляд його справи, а покірно складав зброю, як засуджений на смерть».*

Незважаючи на цензурні утиски, Жук проводжує працювати – приблизно серединою двадцятих років можна датувати численні правки до оповідань. У його архіві зберігся переклад лібрето опери. На обкладинці зошита рукою Жука напис: «А. Спендіяров.

* Заява до Вищого репертуарного Комітету проф. Михайла Івановича Жука [березень-квітень 1926]. Рукопис, зібрання С.З. Лущика.

Алмаст. Опера на 4 акти з прологом та епілогом. Текст Софії Парнок (за Ованесом Туманяном)». У 1930 році опера була поставлена Одеським оперним театром, але чи був використаний переклад саме Жука – важко сказати.

Та навіть примарні надії на публікацію літературних текстів зводяться нанівець тим, що відбувається довкола. Правда, нариси про художників друкувалися на сторінках одеського журналу «Шквал», а вірші він буде писати майже до останніх років життя. Але й на них вплине час.

М. Жук. Обкладинка до книги. Початок 1930-х рр.

Вірші, написані у десятих роках, вишукані, в них про кохання, квіти, сум людський – Леся Українка, щоправда, зазначала свого часу про вірші Жука: «Якби він більше попрацював над ними, то були б зовсім гарні, а так – поезії чимало, але артизму часом бракує».**

А ось у двадцятих-тридцятих роках про квіти вже не йдеться – у кращому разі вірші про море, а то про революцію, про будівництво нового світу.

У 1918 році Жук перший з українських поетів пише і друкує вінок сонетів – звичайно ж, про кохання. А ось на початку 1930-х другий вінок сонетів, про кохання і море, – він не спромігся дописати.

На початку 1930-х він, як свого часу у Чернігові початку 1920-х, виготовляє саморобні книжечки. І коли на обкладинці однієї – «Сонети» з пам'ятником Дюку, то інша – «Металеві дні»

** Леся Українка. Повне академічне зібрання творів у 14 т. Т. 14. – Луцьк, 2021, с. 305.

з конструктивними ламаними лініями і віршами про будівництво, працю, революцію, все у дусі часу.

У 1931 році журнал «Червоний шлях» опублікував сонети Жука – поряд з віршами його учня Павла Тичини та оповіданням Олекси Слісаренка. Портрети обох Жук малював, і коли першому пощастить пережити 1937 рік, то другий у тому зловісному році буде розстріляний.

З цією публікацією пов'язують і арешт самого Михайла Івановича. У журналі були надруковані п'ять сонетів з циклу «Море», написаного в Одесі у серпні-листопаді 1930. Назви їх: «905», «Березань», «Жовтень», «1921», «Товариш» – здавалося б, що ж тут кримінального? Але у вірші згадується голод.

1921

Безмежним полем простелились води,
А там ні рисочки, ні помели…
Посуха вимела у дві мітли
Найменший слід кормительки-природи…
    Ще так недавно тут стукали коди
    І кораблів тремтіли вимпели…
Людей сікли залізні шомполи,
І чорний стяг прикрашував господи.
Настали дні неначе гнійний струп,
На вулицях чи кроки, чи вже труп.
Глухий і дикий стогін – «я голодний».
    Не слухає байдужний джентльмен…
Зробив своє, хижак поміжнародній,
Лишив між скелями важкий рефрен![*]

Важко зараз, коли справа Жука у архівах СБУ ще не віднайдена, сказати, чи саме ці вірші про голод спричинились до арешту. Навряд, бо коли № 1-2 журналу за січень-лютий вийшов з друку 10 березня, Жук вже майже місяць сидів у одеській в'язниці. Хіба

* Жук М. Вірші / Червоний шлях. – 1931, № 1-2, с. 28.

що хтось з редакції доніс, коли номер готувався, але у такому разі крамольного вірша, та й взагалі автора вилучили б із номеру.

Документальних свідчень про арешт не так вже й багато. Заарештували Михайла Івановича 12 лютого. Дата ця відома з наказу по технікуму, де Жук працював.

«Викладачів Технікуму В.П. Соколова вважати заарештованим з 7 лютого 1931 року, а з 12 лютого – Жука. <…>

29 квітня 1931 р. в наказі № 23 читаємо:

З огляду на те, що вже пройшло більше за 2 місяці як викладачів Жука М.І. та Соколова В. не звільнили з-під арешту, вважати їх вибувшими й викреслити зі списків викладачів Т-му з цього числа».**

А вже 14 травня того ж року мова йде про інше: «Проф. Жуку М.І. сплатити утримання за лютий місяць».***

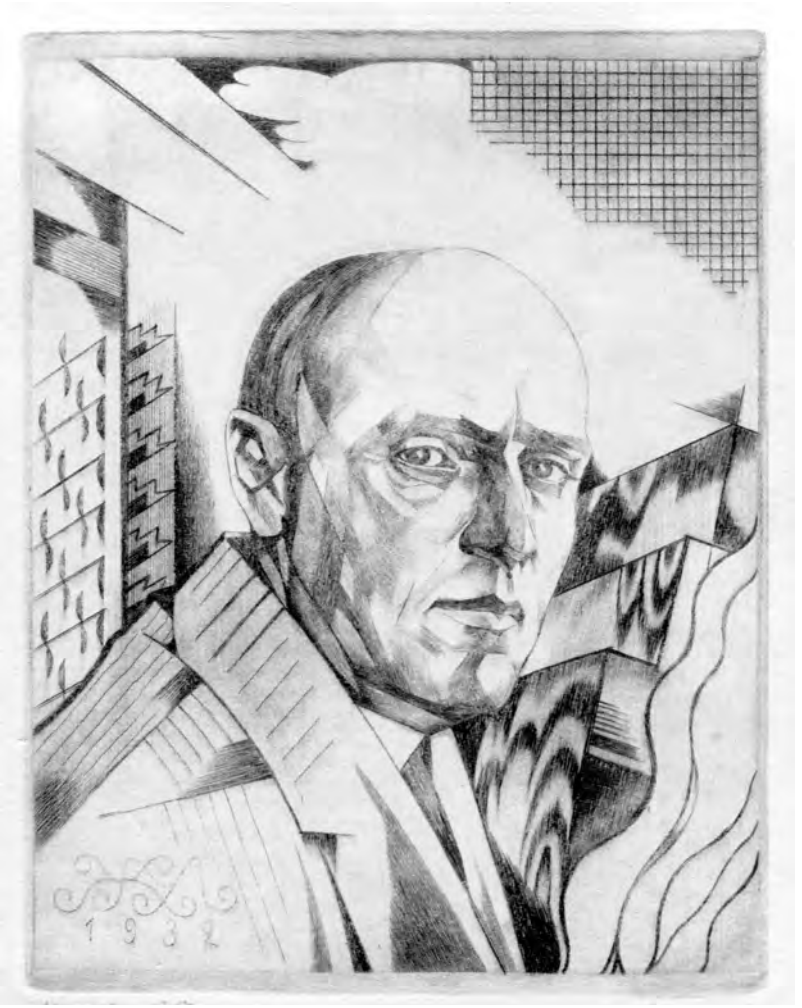
Через двадцять років, на початку 1950-х, Жук зробить запис на невеличкому клаптикові паперу: «…В прошлом, вспоминаю, такие же весенние дни. Окно с решеткой – те же темные петли, а за ними такое же голубое небо. Нет, еще верхушки акаций. Целый день плывут белые облака, а вечером в углу, где стоит параша, умирают последние лучи вечернего солнца. Так больно сжимается сердце, когда умирает этот последний, розовый отблеск дня. И умирает в таком месте, где по необходимости человек принужден отправлять свои нужды. Как теперь, так и тогда я не знал и не знаю, что накопили против меня. Чувство боли, обиды сжимало грудь. Все время звучал один мотив – За что? А дни приходили и проходили. Много их ушло весенних и нежных, знойных дней лета, когда я задыхался от спертого воздуха и обливался потом от жары. То же одиночество, та же тоска и то же умирание последних розовых лучей дня».****

А у листі до Ірини Коцюбинської 20 жовтня 1955 року він із сумом напише: «…коли мене заарештували в 1931 р., то забрали

** Дмитренко О.М. 1-а художня профшкола // Дім князя Гагаріна: Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. – Одеса, 2023, вип. 10, с. 254, 255-256.

*** Лущик С. Михайло Жук в колі сучасників. – Київ, 1988, № 11, с. 153.

**** Жук М. Листки календаря. Нотатки з блокноту / Лущик С., Яворська О. Михайло Жук – літератор // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. – Одесса, 1997, с. 107.



Михайло Жук. Автопортрет. 1932 р.

багато книжок з автографами татка, Нечуя-Левицького, Лесі Українки, Лисенка, Лепкого, Франка і багато інших, які я так і не отримав».*

На щастя, ані рукописи ані картини енкавеесників не зацікавили. Хоч і серед рукописів були тексти тих, хто за три роки стане «ворогом народу», – дивом вцілів рукопис Миколи Зерова та його портрет роботи Жука.

У робочому зошиті (а Жук полюбляв писати саме у таких грубих зошитах) є запис, наче замальовка до картини:

«Одеса, 1932
16/VIII
Аркадія

Рядами стоять сояшники. Головасті, в обдряпаних лапатих одежах. Голови важно похилили до сонця й до моря. Щось робить їхні постаті подібними до впокорених людей, що зігнули спрацьовані хребти, щось прив'язало їхні натруджені ноги до посохлого ґрунту і тільки ще по де-ні-де золоті тарілки, як золоті труби, стремлять переможно до світла, вітаючи прозорий серпневий ранок.

Море іскриться срібним шитвом, що проколюється гострими піками кукурудзи.

Берег вигинає хребет з насолодою до тепла і полискує рудавим оксамитом рослин. Важно по ньому сидять людські оселі. Дерева проти світла нагадують темно-зелені, синяві клякси з контурами жовто-золотої облямівки. Наче хто хотів надати форми тим кляксам, щоб вони впорядковано лягли на поверхню землі.

Тіні ще спочивають, довгі, на весь зріст, хоч поволі підтягують свої члени, почуваючи потребу прогнутися. Яри полускалися, як достигла диня, де в розломинах світить ніжне тіло середи та груба шкура затінку. На всьому опалева суга ранішньої години.

Ґвалтуються десь над берегом собаки, вперто, заядло. Ніч була місячна і просковзнула дуже тихо, подарувавши світанкові блідно-цитринове обличчя.

* Картотека С.З. Лущика.

На краєчку моря блиснуло рубіном сонце й забарвило рівну смугу краєвиду поливом японського глазуру, що лягає на опуклі стегна порцелянових ваз.

Синє дихання повітря ледве ворушилося за срібними блисками місяця в протируч сонцеві. Сояшники важко прогнулися, як упокорені постави, от-от упадуть ниць, простягнувши зелені вузлуваті руки по землі, тільки, що з фанфарами будуть співати сонцеві славу».*

За п'ять років по тому він змінить сояшники Одеси на ялинки у Підмосков'ї – працюватиме два роки на порцеляновому заводі, швидше за все, щоб урятуватися від повторного арешту. У 1940-му Жук повернеться до Одеси та навіть буде сподіватися побачити власну книгу. «Моя розмова з Вами дала мені надію видати дві книжки «Вибраних творів»,** – писатиме він у травні 1941 колишньому натурнику та учню, а нині академіку Павлу Тичині.

Та почалася війна. Про червень-липень 1941 року Жук напише спогади, які вперше були надруковані у 89 номері альманаху.***

Родина Жука розділилася – старший син Микола був мобілізований до армії, молодший Юрій, білобілетник, працював інженером на міському водогоні та залишився з батьками в окупованому місті.

На початку 1942 року румунська влада влаштовує перепис населення. У цей час родина Жуків перебралася з Французького (Пролетарського) бульвару на вулицю Канатну (за родинними переказами через брак води у будинку спеціалістів на Французькому бульварі, де вони мешкали, та працюючий колодязь побіля Канатної; у автобіографії та листах до П. Тичини Жук писатиме про розбомблену квартиру на Пролетарському бульварі).

З лютого Михайло Іванович власноручно заповнює анкету:

---

* Жук М. Білим і чорним хотів би я бути… Проза, п'єса, казки, вірші, нотатки, спогади. – Одеса, 2018, с. 226-227. Рукопис зберігається в Одеському літературному музеї.

** Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»… с. 368.

*** Жук М. Воспоминания… / «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. – Одесса, 2022, № 89, с. 304-316. Рукопис зберігається в Одеському літературному музеї.

«Жук Михаил, профессор живописи, место работы: Художественное училище на улице Преображенской, 16, родился в Каховке 20.09.1883 г.,**** украинец, женат, проживает в Одессе с 1925 г., никогда не служил, от мобилизации освобожден по возрасту.

Жена Анастасия, родилась в Чернигове 29 окт. 1883 г., украинка, домохозяйка, проживает в Одессе с 1925 г.

Сын Георгий, род. в Чернигове 22.03.1911 г., холост, украинец, проживает в Од. с 1925 г., инженер водопроводной станции Чумка.

Переписной лист по ул. Канатной, д. 76, кв. 27 заполнен профессором с его подписью 3 февр. 1942 г.»*****

У січні 1942-го була організована Спілка художників. Жук двічі входив до складу правління: з січня по квітень 1942-го та з серпня 1943 по квітень 1945 рр.,****** а у 1942 році був головою Художньої ради.*******

Під час окупації він брав участь у двох виставках. 13 вересня 1942 р. відкрилася «Офіційна виставка живопису, скульптури, гравюри і кераміки румунських і російських художників». На ній Жук був представлений здебільшого керамічними виробами і портретом:

«*Раздел Масло*

Жук Михаил. 16 Портрет Н.

Раздел Керамика

Жук Михаил 25 штук».********

Чий це був портрет – невідомо, а ось за рік на наступній виставці було два портрета роботи Жука. Осіння виставка художників Трансністрії Salonul oficial відкрилася 5 вересня 1943 р. У щоденнику В. Швеця є запис: «14 сентября 1943.<…> ходил с Галиной Георгиевной на художественную выставку. Есть очень недурные

**** Дату народження М. Жук вказав за старим стилем, за новим його день народження – 2 жовтня.

***** ДАОО, Р-2356, оп. 3, спр. 631, арк. 22, 47.

****** ДАОО, Р-6710, оп. 1, спр. 1, с. 63.

******* Дмитренко А.Н. Союз художников Одессы. – Стрый, 2013, с. 102.

******** Официальная выставка живописи, скульптуры, гравюры и керамики румынских и русских художников: Каталог [Одесса, 1942], с. 12, 16.

портреты пастелью, один очень оригинальный карандашом на картоне Жука – «Женщина у занавески».*

У каталозі виставки представлено дванадцять робіт Жука, переважно букети квітів.

«Жук М.

204-213 Букет.

214 Портрет артиста Коваль

215. Портрет артистки Ужвий».**

У 1926 році Жук двічі малював Наталю Ужвій. У 1925-1926 роках вона була зіркою театру Держдрами, тож швидше за все обидва портрети зроблені в Одесі. Один з портретів – силуетний, зараз він перебуває в колекції Музею сучасного мистецтва Одеси. Судячи з опису Швеця, експонувався другий портрет: Ужвій зображена на тлі мережаних візерунків – чи то завіса, чи просто декоративний фон. Зараз цей портрет знаходиться у Національному художньому музеї України.

У вересні 1943 Жука звільнили з училища «за те, що відмовився намалювати портрети губернатора та короля», – напише він згодом у листі до Тичини. Михайло Іванович заробляв на життя, малюючи ікони (ось коли стало у нагоді навчання декоративно-релігійному малярству у Краківській академії***) та працюючи продавцем і оцінщиком у комісійному магазині.****

Після звільнення Одеси Жук повертається до викладання. Багато викладачів, що працювали під час окупації, були заарештовані. А от Жуку пощастило уникнути арешту – чи то допомогло звільнення з училища за румунів, чи заступився за свого вчителя Павло Тичина, на той час міністр культури України. Саме з листів до Тичини відомо багато гірких деталей повоєнного побуту Жука.

---

* Цит. за: Бабич А. Одесса 1941-1944: Пережить оккупацию. – Одесса, 2021, с. 545.

** Salonul oficial de pictura scultura gravura si ceramica: Каталог. [Одесса] 1943, с. 7.

*** Михайло Йванович Жук // Українська муза: Поетична антологія од початку до наших днів. Вип. 11. – Київ, 1908, с. 1129. Відома одна ікона роботи М. Жука: Соколюк Л. Михайло Жук: мистець-літератор. – Харків, 2018, с. 214, іл. 333.

**** Яворська О.Л. Чотири автобіографії Михайла Жука // Дім князя Гагаріна: Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. – Одеса, 2023. Вип. 10, с. 342.

Художнє училище. 1945-1946 рр.

22 грудня 1944. «Цього року я закінчив 40 років моєї художньо-педагогічної праці. 20/XI в мене померла моя дружина. Я опинився в такому стані, що не мав за що навіть її поховати і мусів звернутися за допомогою до товаришів, які спасибі їм, допомогли мені чим було можна. <…> Я вже старий, одинокий. Зараз у мене ні палива, ні світла…»*****

8 жовтня 1945. «Мене хочуть позбавити елементарних життьових потреб, що необхідні художникові. <…> Моя житлова площа складається з 64-х кв. м, з яких (дві кімнати) 29 метрів займають мої діти, а решта (дві перехідні) 35 метрів, де живу і працюю я сам. Мотиви ті, що я маю зайву площу і мені треба щось віддати. Коли виділити одну кімнату, то всі мої картини я повинен скласти на купу в другій, яку я і заповню

***** Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»… с. 368.

цілком, а в інших кімнатах (двох прохідних) ми повинні будемо міститься в купі без можливості для кожного з нас якої будь роботи».*

12 грудня 1953. «Пенсію я отримую, як персональний пенсіонер від Києва – 400 карб. <…> а прожити на 400 карб. я не можу. От і прошу Вас подумати, що можна зробити, аби на старість, себто вона вже й зараз мається (старість) я не опинився в безвихідному стані».**

Попри всі життьові негаразди він все ще плекає надію побачити виданою книгу своїх творів. «До війни 1941 року все наче було полагоджено і вже підготував свої роботи до друку. Війна припинила їх випуск у світ. Що можна зробити, щоб вирішити долю моєї літературної роботи. Гадаю, що вона не настільки бездарна, щоб погинула в нетрях забуття. От і все, що мене турбує зараз»,*** – пише він Тичині у жовтні 1945-го.

За десять років, у квітні 1955, Жук гірко зауважить: «Взагалі я багато не можу зрозуміти в моїй долі. Чим я завинив, що моїх минулих літературних творів (вибране) не можна? Серед них є непогані річи. <…> Мені просто повернули їх, як повертають «благодійники» писану заяву про допомогу мовчки і швидче зачиняють двері перед невдахою. Хоть би яка мотивована відповідь – нічого. Зачинили двері та й годі. <…> Я багато зробив за своє життя. Багато маю малюнків, фарфору, графіки. Але все це гине на моїх очах – серед пилу поганенького приміщення, серед убожества. Ви повинні зрозуміти, як важко бачити в загибелі те, чому ти віддав свої нерви, життя, хвилювання, надії. І все без ніяких наслідків, так наче нічого не було».****

У 1962 році, за два роки до смерті, Михайло Іванович остаточно розуміє, що видання його книги неможливе. З листа до Тичини: «Ви з досадою можете подумати – яка ж недотепна людина: розумна істота давно би зрозуміла, що на цю тему не бажають розмовляти – ну й покинула би мучити й себе й іншого. Ні тягне на те, щоб почути це виразне сказанине – нічого з того не буде

* Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»… с. 369-370.
** Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»… с. 370.
*** Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»…с. 369.
**** Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»… с. 372-373.

«не тратьте, куме, сили, спускайтесь на дно». Це що торкається книжки вибраних творів».*****

Павло Тичина не облишав спроби допомогти вчителю. У тому ж 1962-му він писав викладачу одеського університету Андрію Недзвідському: «Михайло Іванович Жук гнівається на мене. Треба неодмінно видати книгу його поезій».****** У січні 1963 Тичина повідомляє того ж адресата: «Про твори Михайла Івановича я говорив у Вид[авницт]ві <…> (А в збірник творів його, я гадаю, треба включити й прозу його і статті)».******* Але всі ці зусилля були марними.

Андрій Недзвідський залишив спогади про останню зустріч Жука і Тичини: «Павло Григорович не міг не відвідати свого вчителя малювання. <…> на цей час Михайло Іванович тяжко хворів, від викладацької праці в Художньому училищі змушений був відійти. Становище в нього дома склалося дуже важке: померли одна за одною дружина Михайла Івановича і невістка, лишилися в осиротілій, спорожнілій квартирі: хворий Михайло Іванович, син-інженер, який працював на заводі, і зовсім маленька онука. <…> Не могли вони втрьох дати лад своєму побуту і в квартирі стояв, скажемо відверто, жах запустіння. Павла Григоровича попередили, що йому доведеться зустріти в квартирі учителя дуже сумну обстановку. – То тим більш треба поїхати, – настояв наш гість. <…> Все виглядало дуже сумно в кімнаті, де лежав Михайло Іванович. Павло Григорович, ніяковіючи, підійшов до нього, привітався, поцілував в обличчя дорогу йому людину, а далі поцілував його ще й в руку».********

В одному з останніх листів Жука до Тичини сумні, безнадійні роздуми людини, що все життя працювала, не випускаючи з рук ані пензля, ані пера: «Невже те, що я зробив і в літературі

***** Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»… с. 374.
****** Тичина П. Панахидні співи: Поезії. – Одеса, 1993, с. 79.
******* Тичина П. Панахидні співи: Поезії. – Одеса, 1993, с. 85.
******** А. Недзвідський. Спогади про Тичину. Рукопис зберігається в Одеському літературному музеї. Р-1848. Частково опубліковано: Яворська О. Матеріали про Павла Тичину в експозиції та фондах Одеського літературного музею // Наукові читання «Тичинівська епоха». Народження поетів. До 130-річчя з дня народження Павла Тичини: зб. наук. пр. (за мат. наук. чит.) ЛММК П.Г. Тичини в Києві. – Рівне, 2021, с. 120.

і в малярстві таке нікчемне, що не варте уваги. Ні, гадаю, що це неправда. Цілий ряд літературних творів написано непогано, цілий ряд малярських творів включаючи кераміку й графіку зроблено на високому рівні. Педагогіка дала теж не погані результати. І в решті такий жалюгідний кінець».*

Жук міг пригадати слова, які сказав багато років до того художнику Миколі Бурачеку. Той згадував: «Багато років назад, коли знайомили мене з Михайлом Івановичем, він з усмішкою, повною добродушного гумору, висловив таку сентенцію: «Ви, товаришу, художник? Ой, тяжко бути українським письменником, але бути українським художником можна хіба лише за якусь кару».**

Художник і письменник Михайло Жук не «зійшов у Лету без слави і пам'яті». Саме в Одесі, місті, з яким пов'язана більша, хоч і не така вже й щаслива частина його життя, він повернувся до нащадків. Спочатку як художник, а потому вже й як письменник.

* Нестерчук Д.В. «…Листи гинуть серед космічних просторів…»… с. 373.
** Бурачек М. Михайло Іванович Жук // Червоний шлях. – Харків. 1929. № 5-6, с. 246.

Станислав Юзеф Сроковский

Из Дикого поля

Воспоминания зимы 1919/1920 на юге России

Станислав Юзеф Сроковский (1872-1950)

Представляю вам в сокращенном варианте свой перевод с польского первых глав книги «Из Дикого поля» («Z dzikich pól»). Она была издана в Познани в 1926 году и ранее никогда не переводилась. Автор, Станислав Сроковский, в описываемый период зимы 1919-1920 годов был направлен правительством недавно возрожденной Польши для работы в Одессе в качестве консула. На его долю выпала сложнейшая задача организации эвакуации польского населения перед приходом в Одессу большевиков в феврале 1920 года. Подробное описание этих событий он дал в своей книге.

Станислав Юзеф Сроковский (польск. Stanisław Józef Srokowski, 1872 год – 1950 год) – польский географ, дипломат, общественный деятель, воевода Волынский. Обучался в Ягеллонском, Львовском университетах Занимался преподавательской деятельностью в Жешуве, Львове и Тернополе. В 1913 году основал Подольский музей в Тернополе и был его первым директором.

До Первой мировой войны проживал в Киеве, занимаясь преподавательской деятельностью в местных польских школах.

Служил в Консульском департаменте, был консулом в Одессе, Кенигсберге. С 1926 года был первым директором Балтийского института в Торне. До начала Второй мировой войны – профессор Варшавского университета. После войны стал председателем Польского географического общества.

Стелла Михайлова

Глава I.

Хаос российской революции. Необходимость консульской защиты. По дороге в Одессу. Отсутствие польской репатриационной деятельности

В первых числах апреля 1919 года произошло в Одессе что-то необычное. Без достаточных и, по крайней мере, видимых поводов французский генерал д'Ансельм, командующий оккупационными войсками союзников, оставил этот город под натиском относительно немногочисленной большевистской банды Григорьева и в суматохе погрузился на корабли, следующие в Румынию. За ним также последовала находящаяся при нем дивизия генерала Желиговского, которой была поручена охрана тылов.

С апреля до августа 1919 года Одессой правили большевики. И опять же, как неожиданно попала она им в руки, так же точно и была утрачена. Без большого военного усилия заняли ее войска российской Добровольческой армии генерала Деникина.

Известие об этом пришло в Варшаву с началом сентября, а вместе с ним – и горячие просьбы о помощи со стороны еще многочисленных на тот момент польских колоний, которые были сосредоточены в большинстве городов юга России вплоть до предгорий Кавказа.

Ко всему добавилась огромная масса вновь прибывших иммигрантов с запада Польши, а также передвигающихся относи-

тельно свободно многочисленных польских пленных. В это время польское население на юге России по численности доходило до полумиллиона.

Во время существования старого российского государства, а также во время первой фазы революции жизнь этой многочисленной колонии была не самой плохой. Еще работали промышленность, торговля, банки, общества и школы. Однако постепенно все начинало исчезать. И вместе с этим, а также с резким ухудшением условий общественной безопасности, проблемами с транспортом и по мере того как таяли запасы продовольствия, в конце концов со вспышкой и неслыханным раннее распространением инфекционных заболеваний (особенно сыпного тифа, от которого умирали не тысячи, а миллионы) людей сильнее охватывало желание выбраться из все более осложняющейся ситуации и вернуться в Польшу, казавшуюся в то время, особенно с расстояния в сотни миль, чем-то идеальным, совершенным. Многими руководили благородные побуждения. Они хотели оказаться в свободной Отчизне, о которой мечтали всю жизнь, ради которой когда-то страдали, и которая в их понятии нуждалась в силе и трудах всех своих сынов.

Людям же, вросшим глубоко в российский грунт, напомнила об этом большевистская власть, которая в настоящий момент исчезла, уступив место выглядящему более по-европейски воинству Деникина. Однако сильные потрясения вызвали самые серьезные размышления. Одна только мысль о возможности возврата того времени, когда, выходя утром в город, на каждом шагу встречали труп или лужу человеческой крови, когда ночью постоянно слышны выстрелы, оповещавшие о кровавых экзекуциях, когда грабежи, крики и оргии создавали атмосферу адского разгула социального дна, – вызывала у людей тревожное содрогание.

У тех, кто жил в селах рядом с городом, перед глазами были еще более страшные моменты восстания черни, стихийно и бессмысленно до основания уничтожающей все на своем пути.

Военное правление Деникина, хоть бездарное и неудачное, а кроме того, основанное на возведенном в систему уничтожении

своей страны, тем не менее казалось хоть каким-то облегчением, если вспомнить, через что пришлось пройти: все-таки сейчас у власти были люди, а не шакалы в людском обличье – мстительные, жестокие, преступные и омерзительные.

Это правление, впрочем, не предвещало ничего хорошего. В поставляемые англичанами мундиры одевалось не войско Добровольческой армии, а банды Махно и других атаманов, растущая инфляция ничем не покрытого деникинского рубля делала невозможным какой-либо обмен товарами, продажность бюрократов доходила до фантастических масштабов, а политика Деникина была в наивысшей степени неосторожной и провокационной. Он ссорился со всеми, разогревал российские имперские амбиции и претензии на владение теми, кто уже когда-то испробовал на себе царское правление.

В этих условиях жизни не каждый умел «крутиться», тем более что везде, кроме побережья и больших центров, было почти полное отсутствие власти. Махно (и не он один) атаковал даже большие города, накладывал на них контрибуцию, правил, как удельный суверен, на большом пространстве к северу от Азовского моря и даже имел собственный печатный орган. Кроме того, рядом с войсками Деникина между Днестром и Бугом находились подразделения не симпатизирующих полякам галичан.

Кто только мог, устремлялся в города, полагая, что сможет найти там безопасность и возможность контактов с миром. Самопроизвольно возник целый ряд польских консульских учреждений, задачей которых была забота об остатках польских войск, брошенных в опасности в этом море хаоса. (…)

Над многочисленной польской колонией в Одессе и на западе Украины, особенно в крае, называемом Новороссийским, осуществлял до тех пор опеку Кароль граф Бжозовский, который, устав от тяжелых переходов во время первой эвакуации из Одессы в апреле 1919 года, просил об освобождении его от функций консула, тем более что, не доверяя общему положению дел, он хотел как можно скорее выехать с семьей в Польшу, оставить все свое имущество на произвол судьбы, – такому плану, однако, следовали все, потому что другого выхода не было.

Впрочем, как только после занятия Одессы Добровольческой армией появилась возможность повторного появления там консульского отдела, а также налаживания с его помощью сотрудничества с Варшавой, он послал с рапортом в Министерство внешних дел своего секретаря, молодого, но очень деятельного Цезария Березовского.

Результатом этого рапорта и просьбы об отставке было мое назначение 14 октября 1919 года консулом и представителем польского правительства в Одессе. Причем в состав поверенного мне консульского округа (circonscription consulaire) входила вся территория Юго-Западной Украины, включая все побережье Черного моря на запад от Крыма. Уже 18 октября 1919 года в сопровождении нескольких будущих сотрудников консульства я выехал из Варшавы и через Черновцы, Пашканы и Яссы доехал до Галаца, расположенного на нижнем Дунае, где, ожидая несколько дней прибытия судна «Леополис» итальянской компании «Ллойд Триестино», имел возможность немного познакомиться с нашей несчастной возвращающейся домой эмиграцией. Бросалась в глаза в первую очередь полная беспомощность действий польских правительственных учреждений в Варшаве, в руках которых находились эти дела, – и тут неподходящая централизация вылезала из каждого угла. Из всего было видно, что на месте оперировали очень небольшими материальными средствами,* что о должной организации эмиграционного транспорта из Галаца не было и речи, и в конце концов – что без унизительной и кажущейся

* В течение нескольких месяцев, а именно с 17 мая до конца октября 1919 года галацкая репатриационная миссия Государственного бюро по делам военнопленных, беженцев и рабочих, подчиняющегося Совету министров, коротко называемому JUR'ом, выдала всего 50 000 французских франков при очень высоких местных ценах на продукты. Так 1 кг хлеба стоил тогда 60 баней, картофеля – от 75 баней до 1 леи, масла – 25-30 лей, сыра – 12-15 лей, смальца 24 леи. За килограмм угля платили 40 баней. На эти скромные средства, не соответствующие ни в каком случае суммам, которыми располагало бюро в Варшаве, необходимо было содержать персонал миссии, а также материально снабжать разные ее агентства. Например, почетный польский консул в Кишиневе г-н Цывиньский, успешно занимавшийся реэмиграцией, получил только 5000 лей, что, впрочем, было почти ничем, учитывая огромное количество скопившихся там людей.

совсем необязательной посторонней помощи даже то, что делалось, было бы невозможно.

Наши эмигранты ели французские сухари (pain de guerre), свежий хлеб, мясо, консервы, рис, смалец, сало, бульон, фасоль, сушеные овощи, в конце концов пили французское вино, выделяемое по пол-литра на человека в день. Даже уходя в Болгарию, французы оставили его для миссии в количестве 1000 литров. Если не хватало французских запасов, обращались к богатым американским дарам, среди которых была масса постельного белья, одеял, трикотажа и т. д. Больных бесплатно размещали во французских и румынских больницах Галаца. После французов, а точнее – после темнокожих африканских войск, наши эмигранты заняли здания при Strada Ćasarmei, Seret 11, находившиеся в самом ужасном состоянии, где были организованы лежачие места на нарах для 240 человек. Однако для того количества эмигрантов, которые ожидали в России отправки в Польшу и после закрытия польских иммиграционных миссий в Константинополе и Батуми обязательно должны были пройти через Галац, этого было совершенно недостаточно. В Таганроге и окрестностях, как свидетельствовала английская телеграмма в миссию, сосредоточилось в момент, когда я находился в Галаце, 52 000 человек – из них 32 000 литовских евреев и 20 000 поляков.

По предварительной договоренности поезда предоставляли румыны, причем их военное министерство (ministerul de rasboju) вело весь учет этого вида транспорта, исходя из невиданной бедности румынского железнодорожного парка требуя, чтобы в товарном вагоне ехало 50 человек. Только самые крепкие люди могли себе позволить отправиться в подобные поездки.

И была еще одна проблема у нашей многочисленной неорганизованной репатриации. Речь идет о том, что репатрианты приносили нашему государству убытки, которые невозможно было оценить непосредственно, в результате завоза российской валюты, превышающего миллиарды. Уезжая в Польшу, эмигранты старались на месте за любые деньги избавиться от ценных вещей и приобретали рубли, которые с каждым днем все более пре-

вращались в бумажки, не имеющие никакой ценности. Я видел людей, которые везли с собой по 5 миллионов думских и даже донских рублей, хотя за эти «капиталы» могли бы на месте приобрести определенное количество английских фунтов или долларов. Однако они этого не делали, полагая, что в Польше обмен будет более выгодным.

Румыны от этой инфляции защищались конкретным способом, не позволяя никому из прибывающих в их границы иметь при себе более чем 2000 рублей, а также вывозить более 500 лей.

Польша эти меры предосторожности, к сожалению, не приняла во внимание.

Глава II.

В Одессе осенью 1919 года. Организация консульства. Политика Деникина и Антанты. Торговля черноморского побережья

27 октября я выехал из Галаца и вечером того же дня доехал до Сулины. На следующий день утром я уже был в Одессе. Лоцман завел в порт корабль, лавировавший среди минных полей.

Одесса произвела на меня впечатление неблагоприятное. Грязная и неухоженная: видно было, что она никак не могла прийти в себя после многомесячного большевистского правления, а новые ее хозяева, деникинцы, не много делали, чтобы добиться каких-то изменений. Все было каким-то заболоченным,* бедным, потертым и притом наполненным воспоминаниями о недавних убийствах, резне и экзекуциях, которые здесь буйствовали во всем своем ужасе. А кроме того, в глубинах внешнего порта было обнаружено огромное количество останков офицеров черноморского флота, которых туда по приказу разных палачей бросали, привязав к ногам камни или иные тяжести. И была еще Екатерининская площадь, где

* Разрешили пользоваться водопроводом, который не действовал в течение нескольких месяцев правления большевиков. Отсутствие хорошей воды стало причиной того, что в Одессе появилась холера, которой ежедневно заражалось до 100 человек. Еще хуже обстояли дела в Херсоне, где ежедневное количество заболевших доходило до 200 человек.

в подвалах одного из домов каждую ночь проходили дознания и убийства. И были возвышающиеся на общественных площадях могилы, скрывающие жертв разгула самых низменных человеческих инстинктов.

Все это, впрочем, стиралось и растворялось в гомоне жизни, а красный цвет революции тускнел с каждым днем под действием новых, и одновременно таких старых мечтаний о единой и неделимой России. Тот момент, когда я вступал на территорию Южной России, был периодом самых больших удач Добровольческой армии, и ничего не предвещало того, что это уже начало конца и что после этого периода придет второй – молниеносного перелома всего военного предприятия, которым не сумели заинтересовать широкие народные массы – только слои чиновников, пытающихся оживить те времена, когда они на все могли наложить свои лапы. И сейчас, как никогда раньше при царском режиме, бросалось в глаза искусственное и сложное разрастание разнообразных бюрократических органов, среди которых сложно было сориентироваться. Их запутанный формализм скорее служил торможению жизни, чем ее возрождению.

Польскую жизнь в Одессе я нашел не в самом плохом положении. Действовали польские общества, школы, и даже выходило неплохо редактируемое польское печатное издание «Возрождение». Однако все жили какой-то неуверенной жизнью, как будто в горячечном ожидании, что что-то произойдет, –то, чего никто не хочет: спокойной жизни больше не будет. Впрочем, то, что советская власть не причинила большого вреда жизни польской колонии, можно в значительной мере приписать заслуге грузинского консула Ушверидзе, который во время господства в городе большевиков остался на месте, и располагая большой численностью своих на все готовых соотечественников, взял под опеку элемент польской жизни.* Большевики, у которых было много хлопот, предпочитали с таким консулом не портить отношения, тем более в городе у них существо-

* Министерство иностранных дел, оценило заслуги консула Ушверидзе и выслало в его адрес благодарственное письмо, которое ему торжественно вручили.

вала поддержка со стороны местных польских коммунистов с их жаждой террористической деятельности.

Приняв консульство из рук предшественника, я быстро привел в движение все его отделы и кроме уже существовавших паспортного и опирающегося на Совет польских организаций репатриационного организовал торговый отдел, передачу денег в Польшу и даже польскую почту с собственными почтовыми марками.**

Консульство, размещавшееся сначала в нескольких залах по улице Гоголя, 15, с 20 ноября заняло почти весь дом князя Гагарина по улице Софиевской, 26, где сосредоточились все отделы работы, кроме паспортного и реэмиграционного, которые остались в своем предыдущем помещении.***

Затем, используя данные мне полномочия, я приступил к организации вспомогательных консульских организаций, какими всегда являются хорошо действующие агентства. В первую очередь они были созданы в важных городах, Николаеве и Херсоне, а также и в не менее важных Тирасполе, Елисаветграде и в других местах. Везде и всегда я требовал такого же отношения к польским гражданам, каким оно было к подданным других стран, и в конце концов, хоть и не без споров, этого добивался. Я убедился, что в головах россиян еще не могла поместиться мысль, что Польша уже существующая страна, и к тому же суверенная и признанная Европой, а не бывшая российская губерния. Однако же факт этого состоявшегося события не пустил корней даже в самом близком окружении Деникина. Достаточно сказать, что начальник Управления иностранных дел при штабе Деникина в официальной энунциации

** Поскольку открытие польской почты в Одессе произошло абсолютно формально на основании распоряжения Министерства почты и телеграфа в Варшаве, отсюда и марки этой почты приобрели права гражданства между филателистами. В настоящее время они считаются большой редкостью.

*** Прекрасно обустроенное консульство на улице Софиевской принадлежало князю Гагарину. Собственностью консульства были только немногочисленные, в основном мелкие предметы и картины, пожертвованные адвокатом Березовским, среди которых восхищала размерами картина старой школы, заполнявшая всю большую стену и отображающая акт принятия Конституции 3 мая. Помещение на улице Гоголя было обставлено мебелью клуба «Огонек», Дома польского и частных лиц.

агентства «Русаген» еще 12 ноября 1919 года поднимал вопрос о независимости Польши в неопределенном ближайшем будущем, но только так называемой «этнической», так как об «исторической» у тех господ даже не шла речь.

Впрочем, отношение деникинцев к Польше не разделяли другие российские «инородцы». 14 ноября обратился ко мне эстонский Народный комитет с просьбой о принятии опеки над эстами, проживавшими в Новороссии и на Украине, затем латышский предпринял то же самое в отношении латышей. Кроме этого я принял опеку над грузинами и даже до определенной меры над финнами. В особенно тяжелые минуты присоединялись и литвины, поддерживавшие с консульством связь через ксендза Антония Виторта – народного писателя. Очень хорошо ощутили они поддержку и от харьковского консульства, которое долгое время относилось к ним так же, как и к полякам, – оказывало помощь и т. д.

У меня есть сильное и, кажется, основательное подозрение, что в этой неприязни к Польше деникинцев поддерживали главным образом англичане, которые после ухода французов играли на побережье Черного моря первую роль в борьбе с Советами, чтобы потом снова уступить ее своим союзникам, но уже только в отношении армии генерала Врангеля, удерживавшейся в Крыму на год дольше. Англичане снабжали Добровольческую армию оружием, амуницией, обмундированием и медицинскими средствами. Их военные суда грозно курсировали вдоль побережья. В некоторых пунктах, особенно в восточной части Черного моря, были созданы оперативные центры, быстро превратившиеся в пункты оживленного вывоза местного сырья. Допускаю, что досточтимые союзники Деникина, избавляясь от ненужного им уже военного оборудования, делали на этой операции совсем неплохие доходы.

Достаточно вспомнить, что правление Деникина уступило англичанам все доступные запасы ценной черноморской шерсти, дало им своего рода монополию на закупку кавказского и крымского табака и продавало за полцены торговые суда, электролитную медь и т. п. Особым вопросом была их заинте-

ресованность в российской нефти. Под крылом англичан активничали на побережье также итальянцы, которые направили на Черное море свои торговые и пассажирские суда. Первые привозили туда немецкие товары, итальянские вина, фрукты и т. п., а вывозили разное сырье, вторые же, взимая за билеты на суда небывалые суммы в иностранной валюте, получали от перевозок сказочные прибыли.

Англичане целыми сотнями привозили на черноморское побережье изгнанных из Лондона за большевистскую агитацию евреев и требовали от нас, чтобы мы их снабжали польскими проездными документами, не обращая никакого внимания на место их рождения. Это каждый раз давало повод для обострения польско-английских отношений. Упомянутые неприятности в определенной мере уравновешивало более благоприятное отношение к нам представителей других государств, в первую очередь Франции, консул которой Г. Вотьер был сердечно нам предан. Дружески относился к нам также Др. Коломбатович, стоявший во главе делегации Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев, Др.Хар. Караминтчев – руководитель Генерального Болгарского консульства, и Ярослав Хуль, исполнявший функции консула Чехословацкой Республики. Мы даже обсуждали мысль создания славянского клуба консулов.

Деньгами, ходившими в это время на всем западном побережье, был украинский рубль, так называемый карбованец, который, несмотря на категорическое неприятие Деникиным права на государственное существование Украины, ценился выше, чем рубль деникинский и так называемый донской. В среднем осенью 1919 года царский рубль равнялся четырем карбованцам. Постепенно это соотношение ухудшалось, а царский рубль, особенно в сторублевых банкнотах, в случае если они были целыми и не имели дефектов или каких-либо следов уколов шпилькой, сделанных в определенном месте, в чем отлично разбирались только посвященные в эту тайну евреи, приобретал характер валюты заграничной, чего совершенно нельзя сказать об еще одном виде рубля, так называемом думском, и о керенках.

Из иностранных валют самым большим спросом пользовался английский фунт, с чем считались местные евреи-фальшивомонетчики, которые были настоящими мастерами своего дела и доставляли его в таком количестве, что каждый мог приобрести. Французский франк оценивался сразу в несколько карбованцев. Впрочем, его курсовая стоимость, как и стоимость всех иностранных валют, росла очень быстро и доходила до 50 карбованцев или донских рублей за единицу. Румынские леи были в три с половиной раза дешевле. Польская валюта не была известна – впрочем, принимался царский рубль, равный польской марке.

Торговля имела все черты лихорадочной продажи имущества. Продавалось все, что только можно было вынести, а все сложности и запреты, издаваемые по этому поводу Добровольческой армией, не приносили никакого результата, тем более что само правительство поступало так же, как и все.

Множество репатриантов везли в Польшу пудами черноморский табак, цена которого достигала в это время при оптовых поставках около 20 марок за килограмм сырья и около 40-45 за резаный. В любом случае поведение это было достойным похвалы в большей мере, чем завоз миллионов разных ничем не покрытых рублей и наводнение ими Польши, которая и так тяжело боролась за финансовое и хозяйственное равновесие.

Глава III.

Поражение войск Деникина и его последствия. Закрытие румынами Днестра для репатриации

Когда все российское черноморское побережье постепенно превратилось в одно большое торговое пространство, обогащающее иностранцев, с севера территории, занятой Добровольческой армией, начали доходить слухи об огромных неудачах, а затем и об изгнании Деникина из Центральной России, о паническом бегстве его войск к югу. И в конце концов в первые дни декабря прогремело, как гром, известие о захвате

большевиками Киева. Огромная масса беженцев, которая вскоре появилась в Одессе, принесла, может, не такие подробные, но многосторонние известия об этом подтвержденном факте. Было очевидно также и то, что большевики вскоре постараются дойти до побережья Черного моря. (...)

На консульстве этот поворот событий на театре войны отразился фатально. С одной стороны, огромное количество репатриантов, которые на переполненных поездах и кораблях со всех сторон стягивались в Одессу, а с другой – ставшее очевидным полное неумение властей взять под контроль все административные органы не только в городе, но и на побережье. Преобладали панические настроения, увеличился хаос, непомерно возросли преступность, наблюдался ужасный разгул социального дна. Дошло до войны всех против всех. Большие села, нередко превосходно вооруженные, были особыми центрами акций противогосподского сопротивления, в основном вызванного нежеланием отдавать запасы провизии проходящим войскам.

Оплата наличными не многим могла помочь в улучшении ситуации, так как весь сельский сектор тоже пресытился рублями, не имевшими никакой ценности, и больше не желал их принимать. Всем нужна была соль, мануфактура и керосин. Водку изготавливали сами (самогон).

Вдобавок зимой до того распространилась эпидемия сыпного тифа, что в самой Одессе ежедневно умирали сотни людей. А румыны, принимая санитарные меры, а также из-за появления многочисленных банд, разбойничавших по всей Украине, наглухо закрыли свою границу по Днестру.

Впрочем, и регулярные подразделения Добровольческой армии не очень отличались от банд. (...)

На поддержание достоинства в армии не смогли повлиять и празднества вроде того, что 9 декабря устроил в Одессе генерал Шиллинг в честь 150-й годовщины учреждения ордена Святого Георгия. Сошлись кавалеры ордена, послушали речи, но дальше снова брались за свое: грабили, крали, предавались пьянству – и даже не думали умирать за Отчизну. Все жило под знаком оргии. Особенно всех устрашила новогодняя ночь.

Началась такая стрельба из винтовок и ручных пулеметов, было брошено столько гранат и бомб, что казалось, будто на город наступает противник или что вспыхнуло всеобщее восстание. А это было только обычное уличное развлечение разыгравшейся деморализованной пьяной солдатни, уничтожающей боеприпасы, которые они и не собирались использовать в борьбе с врагом. Досталось и кораблям в порту. Многие из них были нещадно продырявлены.

Кто избежал большевистского ада, не многое этим приобрел, попав в ряды разлагающейся армии Деникина. И если раньше черноморское побережье желали покинуть тысячи и десятки тысяч, то сейчас этих желающих была огромнейшая масса. Вот только способов выбраться было очень мало, а особенно с той минуты, когда румыны запретили въезд на свою территорию по линии Днестра.

Этот запрет коснулся в первую очередь русских, но и для поляков он был крайне тревожным, хоть нам его румыны официально не объявили.

(...) Чтобы хоть как-то противостоять небольшими средствами, которыми располагало консульство, эпидемии, уже в ноябре мы организовали в Одессе больницу для тифозных – сначала на 10, а потом на 23 койки. Чаще всего эти койки предназначались для больных польских граждан, которых приносили из порта или с приходивших судов. Бывало, что их просто клали прямо во дворе консульства и больше ими не интересовались.

Глава IV.

Перед приходом большевиков. Создание консульской охраны

Деникинская Одесса доживала свои последние дни. И хотя газеты упорно молчали о том, что происходило на фронте, мы все знали, что не было никакого фронта, только хаотическое бегство деморализованных подразделений в сторону Одессы. Очень ценные известия доставлял журналист Кельнич, а еще более ценными были те, что получала или передава-

ла российская военная радиостанция, с сотрудниками которой нам удалось наладить контакты. Все свидетельствовало о том, что приходит «dies illa, dies irae», день мести и ужасов, неразрывно связанных со вторжением большевистских войск. Благодаря посредничеству евреев нам удалось узнать часть списка приговоренных к немедленной смертной казни. Было там несколько польских фамилий, но в основном русские. Кажется, на первом месте был редактор Кельнич, а немного ниже – католический епископ Кесслер.

Людям, пережившим мировую войну, о многом говорил уже один только взгляд на происходящее, а кроме того, движение автомобилей, носящихся по городу на бешеной скорости, постоянные перемещения отрядов маршировавших военных, состоявших скорее из нищих, а не из солдат, ведших за собой раненных или измученных коней. Отмечалось также прибытие в порт разных судов, на которые, особенно по ночам, грузилось военное снаряжение. Эта эвакуационная атмосфера в Одессе приобретала специфические местные черты. А именно – в уличных стоках находили больше, чем раньше, человеческих трупов, обгрызенных собаками. В ночное время по боковым улицам сновали отряды одичавших деморализованных солдат в папахами, убивавших каждого, кажущегося им достойным ограбления. Все более многочисленные толпы портовых бродяг все смелей бродили по площадям и элегантным улицам огромного города. Встретить их можно было даже на Екатерининской, Дерибасовской, Пушкинской, Ришельевской и на соседних улицах. Очень беспокоило также поведение огромного количества еврейской молодежи: было видно, что она замышляет какие-то сходки и заговоры.

Польское консульство заполняли толпы нуждающихся. Днем и ночью его стерег сильный отряд консульской охраны с пулеметами. Это началось тогда, когда однажды после наступления сумерек неизвестные особи стали разбивать закрытые входные ворота ручными гранатами.

Люди постоянно толклись в большом дворике консульства и в большом общем зале. В этой мешанине можно было слышать все языки: наряду с польским – в основном русский. Бывали там

генералы Добровольческой армии, известные российские деятели, директора банков, профессора университета и другие. Все вспоминали о своих бабках, прабабках, прадедах поляках, чтобы доказать, что у них польское происхождение, и таким образом они имеют право на польское гражданство и паспорт. Паспорт был единственной в этих условиях возможностью вырваться из одесского ада. Румыны не позволяли никому пересекать границу с российскими документами.

К сожалению, я был вынужден и отказывать. Не помогали даже ходатайства командующего войсками генерала Шиллинга. Допускаю, что похожим образом были атакованы и находившиеся еще в Одессе консулы других стран, которые, вероятно, поступали так же, как и я.

Вспоминаю об этом потому, что на тот период приходилась самая оживленная эвакуационная акция, организованная правительствами других стран. Приплывали одновременно корабли греческие, французские, итальянские, даже турецкие, которые забирали эвакуирующихся граждан своих стран и вместе с консульствами вывозили их из Одессы. Итальянский консул, кажется, какое-то время принимал даже на корабле. Английский находился еще в городе, но под прикрытием двадцати английских солдат морской пехоты. (…)

Не предвещало ничего хорошего и то обстоятельство, что под Одессу стягивались большие военные корабли. Возле итальянского гиганта «Piza», кажущегося с берега замком на воде, немного восточнее стояли английские гиганты. Интересовались только тем, что они сделают и что смогут сделать, а в первую очередь – собираются ли защищать Одессу, или тоже в решительный момент просигналят пару раз и уйдут. Особенно мало я верил в результативность их действий со стороны моря, поскольку был уверен, что на суше по-прежнему будет происходить то же, что и раньше.

Похожие размышления, по всей видимости, должны были волновать и других жителей Одессы, а в первую очередь городские власти, поскольку 30 января те обратились ко мне с просьбой принять участие в обсуждении чего-то похожего на оборону одесских позиций. Было это тем более необычно,

что формально Одессой еще правил генерал Шиллинг. По всей вероятности, этим он давал понять, что с этих пор город может делать что хочет. Отлично понимая, сколь сложной задачей является оборона города, и ни минуты не строя иллюзий насчет того, что то, чем я располагаю, сможет оказать помощь в обороне города, тем не менее, скорее для того чтобы удовлетворить любопытство, чем для какого-то действия, я послал несколько офицеров на общее с городскими властями собрание. После долгих совещаний они еще раз констатировали полное нежелание деморализованных одесситов ради своей жизни и собственности приносить какие-то жертвы (что является основой для любого совместного мирного или военного действия) и вышли из этого сообщества людей, жаждущих спастись, но не желающих для этого и пальцем пошевелить. Они считали, что все обязаны их защищать: и англичане, и итальянцы, и румыны, и даже польский консул с кучкой его людей – только не они сами.

Тут я должен подробнее объяснить, откуда взялось это предложение, сделанное именно польскому консулу, а не, например, английскому, до того времени находившемуся на суше. А произошло это оттого, что в те критические дни в моем подчинении был вооруженный отряд. Правда, он был небольшой, но, кажется единственный в Одессе, который походил на военное формирование, дисциплинированное и не грабящее, а дающее гарантию, что в случае необходимости сможет отважно участвовать в вооруженном конфликте. Была это наша консульская охрана, которой впоследствии мы столь многим были обязаны, и без которой даже речи быть не могло о том, чтобы выбраться из находящейся под угрозой Одессы такому количеству польских граждан.

Начало консульской охраны, или, как называли ее, отдела консульского формирования, относилось еще к 1919 году. Уже тогда, после моего прибытия в Одессу и принятия функций консула, я понял, что без вооруженной помощи нечего и говорить о спокойной деятельности. Я нанял троих людей, которых вооружил и которым доверил охрану внутреннего порядка в здании. По мере расширения консульской деятельности

увеличивалось и количество охраны: сначала до 5, затем до 10, а в конце концов до 26 и даже до 30 человек. Почти все были профессиональными военными с боевым опытом, прошедшими мировую войну. Все физически крепкие и здоровые, все связаны с консульством надеждой, что при его помощи выберутся из Одессы и вернутся в Польшу. Одетые в остатки российских мундиров, переделанных так, чтобы максимально приблизить их к польской форме. С особой гордостью они носили (что вызывало особое уважение) шапки, пошитые по польскому крою одесскими шапочниками. В таком виде наша охрана производила совсем неплохое впечатление.

Некоторые, особенно те, кто служил в польских формированиях, одевались еще и во френч и плащ, какие носили в польской армии. Впрочем, таких людей было мало, так как чаще всего жили только с того, что я мог им дать – очень скоромного жалования. Проживали в основном вместе недалеко от консульства, что позволяло им быстро прибыть в случае необходимости. Вооружены были винтовками. (…)

Вокруг этих вооруженных людей на постоянном жаловании постепенно сформировался отряд, насчитывавший 200 человек, с сорока лошадьми, пятью повозками, пулеметами и т. д. Кони были почти все частной собственностью, за исключением нескольких по случаю приобретенных консульством вместе с повозками. Повозки приобрели на случай пешей эвакуации на Овидиополь. Они были бы в таком случае абсолютно необходимы, чтобы перевезти архивы и забрать людей, которые не могут пройти сорок километров пешком.

Люди из такого увеличенного консульского охранного отряда, кроме упомянутых тридцати человек, не получали постоянного жалованья. Это были очень бедные солдаты и офицеры, которые служили когда-то в польских формированиях, или теперь – в рассыпающейся Добровольческой армии. Они зарегистрировались у коменданта консульства, но не могли выехать в Польшу в связи с отсутствием средств и способов. Все они время от времени получали от меня небольшую помощь, а в момент выхода консульства из Одессы их полностью взяли на его содержание. Многих из них необходимо было

обуть и одеть, так как из глубинки России они убежали в лохмотьях, пройдя самые страшные испытания. Достаточно сказать, что среди прочих в отряд были включены шесть солдат, которые были остатками группы из трехсот партизан, вышедшей из Киева в начале декабря 1919 года при общей эвакуации. После почти двухмесячного перехода они добралась до Одессы. Все же остальные, если не разбежались, погибли в боях, от ран, голода, холода и тифа. Консульство в этом случае организовывало их и следило за дисциплиной, привлекая к участию в общественной деятельности, а с другой стороны – выполняло функции опеки на чужбине.

Все военные без исключения отличались дисциплиной и преданностью делу. Точно так же вели себя латыши и эстонцы, небольшую группу которых в связи с моей консульской опекой над этими нациями в Одессе я также включил в ряды отряда охраны. Тридцати опытным военным я поручил обслуживание пулеметов. У меня их было пять. (...)

Быстро развивающиеся события обратили наше внимание в другую сторону. Большевики продвигались к Одессе в стремительном темпе и все указывало на то, что 6 или, самое позднее, 8 февраля они войдут в город. Последние основания для каких-либо счастливых случайностей и надежды на задержку их появления таяли, а город защищало уже только узкое пространство, лежавшее между ним и советской армией. Забыли даже о разрушении железнодорожных мостов. Я должен был принять окончательное решение о выходе из Одессы с теми польскими гражданами, которым оставаться там было невозможно из-за большевистского террора, повсеместно применявшегося к польскому населению с особенной безжалостностью.

Выходу из Одессы предшествовало доверительное совещание в консульстве, собранное 31 января 1920 года. Были приглашены: руководство консульства, делегаты польской колонии, представители местных польских организаций, а также некоторые офицеры как консульской охраны, так и торгового флота, группировавшиеся вокруг консульства. После информирования присутствующих о ситуации на так называемом

фронте я попросил их высказаться по поводу возможного выезда из Одессы: с каким количеством людей и когда. Было решено, что выход консульства с польскими гражданами, которым угрожает наибольшая опасность, обязателен, что количество людей, которые должны оставить Одессу, будет составлять от 1000 до 1200 человек. И наконец, что подходящий момент для выезда из города консул должен сохранять как можно дольше в самой большой секретности…

Сокровища из сокровищницы

312 Зона взаимного притяжения

Зона взаимного притяжения

Памяти Евгения Михайловича Голубовского

Евгений Михайлович Голубовский как-то написал: «Библиотека. Как для кого, для меня это святое слово, как и храм, театр, музыка». Он действительно трепетно относился к Одесской национальной научной библиотеке, был одним из наиболее авторитетных и активных наших читателей, на протяжении многих десятилетий «по кирпичику» пополнял фонды книгами и периодическими изданиями по вопросам литературы, культуры и искусства, которые ему пересылали «одесситы всех стран и континентов» – из США, Германии, Израиля, Франции, Австралии…

Много лет в Доме ученых собиралась Научная секция книги. Мы, молодые библиографы, обретали опыт публичных выступлений, здесь формировалось мастерство докладчиков, свобода общения с аудиторией, а еще опытные краеведы-исследователи научили нас понимать ценность любого документа. В этот наш «второй университет» входили Сергей Лущик, Евгений Голубовский, Мирон Бельский, Александр Розенбойм, Олег Губарь, Борис и Эдуард Амчиславские. Список можно

Презентация проекта «Выдающиеся личности и события в истории библиотеки». Памяти А.Н. Тюнеевой. – А. Петоян, Т. Щурова, И. Бирюкова, Е. Голубовский. 2019 г.

продолжить, но именно с этими специалистами судьба подарила нам долгое плодотворное сотрудничество.

С середины 1990-х годов в жизни исследователей начался новый этап. Накопленные материалы стали воплощаться в книги. Евгений Михайлович Голубовский одним из первых поверил, что сотрудники библиотеки призваны не только хранить книги, но могут быть авторами, составителями, редакторами и т. д. В одной из статей он написал: «В ОННБ много лет вижу не вспомогательную силу, а равноправного соратника, порой инициатора журналистских, писательских проектов». И далее: «…Примером для меня является системная, научная и просветительская работа отдела искусств Одесской научной библиотеки…». Нужно ли говорить, что такая высокая оценка опытного культуролога и «журналиссимуса», как его в шутку называли друзья, стала отличным стимулом в работе. Следуя его советам, помощи и доверию, удалось многое достойно реализовать именно потому, что рядом всегда был верный камертон. Теплый

На книжной выставке в библиотеке. Т. Щурова, Е. Голубовский, О. Барковская. 1980-е гг.

дом Голубовских несколько десятилетий был открыт для нас в любое время. Спасибо, Евгений Михайлович, за все доброе. Мы очень ценили эту «зону взаимного притяжения», существовавшую до последних дней нашего старшего товарища. Сегодня каждому из нас есть что вспомнить.

Презентация выставки Светланы Юсим. ОННБ. 2007 г.

На выставке памяти художника Николая Кужелева. А. Яворская, Е. Голубовский, В. Маринюк. ОННБ. 2019 г.

Татьяна Щурова

У меня дебют творческого содружества с Е.М. Голубовским состоялся в 1995 году. По его инициативе мы отыскали в одном из толстых журналов 1964 года издания миниатюрные зарисовки Леонида Утесова «Моя Одесса», которые не вошли в книги певца. Очень хотелось к столетию знаменитого одессита издать эту небольшую книжку. Евгений Михайлович охотно написал к ней предисловие «Посол острова Одесса», Борис Амчиславский добыл у вдовы Утесова

Презентация книг Анны Костенко (на фото в центре). Отдел искусств ОННБ. 2018 г.

разрешение на републикацию текста, книгу оформил художник Александр Карпушкин – и на Одесской книжной фабрике появилось симпатичное сувенирное издание. В его названии была заложена, пожалуй, главная идея всех наших последующих совместных проектов. Мы выбирали в истории творческой Одессы страницы, которые, по нашему мнению, интересно было вернуть современному читателю.

Удачной оказалась идея собрать и издать еще одно сувенирное издание – «Одесский журнал «Крокодил» и его ав-

На книжной презентации в ОННБ. 2017 г.

На авторской телепрограмме Феликса Кохрихта «Диалоги на Нежинской». – Е. Голубовский, Т. Щурова, И. Бирюкова, Ф. Кохрихт. 2018 г.

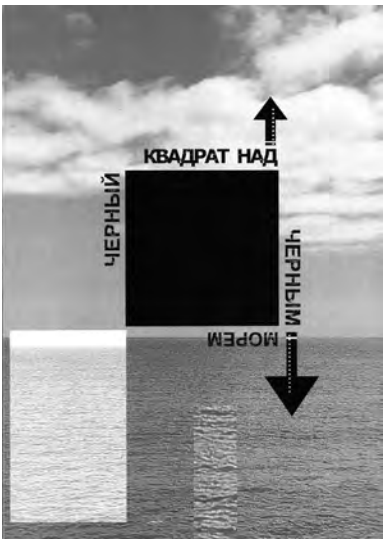
торы» (1998). Мы знали, что в музее книги ОННБ сохранился единственный в городе полный комплект этого раритетного юмористического журнала, выходившего в Одессе в далекие 1911-1912 гг. В творческом союзе с Е.М. Голубовским и С.З. Лущиком была проделана интересная, захватывающая и очень кропотливая работа по отбору материалов. Мы выбирали публикации и рисунки, которые наиболее ярко запечатлели ушедшее время, оставаясь содержательными и забавными сегодня. В книгу вошло исследование об авторах «Крокодила», фактаж для которого Сергей Лущик собирал по крупицам многие годы, у него же хранилась редчайшая фотография авторов журнала. Оформление и дизайн книги сделал прекрасный художник Владимир Миненко. Евгения Михайловича попросили написать предисловие, названное им «Смех, помогающий выжить», где были размышления об истоках и своеобразии одесского юмора. Книга понравилась читателям, а еще она познакомила и подружила нас с Александрой Ильиничной Ильф (1935-2013), занимавшейся не только архивами отца, но и генеалогией своей семьи. Дело в том, что один из авторов

«Крокодила», график и живописец Сандро Фазини (1893-1944), приходился старшим братом Илье Ильфу. Наше издание пригодилось для написания книги о творчестве и трагической судьбе талантливого художника.

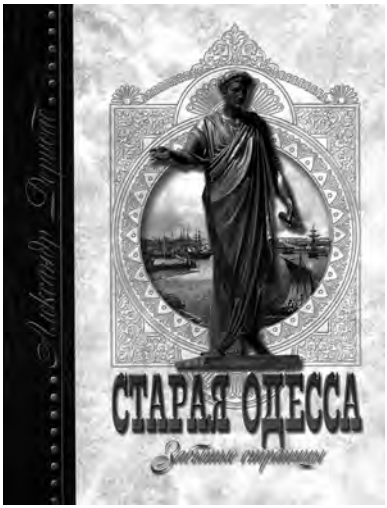
Давней мечтой Е.М. Голубовского было издать ранние стихи Юрия Олеши, частично разбросанные в публикациях одесской прессы 1915-1920 гг. Удалось собрать юношеские опусы начинающего литератора в книжку «Облако» в 1999 году к столетию Ю.К. Олеши. Евгений Михайлович вдохновил тогда на создание этого поэтического сборника библиографов, литературоведов, краеведов. Сто нумерованных экземпляров книги с иллюстрациями художника Александра Ройтбурда были изданы благодаря содействию Центра современного искусства в Одессе.

Зона взаимного притяжения расширялась. Голубовский был одним из инициаторов создания сборника, исследовавшего авангардное начало во всех сферах культурной жизни многонациональной Южной Пальмиры на протяжении XX века. Он был со-составителем, автором, придумал очень удачное название для книги – «Черный

квадрат над Черным морем» (2001, переиздание в 2007). Прекрасная творческая работа, объединившая усилия искусствоведов, историков музыки и кино, библиографов и журналистов, к тому же сдружившая авторов текстов на многие годы. Следует отметить, что некоторые материалы из сборника в дальнейшем обросли новой информацией и превратились в серьезные монографии и биобиблиографические пособия. А тогда, в 2001 году, издание было отмечено дипломом лауреата муниципального конкурса «Твои имена, Одесса!».



Под эгидой дружеских и творческих связей с Одесским филиалом Греческого фонда культуры и Одесским художественным музеем в 2003 году была завершена и напечатана книга-альбом «Кириак Костанди и художники-греки в Одессе», над которой составители работали в течение нескольких лет. Сведения о полузабытых художниках греческого происхождения, связанных с Одессой, были разбросаны в периодических изданиях конца XIX – начала XX вв. и требовали серьезных разысканий. Приходилось обращаться в областной архив и даже в архивы КГБ, к друзьям-исследователям



и коллекционерам. Нужно ли говорить, что одним из наших главных консультантов был Евгений Михайлович? В книге была также помещена его обстоятельная статья «Цвет одесского мифа».

Конечно, мы нашли понимание у Голубовского, задумав отыскать в старой одесской периодике исторические очерки и воспоминания Александра Михайловича Дерибаса (1856-1937), которые он продолжал печатать в многочисленных газетах и журналах вплоть до середины 1920-х гг. после выхода своей книги «Старая Одесса» (1913). Дерибас в равной степени был журналистом, краеведом, историком, библиотекарем, мемуаристом и театроведом. Его материалы вызывали живейший интерес, а книгу стали называть Библией Одессы. Выпустить второй том автору не удалось. Библиографам ОННБ показалось делом чести собрать эти «забытые страницы», чтобы издать книгу под тем же названием (2004). В именном списке этого издания около 1100 фамилий одесситов, упомянутых в очерках, много редчайших фотографий и открыток, из которых кое-что публиковалось впервые благодаря сотрудничеству библиотеки с известными коллекционерами города. Ценным дополнением к очеркам Дерибаса стала статья Евгения Голубовского и Олега Губаря «Блаженны мифотворцы». Книга получила доброжелательные отзывы в прессе, стала победителем во Всеукраинской акции «Книга года 2004» как лучшее краеведческое издание, получила диплом лауреата муниципального конкурса «Твои имена, Одесса!».

На суд читающей публики в 2009 году была вынесена своеобразная антология старой одесской периодики – книга «Благоухающий пепел», куда вошли материалы, ранее регулярно

печатавшиеся в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Книга, которая сегодня уже стала раритетом, появилась благодаря дружеской инициативе редколлегии нашего альманаха, прежде всего, Евгения Михайловича Голубовского, который предложил отделу искусств ОННБ печатать материалы в рубрике «Наши предшественники», а спустя время рубрика стала называться «Сокровища из сокровищницы». Он радовался выходу книги, с удовольствием написал для нее предисловие, назвав его «О сколько нам открытий чудных…».

Много лет Евгений Голубовский был членом Ученого совета ОННБ, участвовал в конференциях, презентациях книг и выставок, охотно печатал свои статьи в библиотечных изданиях, например в сборнике «Александра Николаевна Тюнеева» (2012), посвященном жизни и деятельности великой подвижницы библиотечного дела в Одессе, или в сборнике «Скарбниця культури. 1829-2014», изданном к 185-летию старейшей публичной библиотеки в Украине.

Мы продолжали общаться с Е.М. Голубовским до тех пор, пока ему позволяло здоровье.

Иногда удавалось увидеться в Клубе на презентациях книг, выставках, прекрасных джазовых концертах. Раз в квартал он строго спрашивал, почему я нарушаю график подачи материала в очередной номер альманаха, мы мечтали о новых совместных изданиях.

Но, увы, наше последнее совместное «творческое дитя» появилось в 2019 году. Это была хронологическая роспись содержания газеты «Всемирные одесские новости», № 1-100, под названием «Компас культуры Одессы». Конечно, идея книги принадлежала Евгению Михайловичу. Меня ждала интересная, но очень кропотливая работа. История возникновения и дальнейшее существование этой газеты – одно из наиболее креативных событий в одесской журналистике конца XX – начала XXI вв. Пробный номер был презентован на сцене Театра музыкальной комедии в ночь с 6 на 7 ноября 1990 года вместе с объявлением о создании Всемирного клуба одесситов. Инициатива принадлежала президенту клуба, талантливейшему одесситу, писателю-сатирику Михаилу Жванецкому, основателем издания стал вице-президент клуба, журналист, культуролог Евгений Голубовский. Первые сто номеров газеты вполне можно назвать энциклопедией Одессы, сумевшей охватить множество тем и имен. Газета неизменно откликалась на все значимые события литературной и художественной жизни, хотя самым объемным был раздел «Одессика», который, в свою очередь, приходилось разбивать на подразделы. Политика главного редактора газеты все годы, на наш взгляд, сводилась главной мысли: «Одесситы, у вас есть столько возможностей узнать, увидеть, научиться оценивать прекрасное! Сохраняйте, преумножайте!».

ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ВСЕМИРНЫЕ ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая

Марія Ивановны Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ

№1 (22) 1994 год

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ В ГОСТЯХ У РЕДАКЦИИ «ВСЕМИРНЫХ ОДЕССКИХ НОВОСТЕЙ»

ТОСТ

КОМПАС КУЛЬТУРЫ ОДЕССЫ

Искренне ваши
Юлия ЖЕНЕВСКАЯ
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Ольга Барковская

Все реже встречаются дома и квартиры – особенные, не просто жилье, а «культурные гнезда». Вот в такое «гнездо» Валентины Степановны и Евгения Михайловича Голубовских – тесную двухкомнатную квартирку на Черемушках, переполненную книгами и картинами и потому удивительно уютную, нам с Татьяной Щуровой повезло попасть где-то в середине 1990-х. Поначалу мешала излишняя почтительность, но Евгений Михайлович был замечательным заинтересованным собеседником – ему действительно хотелось знать, чем ты дышишь, над чем работаешь. А Валя Голубовская – душа этого дома, как-то незаметно, интонацией, манерой давала почувствовать: вы здесь не чужие, вам рады, приходите. Поменялся адрес, но и на Большой Арнаутской было так же уютно, и сохранялось теплое ощущение, что твоего

На презентации биобиблиографических справочников, подготовленных Ольгой Барковской. 2021 г.

прихода ждали. Почти невозможно поверить, что давно нет чуткой интеллигентной Вали, что вслед за ней теперь ушел ее Женя, которого она всю совместную жизнь окружала нежной заботой.

Сотрудничество наше с Голубовским началось с 1996 года, с журнала «Одесса». Я тогда собирала материалы о художниках Товарищества южнорусских, и Евгений Михайлович, которого интересовала эта тема, предложил делать для журнала выборки наиболее интересных статей об одесских мастерах из старой периодики. Потом были подачи для альманаха и «Всемирных одесских новостей». По прошествии лет понимаешь, какой хорошей школой были эти небольшие публикации и как постепенно мэтр приучал не бояться более сложных самостоятельных материалов. Очень интересной была совместная работа над сборником «Черный квадрат над Черным морем», когда благодаря Голубовскому (кстати, сделавшему для книги великолепную вводную статью) мы ближе познакомились с современными одесскими художниками-модернистами.

Евгений Михайлович живо интересовался моими поисками информации об одесских авангардистах начала XX века, основавших в трудные годы мировой войны и двух революций недолговечное, но яркое молодое Общество независимых художников. Когда книга о «независимых» наконец была завершена, он написал к ней очень важное для меня предисловие. Там была не просто оценка работы, скорее аванс на будущее, толчок к продолжению темы.

Поэзия, живопись авангарда всегда глубоко волновали Евгения Михайловича. В его домашней библиотеке – редчайшие

Страница из альбома «С искренней благодарностью...». 2014 г.

поэтические сборники 1910-х годов. Две подаренные им из своего собрания книжечки, так же, как и его собственные, стоят у меня на полках, и всегда будут напоминать о добром удивительном талантливом человеке.

Александра Дели

Мое знакомство и общение с Евгением Михайловичем началось во время составления биобиблиографического указателя памяти краеведа Александра Юлиевича Розенбойма (Ростислава Александрова). Помню свое волнение при первом разговоре после презентации очередного номера «Всемирных одесских новостей» в клубе. Я тогда подумала, как легок и открыт он в общении… Позже, в процессе работы, я неоднократно просила у него консультации. И здесь следует отметить, что этот указатель дал

мне многое: за три года составления удалось улучшить свои краеведческие и профессиональные навыки, а главное – познакомиться с массой интересных и талантливых людей, влюбленных в дело, которое стало смыслом их жизни. Таким, безусловно, был и Евгений Михайлович.

В день, когда я получила тираж, первым делом отвезла экземпляры вдове Александра Розенбойма Миле Ароновне и, конечно, Голубовскому. Тогда за рюмкой коньяка в его невероятно атмосферной

Презентация книги об Александре Розенбойме (Ростиславе Александрове) в Одесском литературном музее. 2019 г. Е. Голубовский и составитель книги А. Дели

квартире на Большой Арнаутской книжный мэтр произнес фразу, которую я вспоминаю в моменты, когда опускаются руки: «Теперь, Саша, я вас очень прошу – не останавливайтесь. Пишите, составляйте справочники…». Заручившись таким кредитом доверия, следует соответствовать… Поэтому было решено продолжать серию «Краеведы Одессы» сборником памяти уже немного забытого и недооцененного в свое время современниками краеведа, кавэнщика, журналиста Валентина Крапивы. И в этом проекте Голубовский принял активнейшее участие, написал воспоминания, посоветовал, к кому можно обратиться из друзей В.В. Крапивы.

Для меня одна из главных, редких черт характера, почти никогда не встречающихся в нынешней породе людей, – это умение искренне радоваться творческим успехам других, особенно молодежи. Давать советы ненавязчиво, суметь вдохновить и окрылить в нужный момент. Таков был Евгений Михайлович.

Последняя наша встреча состоялась весной. Вместе с его дочерью Анной мы строили планы по составлению каталога домашней библиотеки Евгения Михайловича. Я предвкушала интересную работу, думала, что буду записывать рассказы Голубовского о том, как попали отдельные редкие экземпляры в его коллекцию… Но на следующий день позвонила Анна Евгеньевна с новостями, что она уезжает в командировку, а Евгений Михайлович плохо себя чувствует, и нам придется отложить начало работы на неопределенный срок.

Что ж, легко догадаться, что у нас с Анной теперь есть цель. И мы, по наставлению и завещанию Е. М., не намерены останавливаться…

На презентации 104-го номера газеты «Всемирные одесские новости». ВКО, 2018 г.
Выступает Александра Дели. Слушают Евгений Голубовский, Михаил Жванецкий и члены клуба

С книгами, созданными в содружестве с Евгением Михайловичем Голубовским, можно ознакомиться в отделе искусств Одесской национальной научной библиотеки:

Утесов Л.О. Моя Одесса / Леонид Утесов ; вступ. ст. Е. Голубовского. – Одесса : ОКФА, 1995. – 88 с.

Одесский журнал «Крокодил» и его авторы : избр. страницы (1911-1912) / сост. Т.В. Щурова ; авт. ст.: Е.М. Голубовский, С.З. Лущик ; худ. В.Т. Миненко. – Одесса : ОКФА, 1998. – 320 с. : ил.

Олеша Ю. Облако : стихи / Юрий Олеша ; сост.: Е. Голубовский, Т. Щурова ; авт. предисл. Е. Голубовский ; худ. А. Ройтбурд. – Одесса, 1999. – 90 с. : ил.

Товарищество южнорусских художников : биобиблиогр. справ. / сост.: В.А. Афанасьев, О.М. Барковская ; Одес. гос. науч. б-ка им. М. Горького. – Одесса : Друк, 2000. – 302 с. : ил.; Изд. 3-е, испр. и доп. – 2021.

Черный квадрат над Черным морем. Материалы к истории авангардного искусства Одессы, XX век / сост.: Е.М. Голубовский, Ф.Д. Кохрихт, Т.В. Щурова ; Одес.

гос. науч. б-ка им. М. Горького. – Одесса : Друк, 2001. – 264 с. : ил.; Изд. 2-е, доп. – 2007.

Кириак Костанди и художники-греки в Одессе, конец XIX – начало XX веков / сост.: О.М. Барковская, Л.А. Еремина, Т.В. Щурова ; вступ. ст.: Е. Голубовский, Л. Еремина. – Одесса : Друк, 2002.

Дерибас А.М. Старая Одесса. Забытые страницы : ист. очерки и воспоминания / Александр Дерибас ; сост.: О.Ф. Ботушанская, О.Н. Вовчок, Т.В. Щурова ; авт. послесл.: Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. – К. : Мистецтво, 2005. – 416 с. : ил.

Благоухающий пепел. По страницам старой одесской периодики : (сборник) / сост. Т.В. Щурова ; авт. вступ. ст. Е.М. Голубовский. – Одесса : ВМВ, 2008. – 556 с. : ил.

Александра Николаевна Тюнеева : сб. материалов / сост.: Л.В. Арюпина, Л.Н. Бурьян, Т.В. Щурова ; Одес. гос. науч. б-ка им. М. Горького. – Одесса : ВМВ, 2012. – 316 с. : ил.

Общество независимых художников в Одессе : биобилиогр. справ. / сост. О.М. Барковская ; авт. вступ. ст.: О.М. Барковская, Е.М. Голубовский ; Одес. нац. науч. б-ка им. М. Горького. – Одесса : ВМВ, 2012. – 216 с. : ил.; Изд. 2-е, доп. и испр. – 2021.

Скарбниця культури : зб. ст. – Вип. 4 / упоряд. Л.М. Бур'ян ; Одес. держ. наук. б-ка ім. М. Горького. – Одеса, 2014. – 306 с. : іл.

Компас культуры Одессы : хронолог. роспись содерж. газ. «Всемирные одесские новости», № 1-100 / сост. Т.В. Щурова ; авт. вступ. ст.: Т.В. Щурова, Е.М. Голубовский ; Одес. нац. науч. б-ка, Всемир. клуб одесситов. – Херсон : Гельветика, 2019. – 308 с. : ил.

Александр Юлиевич Розенбойм (Ростислав Александров) (1939-2015) : воспоминания друзей; библиография / сост. А.П. Дели ; Одес. нац. науч. б-ка. – Одесса : Optimum, 2019. – 284 с. : ил. – (Серия «Краеведы Одессы»; вып. 3).

Валентин Владимирович Крапива (1945-2013) : воспоминания друзей; библиография / сост. А.П. Дели ; Одес. нац. науч. б-ка. – Одесса : ФЛП Вовк А.В., 2022. – 232 с. : ил. – (Серия «Краеведы Одессы»; вып. 4).

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Путешествие

332 Екатерина Безпалова
Пожить в Париже и...

Екатерина Безпалова

Пожить в Париже и...

Пятьдесят километров по Парижу за сто часов без трех мушкетеров и Бурбонов, но с круассанами и крепами, арманьяками и даже козаками.

Nous ne parlons pas français, а лишь падам-падам-падам-иларив-энкурантдерьер-муа с женаманшпасисжур. Пока молоды, мы поспешили пожить хоть немножко в Париже, припомнив, как Хемингуэй утверждал, что «Если тебе повезло, и ты в молодости жил в Париже, то где бы ты ни был потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж – это праздник, который всегда с тобой». Как и Хэм, мы поселились в Латинском квартале, именно на том пятачке, где на 37 rue de la Bûcherie работает культовый книжный магазин Shakespeare & Company, якобы более ста лет торгующий книгами на известном нам английском. Возле магазина-кофейни всегда людно, так как путеводители и экскурсоводы рассказывают, что именно здесь Хемингуэй познакомился с книгами русских писателей и впервые прочел «Войну и мир», но на самом деле с этим магазином почти такая же история, как с одесским «Гамбринусом». Не совсем тот и не совсем там. Современный Shakespeare & Company здесь действительно уже более шестидесяти лет, сюда захаживали Аллан Гинзберг и Уильям Берроуз, а владелец лишь переименовал свой магазин, воспользовавшись громким и популярным названием Shakespeare & Company закрывшегося в 1940.

Вот именно в том аутентичном магазине-библиотеке на 12 rue Odeon бывал не только Хэм, но и Фицджеральд, Рильке, Кокто, Джеймс Джойс и Гертруда Стайн, там продавались запрещенные «Улисс» и «Любовник леди Чаттерлей», а тамошняя атмосферная

тусовка описана в «Празднике, который всегда с тобой». А вот делать заметки Хэм предпочитал в кафе на бульваре Сен-Жермен в 1920-х, где мы непременно отметились с бокалом бордо. Кстати, затем мы отправились на Вандомскую площадь, чтобы взглянуть на колонну с Наполеоном и отель «Ритц». В 1956 Чарлз Ритц вернул Хэму его чемодан Louis Vuitton, оставленный в отеле более двадцати лет назад. На дне чемодана Хэм обнаружил свои заметки, считавшиеся утерянными. Вот таков он, Ритц! Иначе могло бы и не быть «Праздника, который всегда с тобой». Не зря «Ритц» предпочитали Грета Гарбо и Марлен Дитрих, Пехлеви и Эдуард VII, Чарли Чаплин и Фитцджеральд. Коко Шанель прожила в этом отеле тридцать лет, а Герман Геринг выбрал его в качестве своей штаб-квартиры.

Нон-женерегеретерьен… Тут мне хочется вернуться с правого берега обратно на левый, и в этот раз пересечь Сену с Севастопольского бульвара и Сите через два моста – мост Менял и мост Сан-Мишель, упирающийся в одноименную площадь с потрясающим и, как говорят, самым высоким парижским фонтаном. Отсюда видна набережная Орфевр, и лично мне вчера с радостью мерещился спешащий на работу комиссар Мегре. Сегодня мост Менял примечателен лишь буковой N (в честь Наполеона III). Мост Менял, как и весь центр Парижа подвергся глобальной реконструкции при бароне Османе в середине XIX века, но воображение позволяет представить себе сотни лавочек и магазинчиков, в одном из которых спит злодей парфюмер Грену́й.

Бэээээллллль… А из нашего окна… была чайка толстая видна, а не только пострадавший Нотр-Дам и, как утверждают парижане, самое старое дерево Парижа – ложная акация, именно такая,

как наши одесские, именно такая, какие положено называть робиниями вслед за французскими садовниками Жаном и Веспасианом Робенами (Robin), которые завезли растение в Европу и посадили праматерь всех наших акаций в парижском сквере Рене Вивиани. Нам, выбравшим отель, располагающийся в здании 1640 года постройки, нравилось верить парижанам, что дерево было посажено в 1601.

Собор Парижской Богоматери… Говорят, что лучший вид на Нотр-Дам из сквера, но на самом деле из нашего окна. Нотр-Дам нуждался в реставрации в начале XIX века, но до этого не доходили руки властей. Около сорока страниц у Виктора Гюго… не опубликовал бы он в 1832 свой роман, сделав собор одним из главных персонажей, мог бы и не дожить собор до наших дней. Не секрет, что в восстановлении собора после пожара участвует не только Франция, но и весь мир.

Лично мне кажется, что и в этой сегодняшней масштабной поддержке большая заслуга Гюго. Ведь на самом деле и в мире, и в самом Париже, буквально в двух шагах от Нотр-Дама, сохранилось много не менее примечательных готических храмов с весомой исторической ценностью. Вот прям тут в сквере маленькая Сен-Жюльен-ле-Повр – ровесница Нотр-Дама, куда захаживали Аквинский, Данте и Рабле, а рядом с ней Сан-Северин XIII-XV веков с удивительной пламенеющей готикой и маленьким старым кладбищем. Хотите верьте, хотите нет, но утверждают, что на этом церковном кладбище в 1474 хирурги впервые удали-

ли камень из почки живому человеку. Пациент, приговоренный к смертной казни за воровство, был избавлен от боли и помилован.

Пароле-пароле… Топоним «Латинский квартал» появился благодаря Сорбонне, где обучение велось сугубо на латинском языке. Сама же Сорбонна названа в благодарную память монаха Робера Сорбона, открывшего в XIII веке на месте престижного университета колледж богословия для неимущих. Однако могла бы Сорбонна называться и Ришельевским лицеем, как у нас в Одессе, поскольку легендарный кардинал Ришелье был не только ее славным выпускником, но и крупным меценатом заведения, а впоследствии стал ее директором. По своему завещанию Ришелье похоронен в крипте университетской церкви, куда одесской профессуре попасть не представилось возможным. Тем не менее при желании отдать честь и поклониться великим французским ученым и писателям можно в пяти минутах ходьбы в Пантеоне.

Пантеон. «Великим людям – благодарное Отечество». Бессознательно замолкаешь от величия. Храм культа науки и искусства.

Пантеон был возведен по обету Людовика XV как церковь Святой Женевьевы – покровительницы Парижа. Оправившись от серьезной болезни, король пожелал построить новый храм. Однако к окончанию строительства в 1790 монархия была свергнута, и революционное правительство предпочло использовать храм как «Усыпальницу великих людей страны». Здесь похоронен Виктор Гюго, а рядом покоятся Дюма и Золя, Брайль, супруги Кюри и Вейль, Вольтер, Руссо и др. Именно здесь Фуко показал эксперимент с маятником, который и сегодня наглядно демонстрирует суточное вращение Земли. Я пока недоуменно изучаю заслуги Жозефины Бейкер (1906-1975), перезахороненной в Пантеон в 2021 по инициативе президента Макрона. Ну и в целом разбираюсь в хронологии Меровингов, Каролингов, Капетингов, Валуа, Бурбонов, уяснив для себя, что надо идти обратно в Сите, с которого, собственно, и начинался Париж. Идти обязательно через Пон-Нёф – старейший мост Парижа (1607).

Томбелянэже… туневьендрапасесуар… Остров Сите похож по форме на кораблик, поэтому кораблик и изображен на гербе Парижа. Девиз города меня покорил: «Fluctuat nec mergitur», что означает «Его качает, но он не тонет».

И снова правый берег! В район Маре через «Чрево Парижа», которое пришлось поискать и не удалось найти, поскольку уже к середине XX века злачные кварталы были модернизированы при расширении метрополитена. К тому же мы вполне быстро, дня за два, разобрались, что «Чрево Парижа» – не Лез-Ай (Les Halles), а Ле-Аль. Сегодня это лишь огромный торговый центр, а от колоритного рынка с остатками кладбища, где родился Жан-Батист, будущий парфюмер, остались лишь фрагменты воспоминаний в строках Золя. Ну и само собой, еще одна роскошная готическая церковь Сент-Эсташ и Фонтан невинных.

Пора-пора-порадуемся-на-своем-веку-красавице-и-кубку-счастивому-клинку… Путь к площади Бастилии мы, конечно, проложили через изысканную квадратную площадь Вогезов мимо потрясающей барочной церкви Сен-Поль-Сен-Луи, в которой в 1843 вышла замуж дочь Гюго Леопольдина, а в романе «Отверженные» состоялась свадьба Мариуса и Козетты. На площади Вогезов мы задержались, потому что я не могла поверить, что на доме № 21 нет ну никакой таблички о том, что тут достаточно долго трудился Ришелье. А вот в дом № 6 мы заглянули. В этот особняк Дюма поселил Миледи, но этой обольстительной шпионкой кардинала там и не пахнет, поскольку сегодня это милейший бесплатный дом-музей Виктора Гюго, снимавшего квартиру на втором этаже с 1832 по 1848.

Мон-мэк-амуа-ил-мэ-парль-давантюре… Следовало бы от Дома Инвалидов, где в конце концов Наполеон нашел свой вечный покой, охраняемый шестью гробами-саркофагами под самым куполом, прошествовать по мосту Александра III в Елисейские

сады, но, видимо, в следующий раз. Иначе не получилось бы прошагать под двумя триумфальными арками, посмотреть на Эйфелеву башню с разных ракурсов – Марсова поля и Трокадеро, заскочить в Орсе, Бодур, Карнавале. Не сложилось и с каштанами на площади Конкорд в пользу фондю, раклет и пиерады. Прогулки по роскошным парижским садам зимой вполне неплохо заменять пассажами, но одесситкам было бы непристойно обойти аутентичный Пале-Рояль близ Лувра и не обойти со всех сторон их, надо признать, не менее потрясающий театр Оперу Гаранье.

Эсетюнэкзистэпа… Париж без Монмартра – как Одесса без Дерибасовской. С бульвара Клиши мы побродили маршрутами Амели, отметились у Стены Любви, разглядели уже третий из ста восьми фонтанчиков Уоллеса на площади Аббесс напротив уникальной церкви Иоанна Евангелиста, потоптались у «корабля-прачечной» Бато-Лавуар, где некогда квартировали Модильяни, Пикассо, Аполлинер, а к ним захаживали Брак, Матисс, Кокто и Гертруда С., быстренько выпили глинтвейн на площади Тертр у легендарного кафе «У матушки Катрин», где голодные козаки просили, чтоб им быстро-быстро принесли вина и закуску, и пришли на вечернюю службу в базилику Сакре Кер, с холма у которой открывается один из самых роскошных видов Парижа.

Париж – пристойный рай для курильщиков, где можно выпить бокал вина с вкуснейшими улитками или устрицами и с сигаретой (!) почти в любом колоритном кафе, уютно разглядывая парижских прохожих, учиться у них французскому модному шарму – без кроссовок, джинсов и пуховиков, но с разноцветными шарфами, пальто, начищенными до блеска туфлями, сапогами с каблучками, юбками и брюками, шляпками и беретами, улыбками на лицах без архидлинных ресниц и мегапухлых губ и с легким шлейфом дорогих духов.

Фото автора

Ах, Одесса

340 **Семен Абрамович**
Памяти Алексея Семенищева

342 **Александр Солодянкин**
Слободка – Лузановка: на море и обратно

350 **Владислав Китик**
Дедушка и внучек

353 **Вячеслав Вольф**
О вреде курения

362 **Игорь Геращенко**
Только в Одессе…

Семен Абрамович

Памяти Алексея Семенищева

«Когда я снова стану маленьким…»
Александр Галич. «Кадиш»

Добрый вечер, липа, дай мне лапу
все еще зеленую твою.
Обещали дождь, а он не капнул
в летний день, последний, на краю.
Колокольный звон доносит ветер.
Полнолунье сыплет белизну.
Осень завтра, щурясь на рассвете,
расточать возьмется желтизну.
Мне не ново, как и следопыту,
путь держать по оттискам следов.
В них дождливой тайною сокрыта
суть сама земных тугих оков.
И пока в земном я притяженьи,
и пока я в вязкой суете,
ты, мой друг, Господним изволеньем –
предоставлен вечной немоте.
Друг мой, искренний попутчик,
жаль, что не увидишь сентября.
Август жаркий, горький наш разлучник,
сердце рвет, как лист календаря.
Струны вздрагивают рядом, в полуметре…
Сирота гитара струны рвет.
И, как в песне о кораблике и ветре,
тенью проплывает в Дом сирот.

Помнишь, друг, как Галича читали…
Клевер золотой, вокзал, вагон…
И слова печальнее печали…
Креозотом пахнущий перрон…
Мы с тобою подчинялись воле
не своей, а Бога самого.
Как же быть?.. Не сыгранные роли,
песни на понятном нам арго.
Кто теперь споет нам Окуджаву?
Кто теперь нам Визбора споет?
Кто теперь и по какому праву
место опустевшее займет?
Не хочу стенаний и вопросов.
Коль уж выпал журавлиный лет –
пусть среди людских многоголосий
голос твой о вечности поет.
Обещали дождь, но он не капнул
в летний день, последний на краю…
Добрый вечер, липа, дай мне лапу,
все еще зеленую твою…

Александр Солодянкин

Слободка – Лузановка: на море и обратно

Теплое летнее одесское утро. На дворе вторая половина шестидесятых. На трамвайной остановке у выезда из депо около дома быта, в обиходе называвшегося красивым словом «ателье», стоит огненно-рыжая женщина под пятьдесят с тремя мальчиками – десяти, пяти и трех лет. Это я с мамой и двумя племянниками ждем трамвая номер девять. С утра едем на море, чтобы к жаре вернуться домой. Говорят, где-то есть послушные и усидчивые дети, которые могут тихо играть и спокойно ждать трамвая. Что ж, говорят… В общем, ждем.

Одноэтажное здание ателье становится на время ожидания крепостью, которую штурмует наш отряд. Казаки-разбойники – постоянные спутники детства. Ниндзя и прочие импортные герои еще не в обиходе. Днем в ателье, наверное, делали полезные вещи, улетучившиеся со временем. В памяти задержалась только новая для того времени услуга: зарядка за семь копеек использованных стержней для пастовых ручек. Мастер аккуратным движением выбивал шарик, насаживал на специальный штуцер пустую трубочку, за мгновение наполнявшуюся синей массой. Вероятно, для лучшей наполняемости местные умельцы «улучшали» ее состав. Повторно заправленные стержни потом нещадно мазали, что в конечном итоге стало одним из факторов, угробивших эту так и не ставшую популярной услугу населению.

Практически единственным положительным моментом соседства с трамвайным депо была возможность от дома доехать без пересадки в любую часть города, обслуживаемую слободскими трамваями. В данном случае мы обходились без двух пере-

садок: с пятнадцатого на тридцатый и с тридцатого на девятый (или седьмой). Это никак не перекрывало того сумасшедшего дома, творившегося с четырех утра до двух ночи от беспрестанного движения трамваев. Так что с паршивой овцы…

Мы ждем трамвая. До семидесятых годов, когда решили экономить на столбах и сближать колеи, трамвай на нашей улице (впрочем, на Перекопской Победы, нынешней Градоначальницкой, тоже) ходил по разные стороны от проезжей части. Сейчас такое симметричное расположение путей и симметричное восприятие улиц осталось разве что на Французском бульваре и Адмирала Лазарева. Впрочем, это самые малые архитектурные чудеса, случившиеся в нашем городе.

Наконец из депо вышел трамвай. Мама срочно собирает нас. Но это был не наш трамвай. Наш придет еще минут через десять. Войдя и поблагодарив водителя, мы отправляемся в путь. Особым шиком было попасть на трехвагонный поезд, сделанный в одесских вагоноремонтных мастерских. Собранные лет десять назад, они по своим пропорциям повторяли еще довоенные образцы. Детское восприятие: чем длиннее трамвай, тем дальше едем. До массового появления чешских трамваев оставалось совсем немного. В то время заканчивалась жизнь еще бельгийских трамваев, ходивших по Одессе с 1910-1913 годов. За долгие годы с узкой колеи их переделывали на широкую, на лето «раздевали», меняли кузов. А в последний путь, как корабли, на гвозди, они отправлялись по нашей улице. Последний подъем от моста до нашего дома преодолевался на малой скорости со специфическим гулом, мальчишки со двора успевали выйти на улицу посмотреть на чудо техники 1912 года.

Между тем, подъехав к улице Фрунзе (Балковской, которой вернули историческое название), вагон поворачивал в сторону Пересыпи. Для этого надо было проехать по мосту через сточную канаву, всегда бурлящую и источающую гнилостные запахи, выветривающиеся потом на протяжении четверти часа. Смотреть из окна вниз на бурный поток было страшно. Казалось, он возьмет и унесет нас с собой.

За одну остановку до пересыпских мостов жила тетя Сима, которая была замужем за бывшим папиным флотским сослуживцем

дядей Мишей. У них недавно установили домашний телефон. Это были единственные знакомые в городе с телефоном. 3-69-18, потом 3-71-18. Две копейки в таксофон у Спецмотобазы – и бывшие военморы договариваются о маевке на 2 мая или еще по какому-то поводу. По сравнению с нами (семь человек на две проходные комнаты) у них были хоромы: те же две комнаты, но на четверых. А после возвращения с плавпрактики с курсантами вышки, где после демобилизации работал дядя Миша, меня угощали диковинной ментоловой жевательной резинкой. Собственно говоря, в этой квартире я и познакомился со жвачкой.

По Фрунзе ходил последний узкоколейный трамвай тридцатого маршрута. Вагоны еще бельгийской компании. Последние годы жизни вагоны уже ходили без прицепов. Сил их таскать за более чем пятидесятилетнюю историю у них не осталось. Последний раз их видел в кинофильме «Один из нас», снятом на Мосфильме режиссером «Интервенции» Геннадием Полокой, влюбленным в Одессу. Практически без хода, вагоны были сняты около депо на Товарной. Так в Одессе закончился узкоколейный трамвай.

Если в сухую погоду на Фрунзе были пыль и запахи от канавы, то в дождь, особенно сильный, проехать там было большим искусством. Какие-то бревна, вывороченные из мостовой булыжники и прочие сюрпризы то тут, то там поджидали водителей. А иногородние шофера, не знавшие до того о существовании канавы, иногда узнавали о ней явочным порядком.

Вскоре трамвай прибывал к пересыпским мостам. Железнодорожная ветка на Сортировочную была еще в уровне земли, и иногда приходилось долго ждать у закрытого шлагбаума прохождения поездов.

Приехав на Московскую (нынешнюю Черноморского казачества), вагон заполнялся пассажирами и после короткой паузы отправлялся в путь. За первым поворотом у мельницы Вайнштейна, сколько раз мы бы там ни проезжали, я задавал маме один и тот же вопрос: «Покажи дом, где я родился». Сначала была показана моя малая родина – невзрачный дом номер двадцать два рядом с мельницей, а потом уже самая малая родина, через полтора квартала, роддом во Втором Заливном переулке. Много лет спустя по дороге в порт Южный всем своим коллегам-попутчикам

каждый раз показывал свою малую и самую малую родину. Мои постоянные попутчики сначала пытались меня уверить, что уже знают об этом. Но чувство родины было таким сильным, что я снова и снова рассказывал об этом.

После Красного сквера, у сахарного завода справа начиналась железнодорожная ветка, выход которой был у мясокомбината. Приближение мясокомбината сопровождалось жутким запахом. Трамвай на минимальной скорости буквально подскакивал на железнодорожных рельсах. Так что слева на железнодорожном шлагбауме успевал прочитать и улыбнуться от надписи: «Нормальное положение шлагбаума – закрытое». Улыбаюсь до сих пор.

Приехали на Ярмарочную площадь, где было кольцо шестого трамвая. На стыке семидесятых после ремонта изменилась нумерация маршрутов. Шестой трамвай продлили до Лузановки, где прежде заканчивался девятый маршрут. А девятому потом еще предстоял долгий путь до Центролита. Тогда этот маршрут, ныне именуемый первым, был самым длинным в Одессе. Кольцо трамвая номер семь по мере последующей застройки поселка Котовского несколько раз переносилось в сторону степи.

Ярмарочная площадь с небольшим базарчиком была там центром цивилизации. Весть о пожаре в зубодралке на Ярмарочной многими слободскими школьниками была воспринята как естественная расплата за причиненные страдания во время обязательной санации. На стадионе там тренировалась будущая звезда Леонид Буряк, о чем с восхищением рассказывали во дворе старшие пацаны. Как в воду глядели. Понятно, футболиста сперва описали словесно, а потом уже узнали и фамилию. Памятник герою с не очень героической и не очень правильной фамилией Плохой завершал восприятие этого района. Московская улица тут заканчивалась, трамвай еще раз переезжал железнодорожные пути и оказывался на дороге Котовского.

Там тогда начинались однопутные участки со множеством разъездов. К тому времени наше путешествие продолжалось около часа, и мои племянники, сыновья шофера, уже не могли усидеть на месте. Они бегали к кабине водителя и смотрели на работу трамвайных светофоров. Светофор представлял собой небольшую коробку, в которой в противоположные стороны

поочередно зажигались красные фонари, разрешая или запрещая движение в одном из направлений. Несложно было мне в десять лет понять схему работы: если на первом разъезде пропускаешь ты, то на следующем уже пропускают тебя. И так далее. Однопутные участки давно ушли в прошлое, за исключением одного на двадцать седьмом маршруте в Черноморке между четырнадцатой и пятнадцатой станциями. Об однопутных участках на этом и других маршрутах напоминают только непонятные сдвижки колеи посреди прямых отрезков пути.

Наконец закончился кабельный завод с цехом, перекрытым трофейными фермами, ранее служившими крышей ангара одного из немецких авиастроительных предприятий. Через минуту-другую собираемся выходить. Мы на море!

Засидевшиеся за час с лишним мальчишки бегом бегут сразу к воде. Разложившись на подстилке с обязательным «компотиком», мама начинает свой нелегкий труд массовика-затейника, матроса-спасателя и официанта-уборщицы в одном лице. Более десяти лет назад, посмотрев фильм «На море», я поймал себя на мысли, что мама с этой оравой так ни разу в море и не искупалась. Коня на скаку не останавливала, в горящую избу не входила, но справиться терпением и добротой со всеми тоже дорогого стоит.

Итак, море. Широкий песчаный пляж, отделенный маслиновой аллеей от городского шума. Пространство между маслинами и трамвайной линией было заброшенной болотистой местностью, куда свозились грунт и мусор для образования территории. Существовала даже ветка грузового трамвая, по которой также завозились пригодные для этих целей отходы. Сколько уже десятилетий тому грузовой трамвай, выполнявший различные перевозки, канул в Лету! Самым экзотичным и запоминающимся был трамвай для перевозки скота. Почему экзотичным, думаю, понятно, а запоминающимся – потому что после его прохода около нашего дома эта мясокомбинатовская вонь далеко не сразу выветривалась из квартиры.

Обзор морского горизонта начинался с остова полузатопленного катера со стороны мыса Е, манящего попутешествовать туда. К слову, лет через пятнадцать, по мере взросления, когда пришел черед реализации детских мечтаний и задумок,

я побывал и там тоже. Горизонт центрального сектора обзора с чистым небом перебивался силуэтами судов на рейде. А правый сектор с портом и центром города всегда был в дымке от производственных дымов. Ориентиры для наблюдения: маяк, крыша оперного, кирха и трубы ТЭЦ.

Прямо под ногами на урезе воды была тонкая дорожка из кусочков угля, перекатываемых волной. Большое количество пароходов, заходивших сюда в прошлом, еще долго давало о себе знать. Одним из любимых занятий было наблюдать за катерами, идущими из порта. Если в сторону Аркадии ходили маленькие катера, то по дороге в Лузановку можно было увидеть огромные (на то время) «Май» и «Старшину Приходченко». Время «Гринов» с именами побратимов Одессы и одесских пригородов еще не наступило.

Через пару часов солнце начинало припекать: нам время собираться домой. Чтобы ехать сидя – это вчетвером на двойном сидении – нам предстояла прогулка до катерного пирса, по главной аллее парка до конечной трамвая. Путь лежал по маслиновой аллее с обязательной дегустацией и шпурлянием косточками. Это была самая безобидная забава на то время.

Однажды около лодочной станции мы заметили экзотический автомобиль и множество софитов с кинокамерой. Песок нещадно жег пятки. На мой вопрос: «Зачем в солнечную погоду освещать песок?» – мама ответила: «Так надо для кино». Потом через год в телевизоре я узнал знакомое место и услышал классическую фразу про запуск Берлаги. До прочтения этой бессмертной книги оставалось еще лет десять.

Коснувшись кино, хочу вспомнить один эпизод. Отец племянников работал в такси. Одним жарким летним днем приехал на обед с сообщением: в Одессе снимают третью серию «Неуловимых», он познакомился с главными героями, и они нас ждут у себя через два часа. Мне было лет двенадцать. Сразу стал вопрос: большой мальчик – и в коротких штанах. Срочно надо найти длинные штаны. Отпущенные нам два часа ушли на то, чтобы отмыть, одеть и причесать нашу троицу.

Вот мы приехали в гостиницу на Дерибасовскую. Ребята жили втроем в очень скромном номере, где кроме кроватей был

абсолютный минимум мебели и места. Надо сказать, что общительные одесситы доставляли этим молодым хлопцам много хлопот, встречи с местными были постоянными. После короткой беседы зять предложил показать город. Запомнилась картина: из гостиницы выходят «Неуловимые», держа каждого из нас за руку, людской поток на Дерибасовской расступается. Молодые звезды запомнились простыми хорошими парнями. Но это будет еще только через несколько лет. В детстве каждый год кажется огромной величиной. Эти ребята, которые старше меня на пять-семь лет, казались очень взрослыми. Правда, моя сестра, которой тогда было двадцать восемь, представлялась мне если не старухой, то точно женщиной предпенсионного возраста.

А пока мы ждем трамвая домой. Мама подходит к водителю каждого подходящего вагона с одним и тем же вопросом: «Едет ли он в депо?». Иногда ожидание затягивалось до получаса, но всегда мы ехали прямо домой без пересадок.

Дорога домой всегда казалась короче. Часть молодого задора племянников осталась на пляже. Мама, наученная походами племянников в кабину водителя, надежно перекрыла выход с двойного сиденья.

Жевахова гора, нависающая справа со стороны берега. Труба, выходящая из земли и причудливо изгибающаяся в сторону моря. Во взрослой жизни это было одно из тихих уютных мест, несмотря на полное отсутствие какого-либо комфорта и цивилизации. Это просто Труба. Поворот на Зерновой. Тогда еще с едва заметными следами давно разобранного кольца, где трамвай ходил еще с дореволюционных времен на Куяльник. Ярмарочная. Малая и очень малая родина. Трамвайная развилка по дороге в депо на Деда Трофима (сейчас – Церковной) с опустевшим ныне Казанским базарчиком и мебельным магазином в помещении храма Казанской иконы Божьей матери, сейчас возвращенного верующим. После короткой остановки у сто тринадцатой школы и высадки основной части пассажиров переездом через железнодорожные пути начинался путь в депо. С этого момента водитель трамвая уже торопился домой, и остаток пути трамвай быстро пролетал – ко всеобщему удовольствию.

Через много лет по этому маршруту начали пускать летний двадцать второй трамвай. Но он уже возит других любителей моря. Да и море стало другим. Со множеством гастрономических и разных прочих удовольствий. А для меня эти поездки – как память о маме, которой, как сейчас понимаешь, за суетой не успел задать множество вопросов. А мамы для каждого всегда самые лучшие.

Моя Слободка…

Лузановка…

Трамваи, катера, которые мы принимали за корабли…

Еще то кино…

Без вас – все чужое…

С вами – у меня все…

Владислав Китик

Дедушка и внучек

Мой дедушка был пивник. То есть любил пиво и потреблял его иногда по случаю, иногда потому, что в ларек возле дома завозили свежее «Жигулевское». Иногда запивал свою обиду отставного майора, попавшего под «хрущевское сокращение».

Принять двумя руками пузатую кружку, сдуть пену, взбитую над ячменным янтарем, отхлебнуть и понимающе произнести: «Да-а!.. Богатое!» – было ритуалом приобщения к будничным радостям скуповатых на подарки пятидесятых годов.

Особенно торжественно этот обряд совершался после бани.

Она находилась на улице Торговой возле большого гастронома, отражавшего витринами корпуса Нового базара. Дед собирался чинно, аккуратно складывая в чемоданчик чистое полотенце, с удовольствием поднося к носу малиновый брусок душистого мыла. И улыбался от предвкушения удовольствия и утра, полного пенсионной свободы.

Однако бабушка знала все наперед и, обладая недреманным оком, словно невзначай певуче произносила: «Вася, а что ж ты сам? Внучка возьми. Бери! Бе-ри! Помоетесь – и назад!» – чеканно заключала она.

Дед не спорил. Он любил жизнь, любил бабушку, меня, конечно, новости, передаваемые по круглому репродуктору. Страна переживала период, по-весеннему названный вслед за И. Эренбургом оттепелью. Кинематограф поражал версиями будущего с умными механизмами и роботами. И как первые ласточки науки в быт входили хоть и немудреные, но работающие автоматы.

– Деда, а у нас есть такие? – спрашивал я, с любопытством слушая по дороге рассказы о чудесах техники.

– Еще бы! И скоро ты их сам увидишь! – лукаво подмигивал он.

Баня обдала жарой и душным влажным паром. На каменных скамьях, сверкая наготой, сидели тертые жизнью мужики. Бывшие фронтовики, уголовники, грузчики с базара, портовики, инвалиды. В банном зале стоял гул, образованный плеском воды, шумом открытого душа, жестяным стуком тазиков-шаек, который заглушал мысли об анонсированном сюрпризе. Глаза разбегались от галереи татуировок на телах: огромных церквей на всю спину, жеманных полуодетых девиц, воровских надписей. Больше всего поражали профили Сталина и Ленина, перенесенные на грудь с медали. Как потом я узнал, это суеверный оберег от пули, рожденный уверенностью, что в изображение вождей стрелять не станут.

С потолка по стене спускались трубы холодной и горячей воды с медными пробковыми кранами. Когда я поворачивал их большие деревянные рукоятки, чтобы отрегулировать в тазике нужную температуру, мне казалось, что я стою у пульта управления обещанным светлым завтра.

Мы вышли из бани во дворик, увитый диким виноградом. Прошли через ворота на улицу. Дед расстегнул макинтош, улыбчиво щурился на солнце и буквально млел от доброты.

– А теперь смотри! – он торжественно, как афинский оратор, воздел палец к небу. Взял меня за руку, и мы подошли к ступеням гастронома. От других продуктовых магазинов этот выделяло наличие в боковом крыле пивных автоматов. Нужно было бросить десять копеек в щелку, нажать кнопку и ждать. Благо недолго.

В утробе железного шкафа что-то хрюкнуло, всхлипнуло – и в стакан, поставленный в нише, полилась напористая струя.

– О как! – дедушка извлек стакан, выпил и с удовольствием причмокнул. – А ну-ка, ты брось монетку.

Волшебное действие повторилось.

На радостях я спросил: «А можно еще?». И получил самое радушное одобрение.

Дедушку кто-то хлопнул по плечу:

– Здорово, сосед! Работает техника?

– Исправно, Миша! – ответил дед. – Только пиво что-то уж очень разбавлено.

– А это мы поправим, – сосед полез в карман и достал шкалик. Он приподнял его и показал товарищу, на что тот сразу охотно кивнул: ершик оприходовать – это завсегда с удовольствием.

У мужиков, как у трех охотников на привале, начался оживленный разговор, в котором я ничего не понимал, и вскоре я заскучал и стал канючить: «Деда, а деда, ну пошли уже». Но он не мог прервать общение. Тогда соломоново решение пришло само, как только взгляд дедушки упал на прилавок. Он вынул несколько монет и сказал, что дает мне взрослое задание купить себе детскую бутылочку. Тогда продавались такие шоколадки в форме бутылки, внутри которой был ликер.

Продавщица протянула мне это кондитерское изделие в блестящей обертке, сказав: «Смотри, какой маленький, а самостоятельный! Кушай, деточка».

Между тем разговор за ершом стал напоминать патефонную пластинку, заевшую на одной музыкальной фразе. И находчивые собеседники еще раза три отправляли меня в кондитерский отдел.

Наконец мы вышли из гастронома. Улица покачивалась, встречные прохожие чуть посмеивались и продолжали свой путь. Мне стало тепло и беспричинно весело. Дедушка и вовсе излучал жизнелюбие. Мы шли и хохотали: дедушка и внучек. Ну а дома…

Эта история вспомнилась через года, когда миром овладел интернет, над могилой майора Василия Горбунова давно стоял памятник со звездой, как принято у военных, а шоколадок в виде бутылочки с ликером нет и в помине. Вспомнилось случайно, когда я читал Мандельштама: «А дома руганью крылатой, от ярости бледна, // Встречает пьяного Сократа суровая жена». А после долго думалось о том, как странно совпадают жизнь и стихи, нынешнее и привкус минувшего, опыт и понимание, от которого зависит прощение. Других и себя.

Вячеслав Вольф

О вреде курения

Поговорим о наболевшем. На промысловом флоте, конечно, много наболевших тем, но эта тема мне как человеку некурящему несколько раз доставляла такие сложности и приключения, что хочется остановиться особо. Не буду вдаваться в статистику, какое количество пожаров и возгораний устроили курильщики на борту: ранее выпускался специальный бюллетень аварий и аварийных случаев на судах минрыбхоза. Сейчас сия цифра, наверное, не подсчитывается. Известно одно: со времен деревянного флота и по сей день судовая администрация ведет беспощадную борьбу с курением. Борьба идет с переменным успехом.

Кстати, забота о здоровье здесь не на первом месте. Своим здоровьем каждый волен распоряжаться сам. Но когда твоя вредная привычка может навредить твоим товарищам по работе вплоть до летального исхода, тут уже другое дело. Как по мне, так запретить курение на борту надо полностью, так как разъяснительная работа здесь имеет такой же эффект, как выведение вегетарианской породы крокодилов.

В девяностом году прошлого века на туркменском траулере в Каспийском море, когда внезапно кончились сигареты, везде – и на борту и на берегу – курильщики перешли на чай и лавровый лист. Так что – бесполезно. Можно сделать цену в судовом ларьке хоть по сто пятьдесят долларов за блок, спрос не упадет, проверено.

Так вот: первая история просто про сигареты, будь они неладны, а вторая часть – это уже непосредственно про курильщиков,

и какие замысловатые проблемы привычка к курению может создавать на судне.

Симпатичный испанский порт на Канарских островах. Стоим на ремонте. Все идет своим чередом, в график укладываемся, экипаж работает, происшествий нет, по технике безопасности тоже все нормально – без травматизма. Середина ремонта, самый разгар. Обычный день, короче говоря. Наступает обед. Мы со старшим помощником решаем прокатиться до портового бара и выпить чего-нибудь прохладительного. За бортом плюс тридцать два. Машину старпом взял в прокате и оформил на себя. Спускаясь по трапу на причал, обнаружил, что не взял портмоне с правами. Успокаиваю его тем, что у меня мои с собой. Садимся в машину и едем навстречу холодному мохито. Портовый бар под названием «Таблетка» преобразился из помещения типа «хижина дяди Тома» в трехэтажную современную стекляшку за каких-то пятнадцать лет. Денег, оставленных здесь только одесскими рыбаками, хватило бы на небольшой микрорайон в городе.

Паркуемся, заходим внутрь и через пять минут становимся обладателями двух больших порций ледяного мохито. Дополнительно, чтобы соединить приятное с полезным, проводим блиц-мини-производственное совещание. Всё. Остается десять минут до конца обеда. Встаем, расплачиваемся и идем к машине. За двести метров до родного парохода нас прижимает к обочине джип испанской службы безопасности. «Гуардия сивиль» – так это звучит в переводе. Что за дела?! Выходим из машины, предъявляем документы. Пока офицер рассматривает мои права и документы из проката, кое-что мне приходит на память. В частности, что для того, чтобы остановить здесь машину и досматривать ее, нужны очень веские причины. Стакан мохито – точно не та причина. Далее додумать не успеваю, офицер требует открыть багажник. Да ради Бога! Открываю. В багажнике оказывается коробка сигарет «Marlboro». Ни хрена себе! Вот это джек-пот! По губам я, вообще-то, читать не умею, но здесь старпом так явственно, хотя и беззвучно произнес известное слово, что это поняли б даже испанцы.

Я понимаю, что чего-то я не знаю, но выкручиваться надо немедленно. Пытаюсь объяснить, что я капитан такого-то судна.

Это сигареты судового ларька, на них есть все документы. Это, кстати, чистая правда. Теперь начинаю сочинять, как Штирлиц с чемоданом. Едем мы на соседнее судно, чтобы отдать долг по сигаретам. Это судно на промысле нас выручило сигаретами, когда у нас закончился запас. Вполне правдоподобная история. Испанский офицер молча пишет протокол на капоте и на мои слова никак не реагирует. Тут замечаю у борта прибалтийского траулера, стоящего рядом, старого знакомого испанского агента Мигеля. Машу ему рукой и прошу подойти. Удача! Он отлично говорит на обоих языках. Повторяю ту же версию и прошу перевести. Мигель переводит. Реакции – ноль. Продолжают рисовать протокол. Затем грузят сигареты к себе в машину и долго что-то объясняют нашему переводчику. Я подписываю по настоянию Мигеля протокол. Служба безопасности уезжает.

Теперь, думаю, наша очередь удивляться. Мигель говорит мне, что эти сигареты сегодня нелегально пытались продать в нескольких местах в городе. Так как я был за рулем в момент обнаружения сигарет, то я и являюсь главным контрабандистом. Завтра с утра я должен быть с адвокатом и судовым агентом на борту, к нам приедет следователь для допроса. Недавно выпитый коктейль поднялся к моему горлу и там и застрял. Мигель закончил, пожал нам руки и отошел. Молча доехали до судна.

Теперь начинается сериал «Следствие ведут знатоки». Выясняется следующая «картина маслом». Наш второй помощник с вечера попросил у Андрея, старпома, ключи от машины, для того чтобы утром следующего дня пораньше поехать на пляж. Андрей отдал и забыл. Что сделал этот умник? Он решил немного подзаработать. Способ самый элементарный. Наши сигареты в судовом ларьке (которым он и заведовал) поставляются нам по цене дьюти-фри. В городе сигареты гораздо дороже. Есть пара, так скажем, мутных лавок, куда это добро можно пристроить и наварить пару копеек. Все бы хорошо, но наш бизнесмен не учел, а может, и не знал, что буквально пару недель назад в стране был принят драконовский закон о борьбе с нелегальной торговлей сигаретами и спиртным. За найденную левую пачку сигарет могли оштрафовать на сто тысяч евро. Естественно, нашего коммерсанта в первом же месте сдали, как стеклотару.

Но на камеры, которые установлены перед магазинами, попала только машина – естественно, с номерами. Получив везде отказ, второй уехал восвояси, машину оставил у борта, причем сигареты остались в багажнике, и отдал ключи старпому. Мы же, решив промочить горло, попали в сей капкан. Ну и потом был произведен наш отлов.

Вот к таким выводам мы пришли со старпомом с помощью истерической дедукции, примененной на борту при допросе второго штурмана. Второй, конечно, вину признал полностью, но мне от этого легче никак не стало. Надо было придумать, как отбиваться завтра. Ведь можно было получить не только штраф, но и депортацию с последующим отказом в получении шенгена. Перспективы ошеломляющие. Обидно еще, что практически на ровном месте. С меня потом весь флот смеяться будет. Задачи на данный момент стояло две. Первая – создать версию для полиции, вторая – придумать, что делать со вторым. Жалко, в общем-то: молодой парень, рыбак неплохой. Но последний вопрос на его допросе эту дилемму решил.

– Сережа, а ты сигареты эти долбаные на себя в ведомости записал?

– Нет.

– Молодец! Натуральный шлемазл! Значит, ты продавал судовое имущество, а не свое, – это уже другая статья.

С Сережей после этого контракта нам пришлось расстаться. Сейчас он где-то возит камни и песок. Нет, не на каторге. На балкерном флоте.

Я уже практически смирился с завтрашней экзекуцией, когда где-то в глубине памяти мелькнул один эпизод канарской жизни. Работал я еще тогда в нашей одесской компании. Надо сказать, что на Канарах осталось по разным обстоятельствам довольно много наших одесских рыбаков. Кто-то устроился на работу, когда флот был на простое, кто-то женился или вышел замуж. Разные истории. Многие по старой памяти приходили, когда одесские суда заходили в порт. Встречались, общались.

Года три назад стояли мы на таком же ремонте. И как раз случился День рыбака. Что говорить – святой праздник. Было воскресенье. Выходной. Ко мне в гости собирались мои хорошие

знакомые, которые жили на острове уже давно. Тамара когда-то работала на плавбазе «Восток», Серхио же был там же когда-то инспектором. Там они и поженились, а затем и остались на Канарах. Мы с командирами накрыли стол, для гостей приготовили побольше разнообразной рыбы и свежего судового хлеба. Тут звонит Тамара и спрашивает, не будет ли проблемой, если с ними приедет их сосед по дому. Он давно хотел побывать на большом траулере. Наше рыбацкое хлебосольство и гостеприимство известно везде и всюду. Поэтому я даже несколько обиделся. Пабло оказался компанейским веселым дядькой. Отпраздновали мы тогда очень добротно и со вкусом. Гостей вместе с подарками (какой-то вкусной рыбой, кальмарами и осьминогами) практически вручную загрузили в такси. Праздник удался.

И вот сейчас я про это вспомнил в той связи, что Пабло, как оказалось, работал чуть ли не начальником портовой полиции. Ну что ж, сейчас проверим, как испанцы помнят одесское гостеприимство. Хотя я надеялся всего лишь на какую-нибудь полезную в моем положении консультацию. Нахожу телефон Тамары. Берет трубку, минут двадцать излагаю ей все как на духу. Пабло, слава Богу, все еще их сосед. Обещает перезвонить. Часа три думаю: собирать уже вещи для депортации или немного подождать? И что вы думаете?! Звонит Тамара. Пабло, оказывается, перевели начальником отдела как раз туда, откуда я сегодня и получил все эти проблемы. Тамара:

– За сигареты забудьте, протокол оставь себе на память! Ну и больше так не делайте!

– Целую! И честное пионерское: так делать больше не будем!

На том и расстались. Так что пить, да и еще и с хорошими людьми, гораздо полезнее, чем курить!

Вторая часть этого повествования имеет трагикомический оттенок, но что было, то было.

Обычный промысловый рейс. Время и место не имеют значения. Картинка за иллюминатором не изменяется. Океан. Это делает сутки практически неотличимыми друг от друга. Траулер и его обитатели напряженно трудятся. Мостик ломает голову, где найти рыбу, тральцы ставят и выбирают тралы, фабрика ежечасно сортирует, замораживает, складирует. Вот на фабрике, или,

как еще ее называют рыбаки, на монетном дворе, и случилась эта история.

Начнем с краткого описания. Цех рыбообработки на современном траулере – это, по сути, завод площадью пятьсот-шестьсот квадратных метров. На нем огромное количество транспортеров, электромоторов, элеваторов, сортировочных и упаковочных машин. Очень сложное, постоянно работающее хозяйство. Естественно, любая техника имеет свойство выходить из строя. Особенно в океане, где влажность, ржавчина, вибрация, иногда некачественные детали и рукожопые члены экипажа делают свое дело. Все это хозяйство на плечах всего лишь трех специалистов. Старший этой бригады – первый механик-наладчик. И двое его подчиненных – слесари-наладчики. Работают они в режиме «четыре через восемь». То есть каждый из них на четырехчасовой вахте, затем восемь часов отдыха. Ну а если крупная поломка, то все включаются в схему, и пока не исправят, из цеха не уходят. Что делать? Производство у нас круглосуточное. Рыбу если уж поймал, необходимо обработать и заморозить.

Итак, все тихо, мирно. Утром на мостике возле кофейной машины, как обычно, собирается высший комсостав для импровизированного производственного совещания. Каждый день приходит и судовой врач. Мы с ним обычно обсуждаем его пациентов. Их у него, кстати, хватало. Львиную долю составляли моряки-рыбообработчики. Кто-то что-то прищемил, кому-то уронили пак с рыбой на ногу, кто-то укололся шипом какого-нибудь морского обитателя и так далее. Любого судового врача лично я оцениваю для себя только по одному критерию. И этот критерий – четкое понимание опасности для пациента. То есть надо везти на берег или нет. Все остальное – лирика. На судне достаточно оборудования и лекарств. Но снятие судна с промысла должно случаться только в истинно необходимых случаях. Короче, главное – правильный диагноз.

В тот день доктор пришел на мостик, как обычно, и стал доить кофемашину.

– Что там у нас, док? Хромые, косые, ударенные? – спросил я буднично.

– Да вроде все нормально. Двое мавров с температурой. Наверное, завезли что-нибудь с берега, с последней выгрузки.

Да знаю я эти мавританские инфекционные сюрпризы. Пару лет назад, еще до ковида, у меня пятьдесят с лишним человек с температурой тридцать девять лежали, пароход сам по себе плавал. Все жаропонижающее выпили, даже в шлюпочные аптечки залезли.

– Да вот еще со слесарем Стасюком что-то непонятное творится. Я к вам по этому поводу собирался.

Слесарь-наладчик Стасюк, коренастый мужичок лет пятидесяти пяти, работал у нас на судне лет десять, а то и двенадцать. Нормальный специалист, водки попить тоже мог, но с работой это не пересекалось. В общем, никаких особых претензий. По словам доктора, у слесаря началось какое-то неадекватное поведение. Начал заговариваться, не узнает коллег, короче – что-то с головой. Голова – предмет, как известно, темный. Диагноза и близко не поставишь. Наверное, что-то пьет втихаря. Доктор, конечно, пошел по пути наименьшего сопротивления. Если с моряком что-то непонятное – значит, что-то пьет. Договорились, что доктор его далее будет наблюдать.

Прошло пару дней, проблема вырастала все явственней. Человек становился, по мнению всех окружающих, все более неадекватным. Правда, без агрессии. И что более интересно, после восьмичасового отдыха он еще что-то соображал. После вахты же, проведенной в цеху, кукушка улетала у напрочь. Доктор кормил его разнообразными таблетками, витаминами и ставил капельницы. Помогало мало. Медицина зашла в тупик. И я вместе с ней. На человека, который мог достать у местных арабов какой-то веселой травы, Стасюк был непохож. Не пацан. Оставалась только какая-то питьевая гадость. Порт был очень давно. Все, что там было куплено, давно выпито и забыто. С арабского берега, где напрочь запрещен алкоголь, поставок тоже быть не может. Что еще? Местное производство искоренили на тот момент, да и случаев других не было. Для этого дела все равно нужен коллектив. Тупик. Вызвал соседа по каюте, такого же слесаря-наладчика Вову. Тот пожимает плечами и делает глаза размером с большой подшипник.

Докладываю в офис. Доктор дает свое описание пациента. Принимается решение отправить домой на ближайшей выгрузке. Кое-как дотянули до выгрузки. Доктор кормил его успокоительным три раза в день вместо еды. Но под самый конец мужик разошелся окончательно, долго бегал по судну в поисках супруги. Укололи и закрыли в изоляторе. На следующий день вроде ему стало полегче. Нам с доктором стало вообще легко, когда катер со сменой отчалил от борта. Всех вменяемых, летевших с нашим больным, проинструктировали и строго-настрого приказали довезти его домой. Довезли. Мы с доктором с нетерпением ждали диагноза.

Но тут наше размеренное ожидание кончилось. На третий или четвертый день доктор с грохотом ворвался ко мне в каюту.

– У Ярошенко (это новый слесарь-наладчик) те же симптомы, что и у Стасюка!

– Да ну на… – только и смог сказать я.

Это становилось уже вообще не смешно. Так же отреагировали и в офисе. Начиналась Агата Кристи, Конан Дойль и прочие братья Вайнеры. Второго слесаря, который опять чувствовал себя хорошо, мы с доктором чуть не загрызли: уже были в одном шаге от применения пыток. Тот тоже ничего не сказал, скорее всего – ничего не знал. Перевернули всю каюту в поисках чего-нибудь спиртного, затем переместились в механическую мастерскую, в цех, где у слесарей хранилось все их хозяйство. Ничего. То есть ничего, что могло бы привести человека в состояние шизофрении. Главное, что оба его коллеги в полном порядке!

Новый слесарь полностью копировал поведение своего предшественника. Мы с доктором уже тоже стали потихоньку продвигаться к состоянию наших больных. Снова доложили в офис, снова написали рапорты и снова получили указание отправлять больного домой. Но предупредили, что слесаря на берегу заканчиваются. Мы, в отличие от офиса, шутить уже не могли.

Настал день очередной выгрузки на рейде порта и одновременно подмены части экипажа. Когда сменившиеся моряки и наш больной убыли с борта, ко мне с торжествующим видом пришли рефмеханик и новый стармех. Рефмеханик уже месяц занимался поисками утечки фреона из системы охлаждения второго трюма.

Найти никак не получалось, фреона ушла уже тонна. Тут наконец-то рефслужба победила и нашла утечку. И где она ее нашла? А нашлась это дырка во фреоновом трубопроводе, который пролегал как раз через мастерскую наших слесарей-наладчиков. Новый же старший механик, который уже слышал о нашей кошмарной истории, тут же поставил в ней точку.

Вот что значит «век живи – век учись». А на флоте – так, наверное, и века не хватит. Наши потерпевшие оба курили, и курили они, сидя в кресле, возле которого как раз проходил фреоновый трубопровод с этой долбаной дыркой. Фреон – газ, как известно, без цвета и запаха. А вот при нагревании более четырехсот градусов выделяет соли тяжелых металлов. На кончике сигареты – шестьсот градусов. Так что пару дней таких перекуров – и отравление начинало сдвигать крышу нашим слесарям. Сосед же по каюте этих несчастных, слесарь Вова, курить бросил еще лет пять назад.

Итог – мужиков вылечили, дырку заварили, а я для себя решил еще раз, что, несомненно, лучше пить, чем курить!

Игорь Геращенко

Только в Одессе…

…дождь шепелявит…

…скрытные сотрудники шуршат, как тараканы…

…жена скажет мужу: «Усталое мое счастье»…

….борода старит человека в лучшую сторону…

…можно услышать: «Люблю своего педабога!»…

…вам объяснят, что вы тупой, потому что не знаете, что столица Парижа – Лондон…

…доктор, изучая ваш снимок, скажет: «Не печень, а каменоломня»…

…муж в сердцах скажет жене: «Я из-за тебя женился на тебе!»…

…празднуют минуту молчания…

…арбуз хорошо чистит почки и выводит их из организма…

…богатый человек может похвастаться: «Жизнь заканчивается раньше, чем деньги!»…

…грустно – плохо, быстро – плохо, тихо – плохо, скучно – плохо… Ну и хорошо!..

…у мафии длинные руки: удобно намыливать спину…

…робкий муж угрожает жене: «Вот сейчас посуду помою – и все станет по-моему!»…

…правильно – это когда неправильно, но с удовольствием…

…хорошо болеть, когда ты здоров…

…вас предупредят: «Наш город – многоэмоциональный!»…

…вас попросят: «Помогите устранить последствия евроремонта!»…

…на похоронах вы можете услышать: «Не дожил до своей смерти»…

…все не так просто, а когда просто – все не так…

…ничего никогда не пропадает, просто найти ничего нельзя…

…тараканы аморальные существа…

…только теща имеет право угощать зятя безалкогольным пивом…

Содержание

От редактора. 3

Евгений Голубовский
Жванецкий о пользе чтения 6

Михаил Жванецкий
Прекрасно сидеть весь день 7
Простые вещи 8

Юрий Михайлик
Евгению Голубовскому 10

Под звуки воздушной тревоги

Анна Стреминская
Будто и нет никакой войны 14

Анна Маліцька
Людина й крила 15

Инна Квасивка
Море мое. 16

Жанна Жарова
Ветру распевы вручая 17

Тая Найденко
Вот дом. 18

Александр Мардань
Мы ждем Победы и тепла 20

Памяти Евгения Голубовского

Юрий Михайлик
И творчество, и чудотворство. 22

Анна Голубовская
Осторожно беру в руки часы отца. 32

Евгений Голубовский
Мне снился сон... 36

Эвелина Шац
Пока не сжалось расстояние до точки 38

Юлия Женевская
Прервалась связь времен 39

Григорий Барац
Незаменимый 40

Евгений Деменок
Светлый дух Евгения Михайловича 42

Анна Михалевская
Тот, кто терпеливо ждет 50

Виктория Коритнянская
Так он хотел 54

Вера Зубарева
Феномен Голубовского 57

Анатолій Глущак
Alter ego 61

Людмила Шарга
Только в настоящем и будущем 62

Владислава Ильинская
Лаз 66

Феликс Кохрихт
Мой старый друг, мой друг бесценный 68

Татьяна Партина
Время – упорный стайер 70

Константин А. Ильницкий
Качели 71

История, краеведение

Андрей Добролюбский
Топонимические приключения древнего Одессоса 74

Александр Сурилов
Трагедия Аркадиевской балки 91

Михаил Пойзнер
Высоцкие 99

Виктория Коритнянская
Чисто одесские вещи 112

Тамара Каганович
Одессу защищает еврейский батальон 117

Ольга Козоровицкая
«Найти единственно правильный выход из этого положения я не смог» 129

Проза

Анастасия Яковлева-Помогаева
Зависший проект 140

Владимир Каткевич
Фонарь 146

Анатолий Контуш
Ночью, во влажной темноте 158

Анна Михалевская
Смерть и жизнь свечника Луция 162

Григорий Барац
Ревнивец 174

Никита Рыбаченко
Зачем меня сюда вернули? 181

Григорий Яблонский
Командировка на родину 185

Леонид Лейдерман
Боже, храни короля 189

Поэзия

Анна Маліцька
Сатурн. 200

Юлия Пикалова
Три сестры 201

Анна Стреминская
По воле моря и неба 203

Юрій Работін
Будуть сходи і походи 205

Жанна Жарова
Но прорастают завтрашние сны. 207

Інна Квасівка
Відлетіли птахи завчасно... 209

Татьяна Партина
Конец эпохи вампиров 210

Віталія Бабущак
Дівчина в камуфляжі 211

Валерий Сухарев
Судьбы непрерывная музыка... 212

Искусство – жизнь – искусство

Евгений Деменок
Мюллер или Меллер? 214

Юрий Дикий
Дипломатия культуры в нынешнем столетии 229

Эвелина Шац
Маленький трактат о черном цвете 242

Владислав Китик
Проказенить взрослую жизнь 249

Александр Дорошенко
Лабиринты творчества 253

Эдуард Амчиславский
Он первым сказал про музей 263

Валерий Романов
Феликс Шиндер: «В Таллинн я привез настроение южной солнечной Одессы» 267

Публикации

Олена Яворська
Одеські поневіряння Михайла Жука 276

Станислав Юзеф Сроковский
Из Дикого поля 291
Публикация Стеллы Михайловой

Сокровища из сокровищницы

Зона взаимного притяжения 312

Путешествие

Екатерина Безпалова
Пожить в Париже и... 332

Ах, Одесса

Семен Абрамович
Памяти Алексея Семенищева 340

Александр Солодянкин
Слободка – Лузановка: на море и обратно 342

Владислав Китик
Дедушка и внучек 350

Вячеслав Вольф
О вреде курения 353

Игорь Геращенко
Только в Одессе... 362

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 95

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 95

Издается с 2000 года

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 07.11.2023
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua